Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 17 15 СЕНТЯБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Передовая. — Борьба с бюрократизмом и оппозиция	3
Лапинский, П. — Расслоение реформизма (в порядке постан. вопроса)	8
Тальгеймер, А. — Крестьянский вопр. в Австрии и аграрн. программа австр. с.-д. (оконч.)	31
Беленко, В. — О товарном голоде (дискуссионная)	44
Шляпников, А. — О демонстративной атаке и правой опасности в партии	62
В. Л. — Еще раз о правой опасности в нашей партии (ответ т. А. Шляпникову)	74
Критика и библиография.	
Розенталь, К. — Фортунатова, Е. «Крестьянство как союзник рабочего класса»	103
Н. С. — Розенфельд, Я. С. «Промышленная политика СССР»	107
Стрельцов, Г. — «Большевик Украины» № 1	112

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 69632. Москва. Тираж 60.000 экз.
Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23а.

Борьба с бюрократизмом и оппозиция.

Последняя дискуссия с новой оппозицией подняла ряд крупнейших политических вопросов громадной принципиальной важности. Тот особый политический оттенок, те особые политические выводы, к которым склонялась новая оппозиция, имели своей предпосылкой отличные от общепартийных оценки ряда современных экономических явлений в СССР. Общеизвестно, что крупнейшие разногласия, отдалившие новую оппозицию от партии в целом, шли по линии оценок социально-экономических соотношений внутри нашей страны, характеристики различных хозяйственных формаций, их социального содержания и взаимного соотношения этих формаций.

Об'единенная оппозиция прибавила к прежним отклонениям от общепартийных оценок ряда экономических явлений еще некоторые новые отклонения. Так, если в предыдущей дискуссии оппозиция поставила под сомнение социалистический характер государственной промышленности, то об'единенная оппозиция ставит теперь под сомнение и пролетарский характер советского государства.

Подобного рода оценки классовой сущности нашего государства обязывают к очень многому и, несомненно, отводят в сторону от большевистской политики. Во всяком случае, в утверждениях о том, что наше государство «далеко не пролетарское», идеологи оппозиции не имеют никаких оснований опираться на тов. Ленина. Ленин считал советское государство формой пролетарского государства даже в таких условиях, когда хозяйство СССР было дезорганизовано, когда роль социалистических элементов в экономической жизни СССР была гораздо слабее, чем теперь; когда сам пролетариат в значительной мере был деклассирован. Нет никаких сомнений в том, что в общем и целом к настоящему времени обстановка изменилась к лучшему для пролетариата: социалистическая промышленность окрепла, пролетариат вырос и количественно и качественно, мы подошли вплотную к задаче индустриализации страны. В таких же условиях, когда соотношение социальных сил в СССР изменилось не в сторону ослабления силы и классовой сплоченности про-

летариата, а в сторону обратную, когда советское государство своей политикой укрепило социалистический сектор хозяйства,— говорить о «непролетарском» характере советского государства— еще меньше оснований, чем прежде.

Но Ленин недаром указывал на то, что наше государство является рабочим с некоторыми особенностями, в частности с той особенностью, что оно имеет «бюрократические извращения». Это очень серьезная и опасная язва в пролетарском государственном организме. На протяжении всего периода существования диктатуры пролетариата Ильич неустанно подчеркивал необходимость борьбы с этой болезнью и особенно энергично написал на эту задачу со времени перехода к «мирному» хозяйственному строительству. Одна из его последних статей о Рабкрине целиком посвящена вопросу улучшения, упрощения нашего государственного аппарата, освобождения его от бюрократических наростов, традиций и навыков.

Было бы нелепо утверждать, что бюрократизм отсутствует в наших государственных учреждениях. Трудно даже оспаривать тот факт, что бюрократические тенденции кое-где развиваются в недрах советских учреждений. Можно лишь спорить относительно степени этих бюрократических извращений, можно оспаривать тот взгляд, что бюрократические извращения ставят наше государство на грань перерождения, изменения его классовой сущности. Для подобных утверждений нет достаточных оснований. Но эти бюрократические извращения будут тем быстрее и радикальнее изжиты, чем лучше мы будем обеспечивать нашей политикой такое направление государственного аппарата, такие пути его развития, которые обязывали бы его освобождаться от бюрократических наростов, которые стимулировали бы борьбу государственных учреждений с раз'едающим их бюрократизмом.

Почти все внутрипартийные оппозиции всегда делали особое ударение на необходимости борьбы с бюрократизмом. Особенно много на эту тему говорят представители современной об'единенной оппозиции. Однако, те политические тенденции, которые представлены оппозицией, вне всякого сомнения, идут не по линии преодоления бюрократизма, не по линии его изживания, а, наоборот, мешают борьбе с бюрократизмом, стремятся исключить благоприятные условия преодоления бюрократизма.

На самом деле. В городе бюрократические извращения особенно характерны для наших хозяйственных организаций. Бюрократические методы работы, бюрократические традиции, бюрократическая застойность, бюрократическая рутина—эти язвы наших хозяйственных государственных организаций бесспорны. Они являются значительным препятствием улучшения нашей промышленности, наших государственных хозяйственных предприя-

тий. Эти бюрократические тенденции и методы влекут к такой политике, которая не обязывала бы к оживленной перестройке наших предприятий, к интенсивнейшей борьбе за улучшение организации производства, к борьбе за уменьшение непроизводительных расходов и т. д. Эти тенденции встречают благоприятную почву в монопольном положении наших государственных хозяйственных предприятий.

Если бросить взгляд на капиталистические страны, то нетрудно установить, что монопольное положение различных трестов и синдикатов сопровождается их загниванием, их нежеланием приспособляться к потребностям широких трудящихся масс. Пользуясь монопольным положением, эти капиталистические хозяйственные организации систематическим повышением цен проводят курс на разорение потребителей вообще, особенно сельских производителей. Устранение конкурентного начала и установление монополистического всевластия этих хозяйственных организаций ведет к тому, что они «снимают» проблему улучшения своего производства, удешевления своей продукции и т. д. Таким образом, эксплоататорские тенденции получают здесь наиболее голое выражение, конкурентный стимул устраняется, и капиталистические тресты и синдикаты вступают на путь монополистического загнивания.

Бюрократические тенденции в наших советских хозяйственных организациях, конечно, совершенно отличных по своему классовому содержанию от капиталистических, в наших советских трестах и синдикатах, несомненно, влекут нас двигаться по этой же линии наименьшего сопротивления: пользуясь монопольным положением, повышать цены, усиливать «перекачку» и таким образом увеличивать накопление. Двигаясь по такому пути, мы способствовали бы не преодолению бюрократизма, а его пышному расцвету в наших хозяйственных учреждениях. Становясь на рельсы повышения цен, мы отняли бы у наших производственных организаций стимул к улучшению производства, к удешевлению продукции, к устранению значительных непроизводительных расходов и т. д. Вот почему платформа оппозиции в области политики цен является бюрократической платформой, а позиция партии в целом является такой позицией, которая стимулирует борьбу с бюрократизмом, которая обязывает к борьбе с бюрократизмом, которая создает условия для борьбы с бюрократизмом, которая является фактором устранения из государственного аппарата бюрократических извращений.

Обратимся теперь к другому участку нашего государственного аппарата—к сельским ответвлениям его. Нет необходимости доказывать, что на этом участке бюрократизм имеет свою *особую* почву, свои *особые* благоприятные условия. Бюрократические тенденции в этих отраслях государственного аппарата,

несомненно, усиливаются благодаря тому, что в нашей советской политике в деревне еще не изжиты военно-коммунистические методы строительства. Военно-коммунистические пережитки политики в наших условиях являются бюрократическими пережитками. Командование, прямой нажим, отсутствие широкого обсуждения вопросов, «обязательные списки» при выборах и т. д.,—все это в наших условиях—проявления бюрократизма в сельсоветах, волисполкомах и т. д. Учитывая это, учитывая необходимость демократизации советского аппарата, учитывая необходимость приближения государственного аппарата к массам; учитывая необходимость укрепления связи между советским государством и бедняцко-середняцкими массами крестьянства,—партия выбросила лозунг «оживления советов».

Проведение в жизнь этого лозунга, с точки зрения партии, должно привести к изживанию военно-коммунистических методов советского строительства, к укреплению связи низовых ответвлений советского государственного аппарата с бедняцко-середняцкими массами, к вовлечению в непосредственное советское строительство доверенных представителей бедняцко-середняцких масс. Оживление советов может и должно явиться сильнейшим орудием борьбы с бюрократизмом. Оппозиция, относящаяся к этому лозунгу отрицательно, проявившая боязнь перед растущей политической активностью бедняцко-середняцких масс, цепляющаяся по существу дела за военно-коммунистические пережитки в советской политике,—мешает борьбе с бюрократизмом. Таким образом, в отношении борьбы с бюрократизмом оппозиция стоит на почве фразы и только фразы; суть же ее политической линии бюрократична, ибо она не предполагает создания благоприятных условий для борьбы с бюрократизмом, а, наоборот, мешает созданию этих условий.

Оппозиция, далее, много говорит о партийном бюрократизме и необходимости проведения в жизнь внутрипартийной демократии. Но и в этой области ее позиция является по существу бюрократической. Утверждая, что руководящие органы нашей партии отклоняются от правильной ленинской линии, оппозиция склонна изображать дело таким образом, что эта политическая линия ведется ЦК без санкции партийных масс, без ведома последних, вопреки воле последних. Это есть бюрократический подход к оценке внутрипартийных отношений, это есть непонимание роли партийных масс в выработке политической линии партии, в проверке этой линии на практике, в конкретном повседневном проведении в жизнь этой политической линии.

С другой стороны, оппозиция, так много говорящая о внутрипартийной демократии, ставит волю своей небольшой фракционной группы «избранных»—выше воли партийных масс, выше воли партии в целом. Главный принцип внутрипартийной демократии—это подчинение решениям партии в целом, а так как партию в целом представляет партийный с'езд, то неподчинение решениям этого с'езда нужно рассматривать как проявление величайшего антидемократизма, как результат бюрократического понимания внутрипартийной демократии.

Вот почему, характеризуя существо об'единенной оппозиции, мы имеем право рассматривать ее, как бюрократическое течение внутри нашей партии.

П. Лапинский.

Расслоение реформизма[1]).

Нет сомнения в том, что экономический процесс приводит к политической перегруппировке в лагере буржуазии с тенденцией к усилению в нем боевых, агрессивных, классово ярче выраженных элементов. В результате тех же причин аналогичного развития мы должны ожидать — а отчасти уже можем его наблюдать — и на противоположном полюсе современной капиталистической общественности, т.-е. в массах рабочего класса. Мы думаем в частности, что реформистское, социал-демократическое движение вступает в полосу ускоренного и более полного, чем до сих пор, расслоения.

На самом деле, чему следует приписать то еще громадное влияние, которое удалось сохранить реформизму в рядах рабочего класса в послевоенный период, несмотря на пережитый рабочими массами исторический опыт и связанные с ним величайшие разочарования? Нам думается, что до сих пор этот вопрос еще не ставился достаточно серьезно. А между тем без серьезного ответа на этот вопрос труднее уловить и те тенденции развития, которые должны привести к преодолению существующего в этой области положения вещей. Поэтому начнем с попытки установления и хотя бы беглого анализа тех основных об'ективно-исторических причин, которые обеспечили реформизму его влияние и силу еще на целую историческую полосу (ибо минувшие со времени прекращения мировой бойни годы представляют собой, без сомнения, уже целую историческую полосу).

Всем известны основные черты послевоенного реформизма. Это осознанная и признанная приверженность к современному (т.-е. капиталистическому) государству в его двояких качестве и форме, т.-е. как к демократическому государству и как к национальному государству, отказ от всех традиционных представлений о преодолении этого государства путем революционного насильственного переворота и о необходимом подчинении всей классовой борьбы, всей тактики пролетариата этой конечной цели. «Бургфриден», стремление к мирному сожительству и сотрудничеству классов, пережил мировую войну, превратившись в подлинную, длительную основу новейшего сверхреформизма, далеко превзошедшего даже и старые бернштейновские представления о мирном и постепенном перерастании капитализма в социализм. Без сомнения, можно утверждать, что подобной регрессивной эволюции доктрины, когда-то владевшей умами миллионов, не знает вся современная история. Только своеобразный ложный стыд затрудняет большинству европейских реформистских вождей и совершенно формально и официально, с соответствующим церемониалом, отбросить, как неоправдавшееся, ложное учение, всю марксистскую революционную традицию. (В отдельные моменты, впрочем, как на гёрлицком партейтаге германской социал-демократии учение о борьбе классов оказывалось устраненным из официального «кредо»).

[1]) В порядке постановки вопроса.

Каким образом подобная теория и практика после всего пережитого могли привлекать к себе широкие массы, которые подчинялись этого типа руководству, пусть и без прежней веры, убеждения и воодушевления (в отсутствии этих прежних чувств нельзя сомневаться), пусть и с несомненной внутренней раздвоенностью, со скрытою горечью, а иногда и с явным возмущением, но все же без достаточной решимости высвободиться от этого ига?

Общность с современным капиталистическим государством (то, что в Германии называется отвратительно-филистерским термином «Staatsbejahung»), национализм, сверхреформизм, примиренчество могли не только не отталкивать последние остатки рабочей массы, но даже до некоторой степени стать источником влияния в этих массах, только в специфических условиях смутной, переходной эпохи, характеризуемой всесторонним и небывалым развалом и разбродом в экономической и политической областях. Характернейшие свойства этого смутного периода — это некоторое внутреннее бессилие, незаконченность, половинчатость всех скрещивающихся в нем, об'ективно-исторически созрелых и перезрелых тенденций; это хронически колеблющееся равновесие, создаваемое не безусловным перевесом определенных исторически господствующих факторов, а временным обессилением, неполнокровием всех основных борющихся сил. Это неустойчивое, шаткое равновесие создано не только системою сил, но и системою бессилий.

Это, конечно, не значит, что все эти антагонистические величины представляют собою все сплошь и во всякий момент те же градусы силы (или бессилия). Нет, тут, конечно, целая и постоянно колеблющаяся градация, при которой в общем и целом один фактор — капиталистическая буржуазия — остается пока наверху над пролетарским фактором; и вся система не является застойной, а наоборот, пребывает в состоянии движения, т.-е. борьбы, при которой нет недостатка в ударах от класса классу. Но только это не окончательные, не сокрушительные удары, не удары, наносимые всей силой и со всей исторической решимостью, не те, которые обозначают собою последние, великие решения в великой исторической борьбе. Эта борьба явно задержалась, замедлилась в своем развитии, остановилась на полпути, измельчала, запуталась, свихнулась, создав то явно временное, непрочное, непрозрачное, двусмысленное состояние, полуволчье и полупесье — «entre chien et loup», как выражаются французы, в котором выражается неполная задержка исторического процесса.

Этой задержки ни в коем случае и ни в какой степени нельзя сравнить с состоянием, образовавшимся в Европе после поражения революции в 1848—1849 гг. или после поражения Парижской Коммуны, ни даже после поражения первой Рос-

сийской революции 1905 года. Все эти поражения привели к несравненно более однородному состоянию более или менее безраздельного господства чистой реакции и контрреволюции, сопровождаемой прострацией и бессилием — по меньшей мере в локальном масштабе—рабочего класса. Но ничего подобного нет в настоящий момент, и притом в наше время уже не существует «локального масштаба» в прежнем смысле! О спокойно-невозмутимом господстве контрреволюции не может быть и речи. Наоборот, везде даже в Италии при всем мишурном блеске фашистских триумфов в этой стране, и точно так же в Болгарии и Венгрии—чувствуется, как режиму реакции приходится буквально каждый день, как поденщику, зарабатывать на жизнь, и живой призрак пролетарской революции уже не покидает капиталистических стран. Эпоха безмятежного обладания и пользования властью прошла безвозвратно. Борьба пролетариата за власть буквально носится в воздухе. Но только повсеместно заметно наступление того своеобразного промежуточного периода, о котором шла речь выше.

Основным источником обрисованного положения был тот совершенно необычный экономический развал, тот сверх'естественный хаос и неразбериха и связанное с ними истощение и беспросветность, которые явились прямым наследием войны. Такое именно развитие событий, как непосредственный результат хаоса, неразберихи и разорения, порожденных мировою войной, с поразительной точностью предвидел Энгельс, когда он писал в начале 90-х годов: «Эта война, в которой 15—20 миллионов вооруженных людей будут вырезывать друг друга и разрушать Европу, как никогда раньше, — эта война либо приведет к немедленной победе социализма, либо уже в такой степени опрокинет весь старый порядок вещей с ног до головы, оставит после себя такую кучу развалин, что старое капиталистическое общество станет более невозможным, чем когда бы то ни было, и что социальная революция будет отсроченной на 10 или 15 лет; но в этом случае и должна будет победить после ее тем более быстрого и основательного хода» [1]).

Эти слова Энгельса звучат величайшим парадоксом: ведь, как так? В результате созданного войной хаоса и разорения, «старый порядок вещей» окажется «опрокинутым с ног до головы», «более невозможным, чем когда бы то ни было», и все же—«социальная революция будет отсрочена на 10 или 15 лет»?! Разве это не величайшее противоречие, не логический абсурд? Но в том-то и дело—и в этом и заключается гениальность энгельсовского предсказания, что одни и те же причины: неслыханный развал, хаос и беспросветность могут привести к двум только на вид противоположным последствиям: могут окончательно разрушить капитализм — обнаружить всю его историческую «невозможность»—и в то же время способствовать «отсрочке» социальной революции. В этом предвосхищенном Энгельсом внутреннем противоречии весь секрет той глубочайшей двойственности, противоречивости, иррациональности, нелепости, безнадежной неуравновешенности и неоднородности, которые являются самым неот'емлемым и характернейшим свойством переживаемой нами послевоенной эпохи и которые столь часто поражают нас и даже подчас и сбивают с толку! История не знает более «диалектического» состояния капиталистического общества. Временная задержка исторического процесса создала условия своеобразного сожительства двух глубочайше противоречивых, непримиримо антагонистических социально-экономических сил и тенденций, двух исторических эпох и порядков. Историческая бессмысленность, нежизненность, переходность подобного положения вещей бросается в глаза.

[1]) Статья для «Almanach du Partie Ouvrier». «Neue Zeit». 1892 г., стр. 587—88.

Другой, неразрывно связанной с предыдущей, причиной задержки и спутанности революционно-исторического процесса явилось беспримерное неравенство всего хозяйственного положения руководящих капиталистических стран. Неравномерность капиталистического развития считал В. И. Ленин — и с величайшим основанием — одним из факторов революционного развития. Но это уже не неравномерность «развития», ибо о развитии в течение целых лет не было и речи, а беспримерное несходство всего хозяйственного положения, выразившееся в совершенно небывалой зависимости одних стран от других, послужило на сей раз задержкой революционного развития. В таких странах, как Германия или Австрия, поставленных буквально «на паек»—на голодный паек—другими капиталистическими странами, сознание национального своего хозяйственного и политического бессилия, тщательно культивируемое всей сплошь социал-демократией (в том числе и так называемыми «независимыми», что и явилось тем их первородным грехом, под тяжестью которого они должны были фатально, как по наклонной плоскости, скатиться к Шейдеманам и Эбертам), обрезывало крылья пролетариату, убивая в нем веру в его собственные силы и в возможность социальной революции.

Каутский и его единомышленники были только выразителями этих упадочных настроений крупных частей рабочего класса и обнищалого мещанства, когда они выступали со своей критикой «социализации нищеты и развалин». Основным стержнем этой критической «теории» была мысль, что пролетариат неспособен обеспечить себе и голого существования, иначе как через национальную и международную буржуазию и в союзе с ней. Возражая против «социализации нищеты», Каутский по сути становился проводником социализма пауперов, люмпен-пролетарского социализма в странах, в которых весь рабочий класс сплошь (и с ним добрая часть мещанских масс) оказался превращенным международной буржуазией в пауперов. И только неистребимой силе об'ективно созревшего революционно-исторического процесса следует приписать, что этой новой «философии нищеты» (с которой неразрывно связана идея добровольного отказа пролетариата от власти, «коалиции» с буржуазией) не удалось низвести рабочий класс до последних степеней классовой инвалидности и самоискалечения.

Но неизбежным проявлением такого промежуточного, смутного и двусмысленного исторического состояния, при котором

ни одна из двух основных исторических сил современности—ни революционный пролетариат, ни капиталистическая буржуазия—не оказывается способною взять решительно и прочно верх одна над другой, неизбежным проявлением такой системы шаткого классового равновесия должно было стать выступление на историческую авансцену в первых, во всяком случае видных, ролях промежуточных элементов.

В этих ролях мы и наблюдаем прежде всего современные социалистические и родственные им партии. Это промежуточное „центральное" положение делает эти партии носителями своеобразного «равновесия» и стабильности, и неизбежно роднит их со всеми другими промежуточными элементами, прежде всего с мелкомещанскими массами и партиями. Вся современная социал-демократия в ее новейшем, послевоенном виде, в ее исторически новой роли и с ее новым и еще крупным удельным весом является классическим продуктом этого послевоенного смутного переходного периода, каким он рисовался воображению Энгельса. Она является паразитическим плодом недовершенного, задержавшегося, завязшего исторического процесса.

Одним из тех указаний, к которым Энгельс возвращался в последние годы своей жизни с особенной настойчивостью [1]), было указание на то, что в случае революции партия пролетариата очутится у власти не сразу, но только после того, как другие партии, завоевав власть, окончательно изживут и скомпрометируют себя. Энгельс, видимо, считал, что колоссальный процесс капиталистического развития, характеризовавший собою всю вторую половину минувшего столетия, в этом отношении ничего не изменил коренным образом в механизме революции по сравнению с тем, как этот механизм рисовался Марксу, когда он еще в самом начале 50-х годов в своем «Обращении к немецким коммунистам», можно сказать, кодифицировал тактику пролетарского авангарда по отношению к промежуточным революционным партиям, овладевшим государственной властью.

Но как в половине столетия, так и многими десятилетиями позже и Маркс и Энгельс явно представляли себе этот процесс изживания и «компрометации» промежуточных партий весьма быстро протекающим. Их воображению, без сомнения, рисовался при этом прообраз Великой французской или английской революций с их классическим развитием «по восходящей линии», в течение немногих лет и в процессе быстрой смены революционных партий доводящим революцию до апогея. Но неслыханный всеобщий развал и хаос, порожденный мировой войной в связи с беспримерным обессилением отдельных стран, как это предвидел тот же Энгельс—внес элементы

[1]) В частности в переписке с Бернштейном (опубликованной Д. Б. Рязановым) 12-го июня 1883 года Энгельс пишет Бернштейну: «Революция есть продолжительный процесс (ср. 1642—46 г.г. и 1789—1793 гг.); и чтобы условия созрели для нас, а мы для них, все промежуточные партии поочередно должны притти к власти и оскандалиться. И тогда придем мы и, может быть, тоже временно будем разбиты. Хотя я не считаю это возможным при нормальном ходе вещей». Те же мысли в письме от 27-го августа 1883 года и в еще более раннем письме по поводу известных статей Фольмара («Архив Маркса и Энгельса», т. I; стр. 347, 349, 329).

хаоса, сумятицы, задержки и в самый процесс неизбежного в результате той же войны зарождения и развития революции! В связи с этим и роль промежуточных элементов должна была неизбежно оказаться и во времени более длительной, и по своему социально-политическому характеру и содержанию более разнородной и сложной. Шатания, колебания и метаморфозы промежуточных элементов оказались более сложным и разнородным процессом уже в силу большей продолжительности переходного периода, необычной разношерстности национальной обстановки в разных странах и прежде всего в силу той послевоенной всеобщей разрухи и хаоса, которые необычно осложнили весь исторический процесс. В результате развитие получилось далеко не прямолинейное и однородное, но с зигзагами и даже рецидивами.

Самые активные слои (преимущественно деклассированной) мелкой буржуазии проявили совершенно необычный темп и амплитуду колебаний от пассивной поддержки революционных элементов до фашизма, т.-е. до спасения и укрепления капитализма силою мелкобуржуазных кадров, получающих за этот подвиг в качестве компенсации расширенный доступ к государственному стойлу с частичной перспективой возвышения в социальной иерархии и слияния с экономически более сильными слоями буржуазии.

Колебания, метаморфозы реформистско-социалистических партий—основного промежуточного фактора нашего времени—точно так же представляют собою целую гамму. Маркс и Энгельс представляли себе, что промежуточные, мелкобуржуазные партии из фактора революции (в первоначальный период борьбы за власть) быстро превратятся (с захватом власти) в фактор контрреволюции, в некотором же смысле с первого момента выступят в качестве «спасителей (буржуазного) общества», защищая его в роли средних, буферных элементов против непосредственного натиска крайнего, пролетарского фактора. Общий прогноз оказался как нельзя более правильным, но в силу уже указанных своеобразностей мировой исторической обстановки (длительности процесса, разрухи и хаоса, неравномерности условий как экономических, так и общеполитических) конкретная картина в ее мировом масштабе получилась менее однородной, более зигзагообразной и даже не лишенной элементов обратного развития.

В странах, в которых революционное развитие еще только наметилось, в которых борьба рабочего класса за власть еще только начинается, мы с запозданием на целые годы можем наблюдать явления того быстро протекающего расслоения на левое и правое крыло, которое было столь характерным знамением первого послевоенного революционного периода.

Но всего характернее развитие в тех странах, в которых задержка революционного процесса произошла на более высокой ступени. В этих странах, переживших революцию, мелкобуржуазно перерожденная социал-демократия выступает в несомненной роли «спасительницы общества», оттесняя с оружием в руках, в прямом союзе со старым офицерством самые боевые, самые революционные элементы пролетариата, ставящие себе непосредственной целью реализацию социализма. Впоследствии в течение це-

лой исторической полосы (более продолжительной, чем она представлялась Марксу и Энгельсу), в условиях несравненной разрухи и хаоса и в обстановке глубочайших, но не доводимых до взрыва классовых противоречий (хотя и прерываемой отдельными, частичными попытками довести дело до решающей борьбы), социал-демократия играет неизменно роль своего рода «золотой середины», являясь, можно сказать, основным фактором относительной стабильности, прочности отношений. Политически она, как в свое время мелкобуржуазный герой Гамбетта и его сподвижники после военного разгрома Франции и поражения Коммуны—аналогия тут полная,—ставит себе своей исторической задачей примирение старых общественных классов с республикой путем внедрения в них убеждения, что республика уже более не тождественна с революцией. Во всех смыслах и во всех направлениях реформистская партия стала так называемым (в немецкой терминологии) фактором «приятия и укрепления государства», т.-е. современного, капиталистического государства в его буржуазно-республиканской форме. В области экономических отношений параллельной программой должна была стать реформистски прикрашенная реставрация капитализма. В условиях всеобщей разрухи, неуверенности в ближайшем будущем и усталости, социал-демократия именно этой своей программой привлекла к себе как широкие слои мелкого мещанства, а косвенно и просто мещанства, так и упадочно настроенную часть рабочего класса.

Но задержка революционного процесса должна была иметь своим дальнейшим последствием наступление регрессивного развития: спасенный от разгрома капитализм возвращает себе постепенно свою политическую надстройку, оттесняя промежуточную партию полностью или частично от власти и ее аппарата.

Но неполный характер задержки революционного развития (решающая отличительная черта современного периода по сравнению с периодом реакции после 1848—49, 1871 и даже в некоторой степени после 1905 и 1906 гг.) имеет своим результатом то, что в той или иной форме брожение среди рабочих масс и вспышки острой классовой борьбы не прекращаются. И так как к тому же в силу уже указанного регрессивного развития капиталистические классы переходят в нападение, оттесняя промежуточную партию, то эти соединенные условия создают возможность повторных процессов разложения реформистских рядов, повторных расслоений на правое и левое крыло, но уже при наличии гораздо дальше зашедшей вперед развращенности партийно-политической верхушки. Это расслоение шло бы гораздо более стремительным, катастрофическим темпом, если бы не то, что капиталистическая буржуазия не решается пока доводить свое возобновившееся наступление до конца и в своем еще не окончательно изжитом страхе перед революцией и разрухой то и дело оставляет те или иные лазейки для социал-демократии, которая, и оттесненная в оппозицию, продолжает держать себя наготове для участия в том или ином буржуазном правительстве. Ее тактика и политика становятся функцией уже не только непрекращающегося, но растущего брожения масс и степени агрессивности буржуазии. Стремясь примирить непримиримое, эта тактика становится все более шаткой, беспринципной и подвижной. Но пока в общем и целом еще продолжается переходный период с характеризующим его недоразвитием боевой энергии решающих классов, она еще—хотя уже в ослабленной степени—продолжает служить в силу всей своей «промежуточности» фактором относительной стабильности и равновесия переходной эпохи. Это меняющееся положение только вносит в ее маневровочную тактику больше беспокойства и нервности, отбивает у нее часть ее попутчиков и приверженцев и в особенности ослабляет, осложняет ту внутреннюю связь, которая соединяет ее с еще весьма крупными частями рабочего класса, сохраняющими верность старому, привычному знамени, но постепенно все сильнее пресыщающимися скрытым недоверием и недовольством.

После этих общих замечаний присмотримся поближе, конкретнее к тем об'ективно-историческим, материальным и в частности экономическим факторам, которые в течение всей минувшей послевоенной эпохи обеспечивали послевоенному выродившемуся реформистскому социализму значительное влияние на рабочие массы. Мы будем иметь при этом в виду ради конкретности анализа прежде всего германскую социал-демократию. Но многое основное, что применимо к этой старейшей и сильнейшей реформистской партии, применимо к реформизму и в других странах.

Начнем сразу с центрального момента, центрального фактора, который, как нам кажется, проходил до сих пор недостаточно замеченным. Всю послевоенную эпоху, в особенности до создания дауэсовско-локарнской системы, обозначившей собою в этой области некоторый поворот,—всю политику буржуазии (за частичным исключением финансового капитала, о чем подробнее ниже) характеризовало несомненное преваливание групповых интересов и центробежных тенденций. В условиях небывалой и всеобщей разрухи, разрыва или расшатанности всех международных связей, расстройства всей мировой капиталистической системы, ослабления всей ее внутренней спайки—такое превалирование непосредственнейших групповых интересов и центробежных тенденций было совершенно естественно и неизбежно. Лозунгом буржуазного мира стало: спасайся (и обогащайся), кто может. Этот триумф центробежности выразился в самоизоляции Америки, в оргиях воинствующего национализма, в новых военных и полувоенных вспышках, в безудержном протекционизме, в прекращении международной кредитной помощи, в разгуле инфляции, обогащавшей одних и разорявшей других, в ослаблении некоторых выравнивающих и посреднических функций буржуазного государства, в бесшабашной эксплоатации потребителя, в хаотическом накапливании «вещественных» богатств (под видом хаотической «концентрации», персонифицированной в лицах Стиннесов, Кастильони и т. п.), в триумфах безудержно спекулятивного духа над промышленной и коммерческой калькуляцией,—во всей этой картине своеобразного пира во время чумы, прерываемого глухими раскатами социальной бури.

В этой обстановке (отчасти ликвидированной дауэсовско-локарнской политикой), выйдя из своей пассивной цеховой замкнутости и выступая впервые в истории в роли вождя народов именно социал-демократия по величайшей иро-

нии судьбы, приняла на себя рядом с финансовым капиталом активное представительство более общих, исторических интересов капитализма, как национального и международного целого.

Разгул групповых интересов расслоившейся больше, чем когда бы то ни было, буржуазии, грозивший самому существованию капиталистической системы и увеличивавший нагроможденный войною хаос и нищету, нашел себе самых непримиримых и последовательных врагов в мировом (прежде всего англо-саксонском) финансовом капитале и в «международной» социал-демократии. Реставрация капитализма, как спаянной и цельной исторической формации, как национального и интернационального целого, не разрываемого безудержно-анархически на куски, стала историческим лозунгом этих обоих факторов (у социал-демократов—в реформистки прикрашенном идеале).

Это представительство более общих интересов капитализма отмечает собою всю политику социалистических партий как в сфере национальных, так и интернациональных отношений. В самом деле:

I. На национальной арене социал-демократия выступает враждебно по отношению ко всяким преувеличенно центробежным тенденциям как в политической, так и в хозяйственной области.

А. В сфере политических отношений она, как уже было указано выше, представляет интересы стабильности, прочности отношений, т.-е. по сути консервативные интересы: против последних революционных вспышек пролетариата в этом периоде, против авантюристов справа, выступающих под знаменем монархической реставрации, сепаратистских тенденций или открыто фашистской диктатуры. Во имя спасения буржуазно-республиканской формы правления социал-демократия сама берет на себя некоторые функции исторической реакции, поскольку она своими собственными руками приводит рабочий класс обратно к «порядку» и к «трудовой дисциплине».

Б. В сфере хозяйственных отношений социал-демократия тоже по-своему борется с худшими проявлениями центробежных тенденций, выступающих особенно резко в первую послевоенную анархическую эпоху под видом диктатуры отдельных групповых интересов, не желающих считаться с более общими интересами капиталистического хозяйства и подчас даже и элементарнейшими потребностями капиталистического государства. Итак в частности:

а) Социал-демократия борется с безудержностью инфляционистского хозяйства (стало быть, принимая под свою защиту и средние слои).

б) Она стремится брать под свою защиту интересы перерабатывающей промышленности против тяжелой промышленности.

в) Она отстаивает целую и по своему последовательную национально-хозяйственную концепцию, которая в своих основных линиях находит себе обоснование и в некоторых об'ективно-исторических тенденциях послевоенного времени (тенденция к усиленному развитию высших категорий перерабатывающей индустрии, поглощающих крупные доли труда, за счет производства сырья и полупродуктов).

г) Она в частности—и это представляет собою в специфических условиях важнейшее, характернейшее обстоятельство—отстаивает интересы внутреннего, национального рынка с готовностью ради этого оказать даже прямую или косвенную поддержку и некоторому протекционизму, хотя и борясь с крайними протекционистскими тенденциями, в особенности тяжелой индустрии и крупных аграриев (одним из проявлений крайних групповых интересов).

И в этой области она находит отдельные точки соприкосновения и общий язык с широкими заинтересованными кругами не только рабочих потребителей, но отчасти и перерабатывающей индустрии.

д) С началом стабилизационного периода она начинает вступать в конфликт с финансовым капиталом, поскольку и он в свою очередь стремится при помощи грубого ростовщичества наверстать потерянное время и обложить промышленность тяжелой рентой, замедляя этим ее восстановление. Социал-демократия выступает с защитою дешевого кредита и «дешевых денег». Промышленность находит в ней некоторого союзника против крупных банков.

е) Социал-демократия не только активно помогает при восстановлении разрушенного денежно-кредитного механизма капиталистического общества, но и налогового механизма капиталистического государства; не только в первом, но и во втором случае в некоторой борьбе с групповыми интересами могущественнейших капиталистических слоев, в отдельные моменты готовых перешагнуть через свое собственное государство, сводя его средства и силы до минимума или же паразитически эксплоатируя его.

ж) В процессе необходимейшей защиты повседневных интересов рабочей массы социал-демократия стремится никоим образом не перешагнуть пределов «ответственной» политики, т.-е. все время строго считаясь с непосредственными «возможностями» промышленности, избегая всего, что могло бы потрясти экономические и политические основы национального капиталистического государства, сплошь и рядом оперируя несравненно более «ответственным» образом (т.-е. больше считаясь с экономическими возможностями и интересами буржуазного национального хозяйства в целом), нежели влиятельнейшие предпринимательские круги, готовые в отдельные моменты ко всему ради обеспечения своих интересов—за счет всего национального хозяйства, взятого в целом, за счет своего собственного государства, и даже за счет его единства. Классовые, антаготистические тенденции выступают в этот момент в гораздо более резкой и решительной форме на стороне решающих слоев буржуазии, нежели на стороне социал-демократии. В эти критические моменты социал-демократия в некотором смысле и степени защищает и спасает буржуазный строй и буржуазное государство от самой же буржуазии (т.-е. от ее анархической невоздержанности и растерянности): подобно тому, как и мелкобуржуазному фашизму приходится путем целого переворота, сопряженного с ломкой традиционной политической надстройки, спасать в отдельных стра-

нах буржуазную систему и буржуазию от ее собственной беспомощности и растерянности.

II. Точно так же и в сфере международных отношений ясно выступает роль социал-демократии, как «передового бойца» за интересы мирового капиталистического целого—в противовес разрывающим это относительное «целое» безудержно-центробежным тенденциям.

А. Это качество социал-демократии выступает прежде всего в сфере международных политических отношений в узком смысле. Социал-демократия более или менее повсеместно выступает в качестве одного из основных столпов политики «пацифизма», тенденции к сглажению и «примирению» противоречий.

Она активнейшим образом поддерживает все направленные к этому попытки и стремления, начиная от Генуэзской конференции и кончая дауэсовско-локарнскими соглашениями, выступая систематической поборницей Лиги Наций.

В Англии рабочая партия превращается очень скоро (рядом с либералами) в своеобразно «германофильский» фактор; правительство Макдональда в борьбе со специфической франкофобией Ллойд-Джорджа и его бывших коалиционных друзей становится еще дополнительно и параллельно «франкофильским» (без особых усилий продумать и примирить эти противоречия до конца).

Во Франции социалисты выступают противниками Пуанкаре, его рейнской политики и вобще репарационистских сверх'иллюзий и увлечений.

В Германии социал-демократия рядом с католической партией центра, но в еще более последовательной форме, становится после первоначальных непродолжительных колебаний, классическим носителем и вернейшим оплотом политики «выполнения» Версальского договора (т.-е. по сути политики мирной частичной ревизии этого договора).

Б. Точно так же и в сфере международно-хозяйственных отношений социал-демократия выступает поборницей договорного начала, относительной свободы торговли (или умеренного протекционизма), сближения и соглашения решающих отраслей промышленности—вплоть до создания международных монополистических трестов (сюда же необходимо отнести ее сочувственный интерес к «экономической конференции» Лиги Наций, к идеям «хозяйственного Локарно», Всеевропейского таможенного союза и т. п.)

В. В общем и целом в сфере международных отношений социал-демократия решительнее, чем когда бы то ни было раньше—только в еще несравненно более оппортунистической форме и, конечно, более действенным образом, на практике, а не только в теории—отстаивает старые каутскианские представления о реформированном, внутренно-замиренном сверхимпериализме (или сверхкапитализме) руководящих держав, выступающих как блок,—представления, которые кое-как подходят к картине послевоенного, обескровленного, истощенного империализма, который в своем временном бессилии вынужден стремиться к временному сглажению противоречий, совпадающему притом с происходящей перегруппировкой держав.

III. При этом отстаивании как в области политики, так и экономики, как в сфере национальных, так и международных отношений, более общих исторических интересов капитализма, как национальной и мировой системы, социал-демократия отчасти впадает в нереальную, сверхреформистскую утопию, поскольку она рассчитывает на прочность некоторых специфических явлений послевоенного развития и надеется гармонически примирить с ним хотя бы самые элементарные интересы пролетариата. (В этом смысле характерно, что с.-д. грешили больше всех оптимистической оценкой результатов «урегулирования» репарационной проблемы, как и впоследствии не менее оптимистической оценкой глубины и длительности наступившего колоссального хозяйственного кризиса).

Но если отвлечься от противоестественной социалистической прикрасы этой политики, если ее принимать за то, что она есть, то-есть за буржуазно-капиталистическую политику (с примесью мелкобуржуазного реформаторства), то в рамках и пределах определенной исторической полосы (ныне уже подходящей к своему концу), эта политика представится менее утопичной, т.-е. менее нереальной. В течение определенного периода эта политика реформистов находит себе поддержку в некоторых об'ективных фактах и тенденциях, находит себе также некоторых весьма реальных союзников, что придает этой ее политике некоторый оттенок реализма и обеспечивает ей широкий круг влияния как внутри, так и вне рабочего класса.

Укажем основные из этих об'ективных фактов, тенденций и союзных сил:

А. Укажем, прежде всего, на социальный состав реформистских партий и их ближайшей периферии. Если вообще одним из результатов военного хозяйства явилась серьезная нивелляция (выравнение) в условиях жизни отдельных слоев рабочих, то все же это развитие наталкивается и на противоположные тенденции и даже на явления обратного развития. Вместо отчасти изжитых старых перегородок внутри рабочего класса, выступают некоторые новые; в международном же масштабе различия в условиях положения рабочего класса не только не уменьшились, но скорее увеличились [1]).

В Англии в силу наступившего резкого поворота в отношениях позицию привилегированных слоев пролетариата заняли рабочие так называемых «защищенных отраслей» («sheltered trades»), т.-е. отраслей, преимущественно работающих на внутренний рынок и менее всего затрагиваемых иностранной конкуренцией (железнодорожники, строительные рабочие и др.).

---

[1]) Согласно очень осторожному подсчету германских профсоюзников, средний реальный заработок рабочего в Филадельфии с лишним в $3^1/_3$ раза, а заработок лондонского рабочего приблизительно на 70%, выше средней реальной заработной платы берлинского рабочего («Amerikareise deutscher Geverkschaftsführer». Berlin. 1926. Стр. 184). Аналогичные данные сообщает и известное британское анкетное исследование Комитета по Промышленности и Торговле. Если принять среднюю реальную заработную плату за 1-е полугодие 1924 года рабочего в Лондоне за 100, то такая же средняя плата будет для Берлина—55, для Нью-Иорка—224, для Парижа—80. Сравнение с соответствующими цифрами для 1914 г. (за июль), — 100 — 83 — 187 — 73 — покажет, что за последнее десятилетие различия между уровнем жизни рабочих в разных странах не уменьшились, а наоборот, существенно увеличились. («Survey of industrial relations». 1926. Стр. 109).

В о Ф р а н ц и и в силу развития ее промышленности и быстро растущей иммиграции иностранной рабочей силы значительные части французского рабочего класса занимают по отношению к иммигрантам привилегированные позиции (некоторая аналогия с американскими отношениями, хотя в очень уменьшенном масштабе).

В Г е р м а н и и наблюдается систематическое планомерное стремление предпринимателей (при фактической поддержке профсоюзов и социал-демократии) восстановить и укрепить старые деления на квалифицированных и неквалифицированных рабочих.

В С о е д и н е н н ы х Ш т а т а х развитие военного периода в отличие от Европы привело не к интеграции отдельных слоев рабочих, а наоборот, к еще большему их расслоению [1]).

Во всех странах эти новые или старые относительно привилегированные слои рабочих составляют основное, прочнейшее ядро реформистских партий и прочнейшую базу консервативно-цеховых настроений в рабочем классе. Наконец, не следует забывать, что массовая безработица стала прочным явлением, что она проводит глубокий водораздел внутри рабочего класса, и что социалистические партии и профессиональные союзы менее всего связаны с безработной массой.

Б. Помимо указанных фактов, как революционное развитие, так и процесс пролетаризации широких промежуточных слоев, так и, наконец, вовлечение еще в период войны новых слоев в производственный процесс привлекло в ряды реформистских партий и профессиональных организаций и в их ближайшую периферию значительное количество женщин, интеллигенции, полуинтеллигенции (прежде всего чиновничьей и приказчичьей), а также целые новые слои продавцов своей рабочей силы, пришедших из рядов деклассированной мелкой буржуазии. Этот приток новых элементов не мог не усилить тенденции социал-демократии к выдвижению во всей политике в первую очередь более общих, а не чисто пролетарских интересов (как-то, жилищный вопрос, потребительские интересы и т. п.), что Энгельсом считалось классическим признаком мелкобуржуазного социализма, но что, разводняя, одновременно расширяло социальную базу реформистских партий.

В. В рамках национального хозяйства политика социал-демократии находит р я д т о ч е к с о п р и к о с н о в е н и я с о в с е й п е р е р а б а т ы в а ю щ е й п р о м ы ш л е н н о с т ь ю, удельный вес которой в послевоенный период сильно вырастает и в силу первоначального небывалого недостатка в потребительских товарах, и в силу возникновения целых новых отраслей в этой области производства, и в силу того, что так называемая тяжелая промышленность пострадала сильнее всех отраслей перерабатывающей, потребительской промышленности от послевоенного кризиса.

Социал-демократия стремится прислониться к этой в известном смысле обновляющейся и растущей силе, которая в свою очередь стремится найти у социал-демократии поддержку против

[1]) «So ist seit 1914 in den Vereinigten Staaten nicht eine Zusammenschiebung der eingelnen Arbeiterschichten — wie sie in Deutschland stattgefunden hat — sondern eine auseinanderziehung eingetreten» («Americareise». Стр. 34—6).

революционных вспышек и вожделений пролетариата, а также и против чрезмерных аппетитов тяжелой промышленности и аграриев, и которая поэтому в целом ряде стран является носительницей относительно компромиссных соглашательских тенденций.

Точно так же, как до войны социал-демократия была склонна идеологически переоценивать удельный вес перерабатывающей индустрии (связывая с этой оценкой надежды на мирное преодоление империализма), так в еще большей степени теперь она рассчитывает на прочный исторический перевес этого хозяйственного фактора, с которым связано меньшее напряжение классовых и международных антагонизмов, чем с неоспоримым господством тяжелой промышленности. И здесь утопия перемешана с некоторыми об'ективными, исторически реальными тенденциями эпохи: выше уже были указаны предпосылки своеобразного усиления удельного веса перерабатывающей промышленности. В э т и х п р е д е л а х соглашательская политика социал-демократии находила опять-таки некоторую временную реальную базу. Ее значение и пределы станут для нас более ясными, когда мы ниже подойдем к вопросу о роли внутреннего рынка.

Г. При всей ориентации реформистов на перерабатывающую промышленность и их антагонизме к тяжелой промышленности, все же в о т д е л ь н ы е м о м е н т ы—в особенности в первоначальные периоды инфляции—реформистские профсоюзы находят себе своеобразного временного союзника и в этой отрасли промышленности. Инфляция приносит ближайшую пользу угольно-металлургической промышленности, создавая для нее возможность даже и расширения ее производственной базы и сохранения ее человеческого «материала». В этих условиях создаются специфические формы кооперации на основе некоторой обоюдной цеховой солидарности: профсоюзы сплошь и рядом поддерживают старания промышленников в деле получения субвенций, кредитов, политику промышленников в области цен, железнодорожных тарифов и т. п.

Д. Но о с н о в н ы м с о ю з н и к о м реформистских партий—в о с о б е н н о с т и в с ф е р е м е ж д у н а р о д н ы х о т н о ш е н и й, выступает ф и н а н с о в ы й к а п и т а л. Мы уже указывали выше на роль финансового капитала, как основного носителя идей международного «примирения», сближения Америки с Европой, сокращения милитаристско-националистских аппетитов Франции, частичной ревизии Версальского договора, Дауэсовской системы и т. п.

В эпоху послевоенного хаоса и распада финансовый капитал из всех категорий капитала всего более представляет общие, исторические интересы капитализма, как национального и в особенности мирового целого. Восстановление мировой и в частности европейской капиталистической системы—это прежде всего его программа и его политика. Эта историческая «миссия» финансового капитала находит свое очевидное об'яснение в международной природе финансового капитала, насквозь международном характере тех источников, которыми он питался и питается в руководящей европейской стране—Англии (мировое торговое и кредитное посредничество, судоходство, страхование, колонизаторский экспорт капитала и т. д.), так и в полном превращении Соединенных Штатов из страны импорта капитала в крупнейшую страну экспорта капитала.

По всем вышеуказанным линиям (возрождение мирового капитализма, «пацифизм», Дауэсовско-Локарнские тенденции и т. д.) политика финансового капитала соприкасается как нельзя ближе с политикой социал-демократии. И поскольку эта политика в очень большой степени совпадала с непосредственными интересами монополистически господствующего англо-американского капитала, и всего более американского финансового капитала, партия реформистского социализма становилась в большой мере органом и союзником этого сильнейшего и относительно самого прогрессивного фактора всей капиталистической современности.

В такой стране, как Англия, где финансовый капитал всего более оторвался от интересов национальной промышленности, к вышеуказанным побуждениям должно было еще присоединиться рутинное преклонение перед финансовыми интересами «отечественного» капитализма, перед фунтом стерлингов, как незыблемой основой этого капитализма, чтобы заставить рабочую партию, когда она очутилась временно у власти, по сути, больше заботиться об интересах финансового капитала, чем об интересах промышленности, с которой интересы рабочей массы непосредственнее связаны. В этом смысле эпизод с рабочим правительством не обозначил собою перерыва в установившейся традиции всех послевоенных правительств Великобритании, на политику которых банки бессменно оказывали более непосредственное влияние, чем чисто промышленный капитал.

Е. Но *доподлиннейшей и ближайшей материальной, хозяйственной базой всей политики реформистских партий в послевоенную эпоху* послужило *нормально для современного капитализма выросшее значение внутреннего, национального рынка для промышленного производства каждой страны*; факт, явившийся временным последствием послевоенного распада мирового рынка, сокращения его емкости, а стало быть и значения, как и триумфа протекционистской политики, в ту пору ставившей себе своей прямейшей целью—плотное забронирование оставшихся от разгрома рынков от иностранной конкуренции.

Совершенно очевидно, что в *странах, в которых рабочий класс представляет собою основную потребительскую массу—сохранение некоторого жизненного уровня и некоторого уровня ее покупательской способности*—при таком положении вещей—*должно было отвечать интересам предпринимателей, удерживая в некоторых пределах их натиск на условия труда. Это касается в частности основных отраслей перерабатывающей индустрии, производящей потребительские товары, и это вполне отвечало эпохе, в которой временно уменьшился удельный вес тяжелой индустрии.*

Ясно, что такое положение вещей создавало благоприятнейшую почву для политики компромиссов, поссибилизма и т. п.

Укажем только, что и тут элементы реальной исторической (хотя и преходящей) действительности сочетаются с элементами обычной реформистской утопии, поскольку реформистская идеология игнорирует *временный* характер явления превалирования внутреннего рынка,—явления, противоречащего

всей логике развития и жизненнейшим интересам капитализма, неизбежно и неудержимо рвущегося из тесноты национального рынка на мировой рынок. Распространяемая социалистами ad captandam benevolentiam предпринимателей (ради уловления благожелательности предпринимателей) «теория», согласно которой единственно возможной и прочной основой экспансии вовне является сильный национальный рынок на основе высокой заработной платы—является упрощенной реформистской утопией, пытающейся механически пересаживать на европейскую почву американские прообразы (к тому же также имеющие только временный характер) [1]).

Ж. Резюмируя, можно сказать:

«Политика и теория реформизма имела в послевоенную эпоху *три стержня*:

1. В *политической* области послевоенная социал-демократия явилась продуктом и паразитом *задержки бурного исторического процесса* и в этом смысле абортивного революционного развития. Эта задержка, вызванная прежде всего порожденным войной беспримерным хозяйственным и международно-политическим хаосом (согласно предсказанию Энгельса) и нашедшая свое выражение в относительном и временном уравновешении обеих основных исторических сил, из которых ни одна не одержала решающей победы (в отличие от положения после 1848 и 1849 гг., 1871 г. и даже отчасти 1905—06 гг.) и еще не решается возобновить решающих битв. Такое промежуточное положение вещей—положение некоторого «перемирия» при относительном перевесе одной из борющихся сил над другой (буржуазии над пролетариатом) не могло не обеспечить промежуточным элементам, а стало быть, прежде всего послевоенной социал-демократии, большого влияния, как основному фактору относительной стабильности, прочности отношений.

---

[1]) Не лишено интереса констатировать, что некоторые отголоски этих утопических представлений можно найти уже и в «Финансовом капитале» Гильфердинга, хотя сознание непримиримой противоречивости интересов рабочего класса и предпринимателей выступает здесь гораздо ярче, чем в послевоенной «теории» с.-д. В последней главе своего исследования Гильфердинг пишет: «Что касается торговой политики, здесь интересы рабочих требуют прежде всего расширения внутреннего рынка. Чем выше заработная плата, тем больше та доля вновь созданной стоимости, которая представляет непосредственно спрос на товары, именно, спрос на предметы потребления. Но расширение отраслей промышленности, производящих средства потребления, готовые фабрикаты вообще, равносильно расширению сфер, вообще говоря, с относительно низким органическим составом капитала, т.-е. промышленных отраслей, способных поглощать большое количество труда. Это вызывает быстрое повышение спроса на труд, а потому создает для рабочих более благоприятное положение на рынке труда, усиливает профессиональные организации и увеличивает шансы победы в новых столкновениях из-за условий найма. Интересы предпринимателей обратные. *Расширение внутреннего рынка, вследствие повышения заработной платы, знаменует для них понижение нормы прибыли и открывает перспективу повторного понижения*, что в свою очередь приводит к замедленному темпу накопления. В то же время их капитал оттесняется в отрасли, производящие готовые фабрикаты, где конкуренция—наибольшая, способность к картелированию—наименьшая. Конечно, они заинтересованы в расширении рынка, но не за счет нормы прибыли. Это достигается, если при неизменности внутреннего рынка им удастся расширить внешний рынок» («Финансовый капитал», Госиздат, Москва, 1922 г., стр. 439). Сколь непохожи эти утверждения на теперешние учения того же Гильфердинга и его друзей!

2. В сфере международно-политических отношений социалистические партии ориентируются прежде всего на «пацифистский» международный (прежде всего англо-саксонский) финансовый капитал, являющийся в этой эпохе основным носителем и проводником политики восстановления мирового капитализма в борьбе с анархически-центробежными тенденциями послевоенного периода.

3. В основной решающей сфере хозяйственных отношений (в сфере непосредственнейших интересов рабочих масс и сфере деятельности основных массовых организаций пролетариата—профессиональных союзов) реформистский социализм черпает свои силы из усиленного удельного веса внутреннего, национального рынка, опираясь на перерабатывающую индустрию, значение которой временно вырастает по сравнению с тяжелой промышленностью, всего более пострадавшей от послевоенного кризиса.

Черпая свои силы из этих трех источников и выдвигая в общем программу восстановления капитализма (с неизбежной реформистской прикрасой), послевоенный реформизм в общем и целом представляет в эту эпоху расстройства и упадка капиталистического хозяйства более общие и более прогрессивные интересы капитализма, как национальной и как мировой экономической системы.

При всем ее отказе от марксистской диалектики, от понимания капиталистического развития в противоречиях, в процессе классовой борьбы (отказе далее идущем, чем во время войны, ибо более принципиальном, систематизированном, программном)—эта политика должна была обеспечить социалистическим партиям и профсоюзам в специфических условиях послевоенной современности еще значительные силы и влияние внутри и вне рабочего класса.

3. Но весь смысл новейшего развития и новейших событий, наблюдаемых в целом ряде стран—тот, что в этом положении вещей созревает неизбежный поворот.

Кто не видел бы элементов этого поворота, его основных источников во всем новейшем хозяйственном и, во вторую очередь, политическом развитии мировой капиталистической современности, тот не был бы в состоянии подойти достаточно полно и, главное, конкретно к определению основных боевых задач пролетарского, коммунистического авангарда в нашу во всех отношениях переходную эпоху, беспримерно подвижную в своем развитии и все же развивающуюся с глубочайшей внутренней логикой и последовательностью. Схватить, выявить эти законы развития—основная задача марксиста.

При всем еще относительно громадном значении и влиянии правореформистских партий все их теперешнее положение носит явное клеймо промежуточности, непрочности, временности, искусственности и, можно сказать (не боясь впасть в литературщину), парадоксальности. После продолжительного периода величайших международных и социальных потрясений международная социал-демократия, когда-то именовавшая себя «революционной», буквально воплотила в себе тенденцию к сглаживанию, к замазыванию всех существующих противоречий, к порядку и стабильности, к шаткой «золотой середине», политическому и социальному полумраку, к всякого рода явному и скрытому посредничеству, к умножению явных и скрытых точек соприкосновения между классами, партиями и империалистскими буржуазиями, к фактической поддержке финансового и биржевого капитализма, к совокуплению самой развернутой демократии с самой определенной плутократией, к реставрации капитализма в какой-то новой, еще неиспытанной форме, долженствующей сочетать высшие виды гегемонии финансового капитала со смягчением капиталистической эксплоатации. Призрачность, двусмысленность этого политического положения вещей с его даже и своеобразно бонапартистским душком бросается в глаза. Мы уже говорили о том, что это господство и влияние социал-демократии является выражением застоявшейся промежуточной, переходной эпохи, когда ни один из решающих исторических факторов (ни капиталистическая буржуазия, ни пролетариат) не оказывается способным проявить достаточно сил, боевой энергии и самосознания для того, чтобы окончательно сбросить и раздавить другого. Только состоянием этой весьма своеобразной передышки можно об'яснить тот исторический парадокс, ту историческую нелепость, что величайшим натугам в направлении реставрации капитализма может в политической области соответствовать ближайшее участие во власти партий, выступающих под знаменем социализма и опирающихся на широкие рабочие массы. В этом же источник того другого парадокса, той другой нелепости, что как раз в эпоху величайшего и стремительнейшего экономического упадка мелкобуржуазных слоев, вырастает политическая роль мелкобуржуазных партий. Она вырастает настолько (и в этом третий парадокс), что в отдельных случаях экономически слабейшие, деклассированные мелкобуржуазные группы выступают орудием и органом укрепления и спайки всей буржуазной капиталистической системы за цену ломки выработанной историей политической надстройки капиталистического режима (фашистское развитие).

Расхождение политической надстройки и экономической базы в пределах одного и того же капиталистического режима во всех этих случаях и разновидностях—очевидное, бросающееся в глаза. Получается картина политического маскарада (одно из свойств бонапартистского развития в его более широком смысле). Это расхождение надстройки и базы в пределах того же исторического режима и все порождаемые им нелепые положения, в том числе прежде всего современная «миссия» и весь удельный вес переродившейся социал-демократии,—уже сами по себе являются одним из самых ярких признаков величайшей анархии всей послевоенной эпохи и распада капиталистического общества.

Но резкое расхождение надстройки и базы—политико-экономические ножницы—не может стать хроническим, историческим состоянием. Положение, при котором «старый порядок вещей»—говоря словами Энгельса—оказывается «опрокинутым с ног до головы» и «старое капиталистическое общество более невозможным, чем когда бы то ни было», и при котором все же буржуазия в той или иной форме остается у власти, пользуясь при этом прямой или косвенной поддержкой «социалистических» партий,—

такое положение вещей, как и предвидел Энгельс, может продолжаться «десять или пятнадцать лет» (оно уже продолжается немногим меньше десяти лет), но оно по существу представляет собою величайшую историческую небылицу, и оно, несмотря на задержку бурного исторического процесса, никогда не может быть состоянием полного спокойствия и классового затишья. Эта промежуточная эпоха в согласии со всей противоречивостью и двусмысленностью ее исторического существа—если можно так выразиться—есть эпоха беспокойной стагнации. Задержка революционного развития не обозначала здесь никогда полного прекращения борьбы классов точно так же, как и экономическая стагнация не обозначала собою отнюдь исчезновения экономической инициативы и активности буржуазии.

Одно и другое—экономическая и социальная борьба—вступают в настоящее время в новую стадию с усиленным темпом развития—и эго усиление темпа должно неизбежно принести с собою ускорение процесса радикализации масс и параллельно—расслоения и разложения реформистских партий. Мы вступаем — или точнее говоря — мы уже вступили во вторую, новую полосу вышеохарактеризованной (лучше всего словами Энгельса) промежуточной исторической эпохи.

Вот те основные факты и тенденции, которые согласно всем, что было выше сказано, должны ускорить процесс расслоения и упадка послевоенного реформизма:

А. Говоря в общих терминах: ясно, что чем значительнее успехи, которых удается добиться социал-демократии (в сотрудничестве с ее прямыми и косвенными союзниками) в области восстановления национального и мирового капитализма, тем глубже она сама подкапывается под свои собственные укрепленные позиции, которые являются плодом экономического распада, задержки революционного процесса и временного своеобразного состояния «равновесия» между борющимися классами. Частичное восстановление «опрокинутой с ног до головы» капиталистической системы («частичная стабилизация») обозначает собою неизбежный приток сил, уверенности в себе и боевой энергии к обоим полюсам капиталистического общества (к капиталистической буржуазии и к пролетариату), и в первую очередь к переходящей опять в наступление буржуазии, угрожая той установившейся системе относительного равновесия, паразитическим плодом которой является вся теперешняя позиция социал-демократии. Так диалектика истории делает социал-демократию в ее теперешнем виде своим собственным гробовщиком.

Только дальнейшее продолжение процесса исторической стагнации и в хозяйственном отношении болотного состояния было бы в состоянии обеспечить современным реформистским партиям их нынешние силы и влияние. Но такое болотное состояние не может бессрочно продолжаться. Оно слишком резко непримиримо противоречит всей жизненной тенденции, всем природным законам развития капиталистической системы, всей ее—говоря словами Маркса—«исторической миссии», существо которой—неудержимое развитие производительных сил и обретение для них «соответствующего мирового рынка». И, на

самом деле, мы наблюдаем, как самые жизненные слои современного капиталистического общества проделывают буквально отчаянные усилия, чтобы выбраться из засасывающей их трясины на твердые исторические пути развития, что во всяком случае доказывает, что у отжившей исторической системы имеется еще достаточно сил и жизненной энергии, чтобы сходить со сцены не без героических усилий, направленных на спасение своего существования, не без борьбы, и еще достаточно драматических движений, мало похожих на постепенное, пассивное и автоматическое исчезновение в болоте. И чем меньше имеется в распоряжении капитализма средств чисто-экономического характера, для того, чтобы выбраться на дорогу, тем неизбежнее он должен, собравшись с силами, искать спасения на путях социального натиска по линии усиления эксплоатации труда, т.-е. путем обострения классовой борьбы, как и путем усугубления империалистического нажима и вымогательства по отношению к более слабым народам, их буржуазным и небуржуазным классам. Надежды и расчеты на мирное преодоление всех связанных с этой пробуждающейся борьбой противоречий при помощи демократического аппарата государства и его своеобразного продолжения в форме Лиги Наций (и тому подобных учреждений) является также только эфемерным и беспочвенным болотным цветом, безжизненным плодом переходной болотной эпохи.

Б. Говоря конкретнее: реформистские партии стоят перед угрозой потерять опору в тех вышеперечисленных фактических тенденциях и союзных силах, которые были важнейшей об'ективно-исторической предпосылкой их преобладающей роли и влияния в течение всей минувшей послевоенной эпохи.

Только послевоенное малокровие и расслабленность могли придать послевоенному империализму «пацифистскую» окраску и породить явления того, рисовавшегося воображению Каутского, сверхкапитализма, который, избегая по возможности конфликтов и сглаживая противоречия, вырастает в ту «мирную» многогосударственную пирамиду с ее англо-саксонской верхушкой, которой мы можем удивляться в настоящий момент. Старческие мечты оппортунизма воплощаются в плоть и в кровь в атмосфере болотных исторических эпох, и всякое живое дуновение бурного исторического развития должно рассеять эти призраки. Чем успешнее будут (с помощью социал-демократии) преодолены некоторые отчасти уже анахронистические противоречия, тем скорее и вернее назревшие новые или обновленные империалистско-национальные противоречия прорвут свою теперешнюю оболочку. Ибо для борьбы необходима сила и перегруппировка сил. И весь прославленный пацифистский период является не чем иным, как периодом собирания и перегруппировки сил. И в этой области социал-демократия со своей пацифистской пропагандой, совпадающей на 100% с усилиями решающих капиталистических факторов современности, выступает своим собственным гробовщиком.

В. В европейской тяжелой индустрии инвестированы слишком громадные капиталы, чтобы можно было предпо-

лагать, что она без боя уступит прочно свои старые позиции, свое преобладающее значение перерабатывающей промышленности (или американской тяжелой промышленности). Одним из ее основных средств обороны и борьбы за существование будет образование колоссальных и в этом масштабе еще небывалых национальных и международных монополистических об'единений, которые с их более всего угрожаемых позиций должны будут дать рабочему классу буквально отчаянный бой. Но это означает и исчезновение существовавших в свое время своеобразных предпосылок для иллюзий и кон'юнктур цеховой «трудовой общности» («Arbeitsgemeinschaft») между рабочими и предпринимателями.

Г. Финансовый капитал, который в первый послевоенный период потерял некоторую долю своей гегемонии и в международном масштабе выступал в качестве примиряющего фактора, в роли ближайшего фактического союзника «мирящей народы» социал-демократии—в настоящее время благодаря дефляции и более интенсивному, в отдельных странах колоссальному процессу накопления, уже отчасти отвоевал свои старые позиции и использовывает их против еще жестоко ослабленного и дезорганизованного производственного хозяйства в формах чисто монополитической и ростовщической денежной политики. Накопление банковского капитала приобрело совершенно небывалый темп по сравнению с промышленным капиталом,—еще одна категория современных «ножниц» — обеспечивая финансовому капиталу еще невиданную власть и контроль над всей хозяйственной жизнью капиталистических стран. Одновременно финансовый капитал восстанавливает некоторые утраченные связи с «тяжелой» промышленностью и вынужден будет поддержать неизбежные стремления этой индустрии, безудержнее всех других расширившей свой производственный аппарат, к восстановлению своих старых позиций путем обеспечения себе соответствующих рынков. Эти нарастающие новые монополистические тенденции в развитии финансового капитала внесут новые моменты в его послевоенную миротворческую «миссию». Социал-демократия уже вынуждена обозначать—пока еще только в национальных рамках—некоторую «оппозицию» против ростовщических аппетитов финансового капитала и его политики дефляции, проводимой повсеместно с абсолютной беззастенчивостью за счет народных масс. Социал-демократии угрожает потеря и этого союзника.

Д. Но ни в какой другой области не наступает столь резкий поворот, как в самом динамическом вопросе послевоенного капиталистического хозяйства: в соотношении между внутренним (т.-е. национальным) рынком и внешними рынками (т.-е. мировым рынком). Выше было указано на то, что исследование изменений, происшедших в этом соотношении, составляет одну из важнейших задач для оценки всей минувшей роли послевоенной социал-демократии и ближайших перспектив ее развития. Мы уже подробно останавливались в другом месте на том факте, что прочищение доступов к мировому рынку (основной результат первого «стабилизационного» периода) при одновременно обнаружившемся исчерпании или во всяком случае недостаточности сбыта в национальных рамках—открыло собою новую полосу усиленной борьбы за мировой рынок, и необыкновенно обостряющегося международного соперничества. И поскольку минувшая послевоенная эпоха экономической истории, основанная прежде всего на возможностях национального сбыта, должна была действовать в некоторой степени смягчающе на отношения труда и капитала, то наоборот, это передвижение центра тяжести в сторону расширения вывоза на мировой рынок должно неизбежно сопровождаться наступлением капитала на все завоеванные раньше позиции пролетариата и прежде всего на условия труда.

Это наступление уже началось широким фронтом. Британский локаут—забастовка является его самым ярким проявлением. Оно приносит с собой глубокое изменение всей классовой обстановки. В условиях, в которых международный (прежде всего европейский, и более всего английский) промышленный капитал борется буквально за свое голое существование, это наступление необыкновенно суживает пределы возможных достижений поссибилистской тактики реформистских профсоюзов и реформистских партий. Когда промышленности уже не ради использования кон'юнктуры или преодоления кризиса обычного предвоенного типа, но ради самосохранения приходится удлинять рабочий день и сокращать заработную плату, то тактика поссибилизма превращается в тактику голого подчинения, сдачи ранее завоеванных позиций, капитуляции.

Обостряющаяся борьба за восстановление, за новое завоевание мирового рынка ослабляет и расстраивает связь социал-демократии и с основным ее национальным капиталистическим союзником—с перерабатывающей индустрией.

* * *

Таким образом, все три стержня, все те три «кита», на которых держался правореформистский социализм послевоенной эпохи, находятся — хотя и в разных степенях — под угрозой. И всего более тот третий стержень, каким являлось нормально возросшее значение национального рынка в условиях расстройства (а отчасти и распада) мирового рынка. Международной социал-демократии будет все труднее играть ту, ставшую для нее уже привычной, посредническую, буферную роль фактора относительной прочности и «стабильности» отношений, фактора равновесия и «примирения» в национальном и международном масштабе, все труднее будет ей даваться политика возглавления «национального целого», тем более политика главенства в международном масштабе. Наоборот, растущие и множащиеся противоречия внесут новые элементы разложения в ее широкий и еще живучий организм.

Чем быстрее и острее будет протекать очерченный выше процесс обострения противоречий, чем ближе сумеют коммунистические партии подойти к массам, к подлинной пролетарской народной гуще, ничего не роняя при этом из своей революцион-

ности и своих основных конечных лозунгов, более, чем когда бы то ни было остающихся лозунгами всей эпохи,—тем более выразится весь этот процесс в простом и бурном отходе от социалистических партий целых крупных частей их массового состава, в завоевании пролетарским авангардом массовых профсоюзных организаций. Но следует предвидеть и более сложный и постепенный процесс расслоения и в лоне самих социалистических партий, поляризации в низах и в некоторой, хотя и несравненно меньшей, степени и у верхушки.

Социал-демократия в течение целого исторического периода (за время которого успело вырасти целое новое поколение рабочих) настолько связала себя с политикой, рассчитанной на мельчайшие поссибилистские завоевания и неизменно строго учитывающей интересы «национального целого», что и при изменяющихся отношениях, подавляющая часть ее верхушки,—а с ней, вероятнее всего, и некоторые прослойки рабочего класса—должны будут неизбежно продолжать и возобновлять попытки приспособления всей своей тактики и к этим выступающим в новом виде интересам национального капитализма. Эта часть проделает еще дальнейшую эволюцию вправо, еще теснее отождествит себя с интересами капитализма, во всяком случае еще решительнее и смелее отбросит еще оставшиеся висеть на ней в виде обветшалого и продырявленного исторического тряпья, лохмотья старосоциалистической идеологии. Попутно она, без сомнения, освободится и от того своего новейшего весьма специфического «интернационализма» и «пацифизма», которые она присвоила себе—отчасти в контакте и в союзе с мировым финансовым капиталом в условиях послевоенного развала,—отчасти как вынужденную доблесть побежденных; она освободится и от этого наследия в пользу ярче выраженного и более боевого «патриотизма».

Наоборот, на другом полюсе старых партий по мере обострения противоречий будет протекать противоположный процесс более или менее быстрой эволюции «влево», при котором левеющей массе вряд ли удастся прочно увлечь с собой значительные части своей организационной верхушки.

Колебания промежуточных элементов между этими двумя кристаллизующимися полюсами, приобретут более усиленный темп и более широкую амплитуду.

Можно ожидать, что поскольку весь этот процесс радикализации масс и расслоения реформизма явится последствием наступления капитала, то и этот процесс, как и само наступление капитала, будет протекать в разных странах далеко не равномерно, но приобретая, сообразно обстоятельствам, разные скорости и степени напряжения. Совершенно очевидно, что эта скорость и напряжение будут в большей мере зависеть и от нашей тактики.

А. Тальгеймер.

Крестьянский вопрос в Австрии и аграрная программа австрийской соц.-дем.

(*Начало статьи см. в № 15—16*).

3. Аграрная программа.

Уроки, преподанные революцией 1918—20 гг. австрийскому рабочему классу, дают, как видно из предыдущего, достаточный материал для самокритики и для отчетливой формулировки решающих пунктов революционной аграрной программы.

Такими решающими пунктами, на которые не было обращено должного внимания, оказались:

1) Революционная постановка вопроса о собственности в деревне, дающая возможность рабочему классу образовать блок с пролетарскими, полупролетарскими и мелкокрестьянскими элементами деревни против богатых крестьян и помещиков.

Только таким путем возможно предупредить переход «крестьянства», руководимого сначала богатыми крестьянами, а затем неизбежно и городской буржуазией, в оппозицию против промышленного пролетариата.

2) Полнейший отказ от политики коалиции с городской буржуазией. Этот отказ является основной предпосылкой для разрыва с капиталистическими элементами деревни. Нельзя сломить капиталистический строй в деревне, если поддерживать его в городе. Компромисс с фабрикантами влечет за собой компромисс с богатыми крестьянами и крупными землевладельцами.

3) Полный разрыв с буржуазной демократией, взятие курса на пролетарскую диктатуру. Аграрная революция есть революция, гражданская война, или ее нет вовсе. Отказ от революционного натиска неминуемо влечет за собою натиск и победу контрреволюции.

Таковы положения, доказанные на конкретном опыте австрийской (да и не только австрийской) революции. Они находятся в полнейшем согласии с выводами, вытекающими из общих начал революционной классовой стратегии.

Ясно в то же время, что эти выводы не могут быть сделаны, пока остаешься на почве реформизма, основным устоем которого является классовый союз с буржуазией. Эти выводы вынуждают покинуть почву реформизма и перейти на почву коммунизма. Мы не сомневаемся, что австрийский рабочий класс рано или поздно эти выводы сделает, ибо он должен их сделать, чтобы победить. Но они не сделаны в аграрной программе австрийской социал-демократии, да она и не могла их сделать, не отказавшись от своей реформистской позиции и тем самым от

самой себя. К доказательству этого положения мы теперь и перейдем.

Но сначала будет полезно напомнить основные взгляды, изложенные Ф. Энгельсом в его известной статье о «Крестьянском вопросе во Франции и Германии» («Neue Zeit», XIII, 1, стр. 292, 1894 г.). Это необходимо потому, что аграрная программа австрийской социал-демократии желает быть критическим пересмотром не только коммунистической или большевистской позиции в аграрном вопросе, но точно так же и прежней социал-демократической точки зрения,—она желает быть, так сказать, разумной серединой между обеими крайностями, учитывающей уроки военного и послевоенного времени.

Энгельс писал свою статью в такое время, когда европейское сельское хозяйство, и в особенности мелкое крестьянское хозяйство, задыхалось под гнетом конкуренции заокеанского, главным образом, северо-американского хлеба и, казалось, быстро шло навстречу своей гибели. Мелкое крестьянское хозяйство, пишет он в начале названной статьи, «разоряется и гибнет безвозвратно» (стр. 293). Не требуется особенной сообразительности, чтобы констатировать, что эта быстрая гибель мелкого крестьянского хозяйства не наступила, что в целом ряде стран оно еще удержалось и держится до сих пор и что, стало быть, в оценке темпа Энгельс во всяком случае ошибся. Уже не так легко и просто решить вопрос о том, ошибся ли он также насчет основной линии развития и в принципиальной оценке мелкого крестьянского хозяйства. Мы думаем, что нет. От быстрой гибели вследствие конкуренции американского хлеба мелкое крестьянское хозяйство спаслось в ряде европейских стран не в силу собственной жизнеспособности, собственных экономических или технических преимуществ, а, как известно, благодаря протекционным хлебным пошлинам; оно было, следовательно, сохранено искусственно, ценою экономических жертв, легших в первую очередь на плечи рабочего класса. Покровительственные хлебные пошлины были, напр., в Германии, с одной стороны, экономическим выражением политической гегемонии ост-эльбского юнкерства, тою ценою, которую германская буржуазия заплатила, или заставила заплатить других, за сохранение господства этой реакционной касты. Достаточно сравнить историю хлебных пошлин в Германии и Англии, чтобы убедиться во влиянии политического соотношения сил буржуазии и землевладельческого класса на историю этих пошлин в обеих странах. А, кроме того, часть германской буржуазии сделала на хлебных пошлинах «хорошее дело»,—и именно наиболее сильная ее часть, представительница тяжелой индустрии, добившаяся в обмен введения пошлин на железо и т. д. Таким образом, существование мелкого крестьянского хозяйства, которому свободная игра капиталистической конкуренции угрожала гибелью, было искусственно сохранено, несмотря на его экономическую и техническую отсталость. Но это искусственное сохранение мелкого крестьянского хозяйства было куплено не только ценою общественной жертвы, в виде хлебных пошлин, но и ценою отрыва мелкого крестьянина от культурного существования, ценою неслыханной эксплоатации его самого и его домашних. Если аграрный теоретик немецкого ревизионизма, Эдуард Давид, усмотрел в этом забитом трудом и темнотою крестьянине носителя социалистического идеала и экономически прогрессивной силы, то в ответ на это Карл Каутский, в своем «Аграрном вопросе», дал исчерпывающее доказательство экономического, технического и культурного бессилия мелкого крестьянского хозяйства. С тех пор это бессилие перед лицом крупных сельскохозяйственных предприятий не уменьшилось, а еще увеличилось. Война дала крестьянскому хозяйству в целом ряде стран новые шансы, в связи с военными и политическими потребностями буржуазии. Но через несколько лет аграрный кризис был уже снова международным явлением, только теперь это был кризис совсем другого рода, чем в девяностых годах прошлого века. Решающим моментом, несомненно, является теперь давление крупной, промышленной и торговой, капиталистической монополии. Стало быть, если Энгельс и ошибся в оценке срока гибели мелкого крестьянского хозяйства (главной причиной этой ошибки было его представление о темпе развития европейского рабочего движения и о сроке его победы); если он не мог предвидеть, что рабочие во многих европейских странах будут еще десятилетиями спокойно терпеть разоряющие их хлебные пошлины и что буржуазия будет готова платить такой дорогой ценой за саблю юнкера и за крестьянские кулаки,—то все же в принципе он вполне правильно оценил взаимоотношение между мелким крестьянским хозяйством и крупным сельскохозяйственным предприятием. Допустить свободное выявление экономических и технических преимуществ последнего не позволяли в последние десятилетия классовые интересы буржуазии, и это только показывает лишний раз, до какой степени господство буржуазии уже сделалось тормозом общественного прогресса. Это, разумеется, не значит, что рабочий класс должен был бы поддерживать капиталистическую тенденцию разорения мелкого крестьянского хозяйства и его замены крупным сельским хозяйством, если бы таковая стала свободно проявляться (а противоположная тенденция, стремящаяся сохранить мелкое крестьянское хозяйство за счет потребляющего хлеб трудового населения городов, должна считаться лишь исторически обусловленной и поэтому преходящей фазой в развитии капиталистического класса). Наоборот, капиталистическому пути создания крупного сельского хозяйства, тернистому и кровавому пути, рабочий класс противопоставляет социалистический путь развития крупных сельскохозяйственных предприятий, состоящий — поскольку речь идет о крестьянском хозяйстве—в добровольном и органическом, товарищеском об'единении при поддержке пролетарского государства. Чем теснее становятся границы внешнего рынка по сравнению с колоссально возросшими производительными силами внутри капитализма, тем беспощаднее становится их давление не только на рабочий класс, но и на мелких и средних крестьян. Борьба против капиталистических монополий является на этой стадии естественным соединительным звеном между рабочим классом и крестьянством, при чем не только помещик, но и деревенский кулак оказывается естественным союзником крупного капитала. Едва ли можно представлять себе этот процесс, как простое, прямолинейное движение. Две отмеченные нами противоположные тенденции капитализма в отношении крестьянства будут проявляться разно в различных странах и в различные периоды классовой борьбы.

Но в конце концов одержат верх пригнетающие и разрушительные тенденции капитализма в деревне, между прочим и в главных странах капитализма. Сейчас мы, повидимому, вступаем в такой период. Конкретному исследованию этого вопроса мы думаем посвятить нашу ближайшую работу.

Присмотримся теперь ближе в позиции Энгельса в крестьянском вопросе.

Чтобы определить свое отношение к этому вопросу, необходимо прежде всего произвести классовый анализ крестьянского населения. Одна из специфических черт реформизма заключается в том, что по отношению к сельскому населению он стушевывает характерные классовые границы, смешивая в одну кучу, под общим названием «крестьянин», пролетарские и полупролетарские элементы, простых товаропроизводителей и настоящих капиталистических предпринимателей.

Энгельс определяет следующим образом понятие мелкого крестьянина:

«Под мелким крестьянином мы здесь понимаем владельца или арендатора, особенно владельца, такого клочка земли, который не больше, чем сколько он может нормально обработать сам со своей семьей, и не меньше, чем сколько ему нужно для прокормления семьи».

По русской терминологии это средний крестьянин (середняк). Это необходимо отметить во избежание путаницы. Середняк или, по словоупотреблению Энгельса, повидимому общепринятому в Европе, мелкий крестьянин характеризуется следующими двумя признаками: 1) он, как правило, не пользуется чужой рабочей силой, прибегая к ней только в виде исключения; 2) у него достаточно земли для прокормления своей семьи. Для размеров участка, потребного для такого мелкокрестьянского хозяйства, нельзя, конечно, указать общих масштабов, они меняются в зависимости от естественных условий (свойства почвы, климата) и от технической ступени хозяйства. Это признак социальный. В экономическом, общественном смысле наш мелкий крестьянин есть простой товаропроизводитель, подобно ремесленнику, который производит товары собственными орудиями и с собственным сырьем и притом без помощи чужого труда.

Над этим мелким крестьянином стоит средний и крупный крестьянин. Для обоих характерно то, что они постоянно, регулярно пользуются чужим трудом, но в то же время еще работают в своем хозяйстве сами со своими домашними. При таком определении главное различие между средним и крупным крестьянином заключается в размерах хозяйства, в числе чужих рабочих рук, в количестве хозяйственных излишков. Граница между ними более или менее произвольна, конвенциональна.

И здесь, во избежание недоразумений, необходимо помнить, что по русской терминологии такой средний крестьянин называется кулаком, деревенским богатеем. По конституции Советского Союза крестьянин, регулярно пользующий чужим трудом, лишен, как известно, избирательных прав. Поэтому, когда Ленин говорит о русском среднем крестьянине, он имеет в виду не среднего, а мелкого крестьянина в смысле Энгельса.

Ниже мелкого крестьянина располагается обширный слой полупролетариата: это крестьяне, которые доходом от своего клочка земли не могут прокормить свою семью и поэтому вынуждены прирабатывать наемным трудом в сельском хозяйстве или промышленности. И в этом слое существуют многочисленные оттенки, в зависимости от степени преобладания наемного труда или труда на собственном участке. В России этому слою соответствует беднейшее крестьянство, бедняки.

И, наконец, идут сельскохозяйственные рабочие в точном смысле слова, вовсе не имеющие собственной земли, и деревенская челядь, мужская и женская, живущая в домах средних и крупных крестьян. Сельскохозяйственный рабочий называется по-русски «батрак».

В Германии среднее крестьянство преобладает на северо-западе (Вестфалия, Ганновер и т. д.) и на юге, а мелкое—в западных частях. Энгельс особенно подчеркивает преобладание среднего и крупного крестьянства в Баварии и в альпийских провинциях.

Энгельс строго различает между средним и крупным крестьянином, с одной стороны, и мелким крестьянином и сельскохозяйственным рабочим—с другой. (В дальнейшем мы всегда употребляем выражения «средний» и «мелкий» крестьянин в смысле Энгельса, как общепринятом в Средней и Западной Европе).

По этому поводу он говорит:

«Я решительно отрицаю, чтобы в задачу социалистической партии какой-либо страны входило принимать в свою среду, кроме деревенских пролетариев и мелких крестьян, также средних и крупных крестьянских собственников, не говоря уже об арендаторах больших имений, капиталистических скотоводах и прочих капиталистических представителях национального землевладения... Мы можем в некоторых вопросах итти вместе с ними, можем до поры, до времени бороться на их стороне за определенные цели. Но в нашей партии может быть, правда, место лицам из любого общественного слоя, но отнюдь не капиталистическим, не среднебуржуазным или среднекрестьянским группам» (стр. 299).

И далее: «Крестьянин, ждущий от нас увековечения его мелкой земельной собственности, не годится нам в партийные товарищи, как не годится и мелкий ремесленник-хозяин, желающий навеки оставаться хозяином. Пусть эти люди идут к антисемитам». Полемическое острие этих соображений открыто обращено против оппортунистических течений, которые появились в то время во французской социал-демократии в области крестьянского вопроса и были готовы сделать принципиальные уступки среднему крестьянину.

Яснее и резче всего Энгельс высказывается против уступок среднему и крупному крестьянину за счет пролетарских и полупролетарских элементов деревни, поденщиков и деревенской челяди:

«Рабочая партия, — говорит он,—должна прежде всего защищать интересы наемных рабочих и, значит, интересы домашних работников и поденщиков; поэтому сама собою ясна невозможность давать крестьянам какие-либо обещания, которые предполагают сохранение наем-

ного подневольного труда рабочих. Но пока крупные и средние крестьяне продолжают существовать как таковые, они не могут обойтись без наемного труда. И поэтому если бы с нашей стороны было просто глупостью говорить мелким крестьянским собственникам об их сохранения навсегда (! *А. Т.*) в качестве таковых, то уже прямо граничило бы с предательством такое обещание с нашей стороны по адресу крупных и средних крестьян» (стр. 304. Курсив везде мой. *А. Т.*).

Ниже мы увидим, какую позицию занимает австрийская аграрная программа в этом пункте, имеющем решающее значение для пролетарско-революционной точки зрения в аграрном вопросе. Важно еще отметить, что приведенное только-что крайне резкое заявление Энгельса направлено по вполне определенному адресу (именно по адресу тех южно-германских (баварских) социал-демократов того времени (Фольмар и др.), которые обнаружили тенденцию пожертвовать ради баварских и альпийских средних крестьян интересами их домашних работников и поденщиков.

Энгельс ясно сознавал при этом, что принудительным, декретным путем нельзя будет заставить мелкого крестьянина перейти к крупному коллективному хозяйству.

«Мы можем только обещать им (мелким крестьянам), что мы не будем против их воли насильственно вторгаться в их имущественные отношения».

Между этим обещанием (продиктованным в такой же мере экономической необходимостью, как и элементарными потребностями пролетарской классовой борьбы) и гарантией сохранения мелкой крестьянской собственности навсегда зияет непроходимая пропасть,—пропасть, отделяющая социализм от капитализма.

Наша цель в отношении мелких крестьян социалистична. Прежде всего мы стремимся к об'единению мелких участков в коллективные хозяйства. При этом об'единении освобождаются рабочие силы. Для них мы должны либо отрезать землю от соседних больших имений (как читатель видит, абсолютная неприкосновенность больших сельскохозяйственных имений не была для Энгельса каким-то догматом); либо мы должны обеспечить им добавочную промышленную работу, преимущественно для их собственного потребления. В качестве дальнейших мер Энгельс предлагает принятие на себя их ипотечной задолженности и выдачу пособий из общественных средств, отчасти натурой, для перехода к крупному хозяйству.

Крупный и средний крестьянин тоже разоряются, по наблюдению Энгельса, вследствие конкуренции крупного сельского хозяйства.

«Против этого разорения,—говорит он,—мы можем и здесь только рекомендовать об'единение участков и коллективные хозяйства, при которых будет возможно все больше и больше устранять эксплоатацию наемного труда и приступить к постепенному образованию равноправных и равнозначных отраслей национального производственного коллектива» (стр. 309).

Если в 1894 г. Энгельс еще думал, что мы и здесь сможем, вероятно (!) обойтись без насильственного отчуждения, то не только опыт русской гражданской войны и аграрной революции, но и позиция крупных крестьян в средне- и восточно-европейских революционных движениях 1918—1920 гг. (в Германии, Польше и т. д.) показали, что насильственная экспроприация, по крайней мере, крупных крестьян будет совершенно неизбежна, потому что их оппозиция против деревенского пролетариата и деревенских домашних работников всегда толкает их в об'ятия контрреволюции, перевешивая их оппозицию против помещика и городского капитала. Отметим еще, что и здесь Энгельс предвидел, что переход к крупному коллективному хозяйству после победы пролетарской революции хоть и не сможет произойти сразу, но что приступить к нему будет необходимо тотчас же.

В заключение обратим внимание на слова Энгельса, что в Германии «несравненно важнее привлечь на свою сторону ост-эльбских сельских пролетариев, чем западно-германских мелких крестьян или, тем более, южно-германских средних» (306).

Мы остановились так подробно на взглядах Энгельса в аграрном вопросе потому, что один из обычнейших приемов средне- и западно-европейского реформизма заключается в выдвигании искаженного Энгельса против аграрной политики русской революции и в оправдывании своего собственного оппортунистического предательства при помощи этого искажения. Подлинный Энгельс не может быть использован, как аргумент против русской аграрной революции, но зато он является самым жестоким обличением реформистской аграрной политики нынешних социал-демократических партий.

Рассмотрим теперь аграрную программу австрийской социал-демократии с изложенной точки зрения после того, как выше мы разобрали ее аграрную политику на конкретном ходе революционной классовой борьбы в Австрии в 1918—20 гг.

Центральной фигурой, служащей в альпийских землях Австрии оселком для определения революционной или реформистской, социалистической или буржуазно-радикальной установки в аграрном вопросе, является фигура среднего и крупного крестьянина, регулярно пользующего трудом домашних работников и поденщиков или только первых. Это по большей части крестьяне-скотоводы. Не следует забывать, что требование экспроприации крупного землевладения вполне укладывается в рамки буржуазного радикализма, в истории которого оно сыграло когда-то большую роль, как бы мало он ни думал об этом требовании сейчас. Деревенский пролетариат и деревенская челядь, эксплоатируемые средними и крупными крестьянами, обнаруживают в Австрии характерную дифференциацию. Есть так называемые «Häusler» и «Keuschler»—крестьяне, имеющие крохотный клочок собственной земли и собственную избу, но допускаемые к крайне ограниченному пользованию лесом и выгоном и поэтому вынужденные наниматься на работу к средним и крупным крестьянам. Затем идут «жильцы»; тоже имеющие небольшой клочок земли, но без собственного дома, они живут у крестьян, платя за постой либо деньгами, либо (гораздо чаще) непомерно тяжелой работой на своих хозяев. И, наконец, домашние работники и работницы, безземельные, обыкновенно влачащие жалкое существование в домах крестьян или помещиков в условиях такой эксплоатации, какая в промышленности встречается теперь уже редко.

И вот этот сельский пролетариат, самый революционный элемент в деревне, естественный союзник городского промышленного рабочего, принципиально приносится в жертву средним и крупным крестьянам аграрной программой австрийской социал-демократии, после того, как в 1918—1920 гг. он был фактически ею предан.

Правда, она требует для него некоторых облегчений: он должен быть поселен, на условиях долгосрочной аренды, на общинной земле, полученной за счет землевладения или бывшего общественного выгона (allmende); он должен иметь привилегии в пользовании лесом и выгоном, но:

«Не следует наделять сельскохозяйственного рабочего слишком большим количеством земли, чтобы он мог использовать свою рабочую силу в работе по найму. С другой же стороны, мы все-таки должны дать ему возможность жить в те месяцы, когда спрос на труд мал, выручкой от своего собственного хозяйства. Примирить эти два противоречивые требования можно будет только в том случае, если наделенный землей сельскохозяйственный рабочий получит возможность держать как можно больше скота. А для этого нужно, чтобы небольшой участок пахотной земли был восполнен возможно более широкими правами на пользование общественным выгоном» (О. Бауэр. Der Kampf um Wald und Weide, стр. 211. Курсив мой. *А. Т.*). В своем комментарии к аграрной программе Бауэр раз'ясняет [1]):

«Создание колоний для неимущих сельскохозяйственных рабочих есть предпосылка для образования действительно свободного сословия сельскохозяйственных рабочих» (стр. 129).

Средства для возведения в колониях построек и т. д.—раз'ясняется дальше—должны вноситься союзным и областными (провинциальными) правительствами. Так должно ежегодно создаваться по нескольку тысяч колоний. Колонист должен иметь право собственности на свое жилище—земля остается за общиной, но дома могут быть отчуждаемы (стр. 129).

В самой аграрной программе по поводу этих наделенных землей сельскохозяйственных рабочих имеется еще следующий благожелательно-лицемерный пункт: «Никто не обязан работать по найму на какого-либо определенного сельского хозяина или на определенный круг сельских хозяев».

Как будто такого рода формальное узаконение может быть чем-то большим, чем клочком бумаги, как будто экономическое положение, в которое они поставлены аграрной программой, не вынуждает деревенских пролетариев наниматься на работу к ближайшим по соседству крестьянам!

Этот пункт программы есть как раз то, о чем Энгельс говорит, что невозможность этого «сама собою ясна» для рабочей партии, что это «прямо граничит с предательством»,—это есть обещание «сохранить наемный подневольный труд рабочих», что равносильно сохранению существования средних и крупных крестьян в качестве таковых.

Можно было бы возразить: в самой программе ведь определенно не указаны размеры земельных наделов сельскохозяйственных рабочих,—размеры, которые вынуждали бы их, кроме работы на собственной земле, заниматься еще наемным трудом,—

[1]) Socialdemokratische Agrarpolitik.

ведь это только комментарий господина Отто Бауэра. Но, во-первых, в платоническом, практически совершенно бессодержательном положении программы, что наделенные землей сельскохозяйственные рабочие «не обязаны работать по найму на какого-либо определенного сельского хозяина или на определенный круг сельских хозяев», уже заключается общее положение, что они должны оставаться наемными рабочими. Взгляд, прямо и положительно выраженный в комментарии и мотивировке Бауэра, выражен в самой программе в косвенной и отрицательной форме. А, во-вторых, устранение наемного труда в деревне предполагает дальнейшие программные требования, отсутствие которых как раз и подтверждает нашу точку зрения. Если ставить себе целью уничтожение необходимых условий для наемного труда в деревне, то в отношении средних и крупных крестьян возможны только два пути. Во-первых, сокращение средних и крупных крестьянских хозяйств до таких размеров, при которых для их ведения достаточно труда самого крестьянина и его семьи. Но для этого пришлось бы экспроприировать не только крупное землевладение, но отчасти также средних и крупных крестьян в пользу деревенских пролетариев и полупролетариев. А это предполагает, в свою очередь, национализацию всей сельскохозяйственной площади и ее перераспределение между общинами всех округов. Этим путем пошла, как известно, русская революция. Это и есть необходимый второй этап аграрной революции—полнейшее упразднение капиталистической собственности в деревне, т.-е. собственности, обусловливающей постоянное применение чужой рабочей силы. Это еще не социализм, но это исходный пункт для движения к социализму в условиях крестьянского сельского хозяйства. Не только русская, но и сама австрийская революция ясно доказывает, что без перехода к этому второму этапу не может быть пройден и первый, не может быть проведена экспроприация помещичьего землевладения. Австрийские крупные и средние крестьяне угадали верным классовым чутьем, что за экспроприацией помещиков неизбежно последует и их собственная частичная экспроприация—указанным ли только что путем, или во второй форме, к которой мы сейчас обратимся.

«Тогда (в ноябре 1918 г.),—говорит сам Бауэр в своей книге об австрийской революции,—крестьянин тоже мечтал об изменении имущественных отношений. Это движение осталось не вовсе (!) без всякого (!!) результата. Закон о возвращении крестьян на землю (май 1919 г.) требовал отчуждения крестьянских земель, захваченных помещиками с семидесятых годов, и обращения их в фонд для образования новых крестьянских участков. Были изданы законы о пересмотре сервитутов и охотничьего кодекса. Но очень скоро крепкие крестьяне (!) поняли, что пересмотр вопроса о земельной собственности чреват опасностями для них самих. Революция разбудила деревенскую бедноту... Богатые крестьяне стали высказываться против пересмотра существующих имущественных отношений» (стр. 211).

Социал-демократия капитулировала перед «крепкими крестьянами»—и затем капитулировала перед ними еще раз в своей аграрной программе, хотя эта капитуляция перебила позвоночник и пролетарской революции в городе.

Программа предусматривает отчуждение и передачу общинам: 1) отрезков от помещичьих земель, 2) всех земель, бывших общинными до 1898 г. и 3) предоставляет общинам преимущественное право на покупку всех поступающих в продажу земель. В пользу государства должны быть, по требованию программы, отчуждены и переданы в его управление лес и недоимочные имения крупных сельскохозяйственных предприятий.

О вмешательстве в право собственности крупных и средних крестьян в программе нет ни слова. «Но пока крупные и средние крестьяне продолжают существовать, как таковые,—замечает Энгельс,—они не могут обойтись без наемного труда». И поэтому социалдемократической аграрной программе пришлось позаботиться о сохранении наемного труда в деревне. Энгельс предугадал даже ту косвенную и отрицательную форму, в какой это должно будет произойти. Да и в самом деле было бы несколько неловко, если бы аграрная программа рабочей партии, называющей себя социалистической, прямо и категорически потребовала утверждения наемного труда в деревне для сохранения существования «крепких крестьян» в качестве таковых!

Второй формой ликвидации крупных и средних крестьян является то, о чем говорит Энгельс: об'единение и перевод на коллективное хозяйство их земельных участков. Это, разумеется, только другая форма частичной экспроприации крупного и среднего крестьянства,—форма, являющаяся уже не только исходным пунктом для создания социалистического сельского хозяйства подобно первой, но и шагом вперед по этому пути. Будет полезно особенно иметь в виду и эту форму, хотя она и не сыграла в России заметной роли. Быть может, ей предстоит более важная роль в Средней и Западной Европе. В какой мере—это будет зависеть от конкретного хода социальной революции и не в последнюю очередь от той позиции, которую займут в ней крупные и средние крестьяне.

Характерной чертой австрийской аграрной программы является, далее, ограниченная форма предполагаемой ею «социализации», носительницей которой остается община. И это программа тех самых людей, которые так охотно разыгрывают из себя марксистских централистов в противовес «русским», которые-де почтительно считаются с деревенской местной ограниченностью. Но ведь русская революция национализировала всю землю, т.-е. передала верховное распоряжение ею в руки рабочего государства. Контроль, инструкции и т. д. по распределению земли на местах перешли таким образом к центральным государственным органам. Ясно, что государство пролетарской диктатуры не может оставить в руках деревенской общины право верховного распоряжения землею, но должно сохранить его за собой и само практически осуществлять его. Достаточно напомнить, какая колоссальная неравномерность в распределении земли между отдельными общинами получилась бы в противном случае. Хотя бы для того, чтобы сгладить эту неравномерность, для организации переселений из общины в общину, из округа в округ и т. д., совершенно необходима верховная центральная инстанция. Кругозор общины слишком узок для этого.

Но увековечение наемного труда в деревне на благо средних и крупных крестьян влечет за собой и другие последствия. Раз допустив эту эксплоатацию, приходится закрыть глаза и на ее крайне отсталые, патриархальные формы.

В этом отношении особенно интересны прения на партейтаге об аграрной программе. Они вращаются, главным образом, вокруг этого вопроса.

Прежде, чем перейти к нему, отметим из дискуссионной речи Реннера то место, где он говорит, что «сельскими депутатами» бывают большей частью не крестьяне, а «торговцы лесом, скотом или вином», т.-е. «кулаки»—слово, которое в последнее время начинает все чаще употребляться и в Западной и Средней Европе.

Названный больной вопрос первым определенно поставил делегат Видмайер (Ваграм). Он сказал между прочим:

«Занятая в сельском хозяйстве наемная работница должна быть в три часа утра в хлеве и работать до половины десятого ночи. Для этой женщины (большей частью это жена кучера) свободные минуты отмерены крайне скупо; на ведение собственного хозяйства и на воспитание своих детей у нее совсем нет времени. Если вы примете во внимание, что такая женщина весь день кормит скотину и выдаивает 150—190 литров молока, то вам будет ясно, что, поднимаясь в половине третьего утра, она едва может шевельнуть пальцем. То, что десятки лет тому назад было сделано нами для освобождения женщины в текстильной промышленности, то же самое мы должны теперь сделать в сельском хозяйстве. Можно только приветствовать наши речи о том, что нам нужны школы в деревне. Но школы ничему не помогут, когда у ребенка с раннего детства нет матери. В Маршфельде в нынешнем году сгорело трое детей, которые были заперты на целый день, потому что их мать проводила весь день в хлеве, а отец в поле».

Оратор предлагает поэтому дополнить требования программы пунктами о выработке правил охраны сельскохозяйственных работниц и о возможно большем ограничении женского труда. «Я говорю об ограничении, потому что я знаю, что и женщины фабричных рабочих должны работать. Но женщине должно быть предоставлено право заниматься прежде всего своими домашними делами и смотреть за детьми, чтобы хорошо воспитать новое поколение сельскохозяйственных рабочих».

Он предлагает, далее, «запретить работу в хлеве девушкам моложе 20 лет»—со следующей мотивировкой: «Шестьдесят процентов всех женщин, работающих в хлевах, страдают уже после первых родов родильной горячкой, от которой и погибают. Кроме того, насыщенная аммиаком атмосфера хлева благоприятствует развитию туберкулеза» [1]).

Ментасти (по его собственному заявлению—мелкий крестьянин) возражает против предложения Видмайера, которое он называет демагогией. «Я вынужден назвать такое предложение демагогией, потому что я знаю, что наших женщин, которые самостоятельны, нельзя будет ни сегодня, ни после поставить под стеклянный колпак, что они все равно будут доить день и ночь (!). Мы не можем принять такие пункты, которые могут нам только повредить при агитации и которых нельзя осуществить ни при каком общественном порядке».

---

[1]) Protokoll des Soc. Parteitages. 1925, стр. 284.

За предложение Видмайера высказывается Габриэля Прост (Вена), которую и Ментасти не сумел убедить в невозможности такого общественного порядка, при котором женщина не должна будет «доит день и ночь».

После этого Видмайер, по его собственным словам, уже десять лет работающий в деревне, заявил:

«Если я сказал, что я требую охраны женщины в сельском хозяйстве, то я имел при этом в виду не жен трудовых крестьян».

Далее, он отметил, что в результате существующих условий сельскохозяйственные рабочие наполовину безграмотны, а из остальных 25% читают с таким трудом, что не берут газету в руки (стр. 295).

В своем заключительном слове Отто Бауэр по поводу предложения Видмайера сказал:

«Ограничение женского труда и запрещение работать в хлеве женщинам моложе 20 лет—это такие требования, которых нельзя поставить не только для крестьянских семей, но и х н е л ь з я п о с т а в и т ь и д л я к р е с т ь я н - б а т р а к о в. Ведь невозможно в самом деле запретить работать в хлеве девушкам моложе 20 лет, потому что э т о б ы л о б ы р а в н о с и л ь н о з а п р е щ е н и ю ж е н с к о г о т р у д а в к р е с т ь я н с к о м х о з я й с т в е в о о б щ е...» «Но и в области крупного хозяйства н е л ь з я п о д д е р ж а т ь это требование в той з а с т ы в ш е й форме, в какой оно было здесь выставлено». Взамен этого необходимо урегулирование рабочего времени и действительное проведение в жизнь соответствующих правил, «которые в деле ухода за скотом не могут быть, конечно, механически сведены к 8-часовому рабочему дню, п о т о м у ч т о к о р о в ы с э т и м н е с ч и т а ю т с я». Бауэр предлагает следующую формулировку: «Ограничение женского труда в хозяйстве до размеров, совместимых с охраной женщины и ее потомства».

Тем самым вопрос переносится в область неопределенных и ни к чему не обязывающих отвлеченностей.

Бауэр обращает внимание на 5-й пункт программы, требующий общего урегулирования рабочего времени (в этом пункте говорится о среднем годовом 8-часовом рабочем дне, который соответственно удлиняется летом и сокращается зимой; для работающих в мелких крестьянских хозяйствах требуется установленный законом минимальный ежедневный отдых и такие же «минимальные перерывы в работе»).

Предложение Видмайера было в конце концов отклонено и принято предложение Бауэра. Не случайно, что предметом прений был как раз женский труд. Как в среднем и крупном, так и в мелком крестьянском хозяйстве женщина—самое забитое, самое эксплоатируемое и угнетенное существо. Эксплоатация женщины, особенно наемной работницы, есть самая крайняя форма экплоатации в крестьянском хозяйстве вообще, самое больное место этого больного вопроса. Естественно поэтому, что эксплоатирующий чужую рабочую силу крестьянин чувствительнее всего реагирует именно на этот пункт. Но содержащееся в аграрной программе австрийской социал-демократии предательство сельского пролетариата и полупролетариата, равно как и мелкого крестьянства, отнюдь не привлечет на ее сторону средних и крупных крестьян, которых отталкивают даже ее реформистские требования в пользу деревенской бедноты.

Тем более, что в социал-демократической программе имеется еще одно особенно хитрое предложение—о снижении цен на землю. Последнее должно произойти автоматически в результате следующих мер: 1) удовлетворения спроса на мелкие земельные участки, 2) улучшения условий жизни сельскохозяйственных рабочих и 3) такого поднятия и обеспечения положения промышленных рабочих, что у них уже не будет потребности обзаводиться «самостоятельным» хозяйством на земле, купленной или арендованной по ростовщическим ценам. Не говоря уже о том, что земельный голод пролетарских и полупролетарских элементов есть только один из факторов, определяющих цены на землю, н о о т н ю д ь н е р е ш а ю щ и й, и что, следовательно, этим путем поставленная цель все равно н е б у д е т д о с т и г н у т а,—не говоря об этом, ясно само собой, что средние и крупные крестьяне будут самыми ярыми противниками всякой попытки обесценить их землю.

Рабочий класс, который стал бы на путь подобной политики, неминуемо должен был бы проделать еще раз опыт 1918—20 гг.: он неизбежно оказался бы снова между двух стульев, оттолкнув от себя к а к мелких крестьян и деревенских пролетариев, т а к и с р е д н и х и к р у п н ы х к р е с т ь я н. Как в конце концов политически невозможна никакая межеумочная позиция между промышленным пролетариатом и капиталом, так же невозможна она и между сельским пролетариатом и мелким крестьянством, с одной стороны, и деревенскими богатеями—с другой. Нужно выбирать между революцией и контрреволюцией. И линия раздела проходит между деревенскими пролетариями и мелкими крестьянами, с одной стороны, и средними и крупными крестьянами, помещиками и городской буржуазией—с другой. Австрийский опыт подтверждает это в такой же мере, как опыт всех других революций, в которых был поставлен «вопрос о собственности». Но выбирать нужно не в самый момент революции, а еще до того—при подготовке к революции, при подготовительной работе по текущим вопросам агитации, пропаганды и организации в эпоху «между двумя революциями». Последовательное проведение аграрной политики, намеченной в аграрной программе австрийской социал-демократии, так же неизбежно приведет в момент революционного взрыва в лагерь контрреволюции, как привела туда родственная позиция русских эсеров и меньшевиков.

Мы ограничимся критическим разбором этого наиболее характерного в классовом отношении пункта аграрной программы австрийской социал-демократии и не будем останавливаться на ряде других пунктов, дающих материал для критики, в роде, напр., пункта о передаче управления организуемыми колхозами бывшим владельцам, поскольку они окажутся дельными хозяевами, на условиях государственной аренды и т. д. Резюмирующая характеристика этих пунктов уже дана в приведенных выше соображениях Фр. Энгельса.

Мы надеемся, что предшествующие критические соображения помогут не только австрийским рабочим, но и рабочим других средне-европейских стран легче ориентироваться в крестьянском вопросе и преодолеть реформистскую точку зрения, которая в противном случае неизбежно приведет их к новым поражениям.

В. Беленко.

О товарном голоде[1]).

Товарный голод, под знаком которого прошел весь 1925/26 хозяйственный год, долгое время приковывал к себе внимание всей нашей партии. И теперь еще проблема товарного голода продолжает оставаться актуальной, т. к. относительная устойчивость рыночной кон'юнктуры в последние месяцы отнюдь не гарантирует нас от возможности повторения—в той или иной форме—прошлогодних затруднений. Между тем, как показал июльский пленум ЦК, в партии на этот счет до сих пор нет единодушия. Оппозиция, опираясь на то понимание природы товарного голода, которое было развито в статьях т. Преображенского, вновь выступила с критикой проводимой партией линии и противопоставила ей свою собственную систему мероприятий. Нам кажется поэтому вполне своевременным и целесообразным еще раз подвергнуть критическому разбору концепцию т. Преображенского, тем более, что за истекший год накопилось немало фактического материала, позволяющего проверить правильность той или иной установки экономической политики.

«Наш теперешний товарный голод—это итог тех положительных изменений в строении крестьянского бюджета, которые принесла с собой Октябрьская революция»—так думает тов. Преображенский [2]).

В чем же суть этих «положительных изменений»?

В 1912—13 г. крестьянство платило разных налогов по 10 руб. 54 к. на душу, а в 1924—25 г.—3 руб. 56 к.; разность между этими цифрами, помноженная на количество сельского населения дает 815 миллионов довоенных или 1.400 милл. червонных рублей. Сюда нужно прибавить 200 милл. довоенных руб., которые крестьянство платило помещикам за аренду вненадельной земли и которых теперь, по случаю ликвидации помещиков, платить не приходится. Получается круглая цифра в 1.000 милл. довоенных руб. (1.750 милл. червонных руб.), показывающая, насколько больше крестьянство до войны отчуждало продуктов своего производства без соответствующего товарного эквивалента, и, следовательно, показывающая также, насколько мог бы, при прочих равных условиях, возрасти платежеспособный крестьянский спрос.

Путем какого колдовства т. Преображенский получил сообщаемую им цифру довоенного обложения крестьянства, мы не знаем, т. к. в статье нет указания на источник; приходится поэтому проверять ее косвенным путем.

Если крестьянство платило по 10 р. 54 к. на душу, то сколько же платило городское население. Произведя соответствующие

[1]) Статья дискуссионная.
[2]) «Правда» от 15/XII—25 г.

подсчеты, получаем—22 р. 81 к., т. е., примерно, в 2 раза больше, чем на душу крестьянства [1]), всего же деревня заплатила 1.507 млн. руб., город—730 млн. руб. Сопоставим полученные цифры с обложением в наше время. По данным «Института Экономических Исследований НКФ» в 1924—25 г. было уплачено налогов (прямых, косвенных, местных, пошлин и пр.) в миллионах червонных рублей [2]):

	Сельск. населением	Городск. населением
Всего	631,6 млн. р.	937,6 млн. р.
На душу	5 р. 45 к.	38 р. 80 к.

Итак, в 1924—25 г. город заплатил, примерно, в полтора раза больше деревни, а на душу населения—в 7 раз больше. Наоборот, если верить т. Преображенскому, в 1913 г. деревня заплатила вдвое больше города, а по расчету на душу городское население платило лишь в два раза больше сельского. Слов нет, до войны деревня была переобложена и наша налоговая политика стремится это упразднить, но совершенно наивно было бы полагать, что перемены, происшедшие в этом отношении, поставили деревню на место города, а город на место деревни. Все окажется на своем месте, если мы предположим другое, а именно то, что т. Преображенский хватил через край. Действительно, в известном исследовании А. Вайнштейна о довоенном обложении крестьянства дается значительно меньшая цифра душевого обложения крестьянства—6 р. 36 к., полученная на основании проработки как массовых, так и бюджетных данных [3]).

Попытаемся проверить цифру, даваемую т. Преображенским с другого конца, путем составления денежного бюджета довоенного крестьянства.

Денежные доходы крестьянства по 50 губ. Европейской России в 1913 г. составляли:

1. От продажи продуктов сельского хозяйства (по Прокоповичу, без внутрикрестьянского оборота и без помещичьей доли товарного хлеба) . . . . 1.350 млн. р.
2. Денежные доходы от промыслов (по бюджетам—12,2% валового дохода) . . . . 1.030 млн. р.

Всего . . . 2.380 млн. р.

[1]) В 1913 г. 175 млн. населения платило, по Преображенскому, 12 р. 75 к. на душу, значит, всего было уплачено налогов 2.23? млн. руб. Городское население составляло до войны 18,3%, или 32 млн. человек, а сельское—143 млн. Исходя из этих цифр, получаем: налоги, уплаченные крестьянством, равняются 1.507 млн. руб. (143 млн. душ по 10 р. 50 к.). Налоги, уплаченные городом—730 млн. руб (2.237 млн.—1.507 млн. р. = 730 млн.), а на душу 22 р. 81 к. (730 млн. р. : 32 млн. = 22 р. 81 к.).

[2]) Ср. проф. П. Гензель «Налоги Союза ССР», М. 1926, стр. 107.

[3]) А. Вайнштейн, «Обложение и платежи крестьянства». М. 1924 г., стр. 116.

Денежные расходы:

1. Налоги (10 р. 54 к. на душу из расчета на 105 млн. душ)	1.100	млн. р.
2. Аренда вненадельной земли	200	» »
3. Платежи в крестьянский и в др. банки за купленную землю (по Вайнштейну)	85	» »
4. Прочие денежные расходы и денежное накопление (приблизительно)	100	» »
5. Покупка пром. товаров (13 р. на душу) [1]	1.360	» »
Всего	2.845	млн. р.
Дефицит	465	» »

Таким образом, если исходить из величины налога, указываемого т. Преображенским, то в крестьянском денежном бюджете получается дефицит около 500 млн. руб.

Если же заменить цифру т. Преображенского другой более вероятной цифрой А. Вайнштейна (6.36 на душу), то денежные расходы крестьянства уменьшатся на 430 млн. руб. и баланс, в общем, сойдется [2].

Итак, склонность т. Преображенского преувеличивать роль факторов, влияющих на увеличение платежеспособного крестьянского спроса, привела к тому, что он переоценил более чем на 400 млн. довоенных рублей тяжесть довоенного налогового обложения крестьянства.

Но как бы то ни было, а значительное облегчение налогового бремени, национализация земли и связанная с нею ликвидация арендных плат и платежей за землю, безусловно должны были, при прочих равных условиях, сделать наше крестьянство более сильным покупателем. Это бесспорно.

Мы сказали: при прочих равных условиях, и эта оговорка абсолютно необходима, т. к. на ряду с изменениями, действовавшими в направлении увеличения платежеспособного спроса крестьянства, имели место изменения и противоположного порядка, о которых нельзя забывать, если стремиться оставаться об'ективным в исследовании.

Е. Преображенский указывает только на один фактор такого порядка: «...Уменьшение количества принудительных продаж должно при том же доходе от земледелия, что и до войны, привести к увеличению деревенского потребления продуктов питания». Другого момента, такого же самого свойства, т. Преображенский не заметил. Как известно, наибольший процент денежности имели до войны верхние и нижние слои деревни. Нижние слои, главным образом, потому, что у них большую роль играли доходы от промыслов, верхние же—благодаря обладанию относительно большими излишками хлеба, шедшего на продажу. Частичная ликвидация деревенской буржуазии, «осереднячивание» деревни, явившееся продуктом аграрной революции, автоматически повлекло за собой и сокращение товарности земледелия. В этом же направлении действовала и ликвидация помещичьих латифундий, имевших высокий процент товарности и поставлявших на рынок более 20% товарного хлеба.

Наконец, самое главное, о чем т. Преображенский не обмолвился ни единым словечком—это промысловые заработки крестьянства. В бюджете крестьянского хозяйства, доходы от промыслов играют громадную роль, составляя, по приведенным выше данным, более 12% валового и более 40% денежного дохода крестьянства. Для 50 губ. Европейской России мы определили денежные доходы от промыслов в миллиард с лишним рублей, а для довоенной России в пределах СССР эта цифра должна быть повышена, примерно, до 1.200 млн. руб. [1]).

Как же выглядит эта важнейшая доходная денежная статья крестьянства теперь. «Баланс покупательных ресурсов сельскохозяйственного населения в 1925—26 г.», вышедший из недр нашего Наркомторга и помещенный в статье А. Кактыня, определяет доходы от промыслов и проч. в 993 млн. черв. руб. (978 промыслы и 15 проч. доходы) [2]. Мы не можем судить, насколько эти цифры верны или не верны, т. к. учесть промысловые заработки крестьянства—дело исключительной трудности и всякая цифра здесь будет гадательной. Но если упомянутая цифра хоть в какой-нибудь мере приближается к действительности, то это означает, что доходы крестьянства от промыслов сократились, по сравнению с довоенным временем, в пределах от 300 до 500 млн. довоенных рублей. Как т. Преображенский, анализируя изменения, происшедшие в крестьянском бюджете, проглядел этот первостепенной важности факт—остается загадкой.

Итак, возможность увеличения платежеспособного спроса деревни, обусловленная ликвидацией значительной части принудительных платежей, в значительной мере парализуется факторами, действующими в сторону уменьшения денежности и, следовательно, платежеспособного спроса крестьянства—повышением собственного потребления, процессом осереднячивания деревни, понижающим процент товарности, и, самое главное, резким сокращением доходов от промыслов, дававших довоенному крестьянству более 40% всех денежных поступлений. Величина, на которую изменился платежеспо-

[1]) Эта цифра есть наименьшая из всех нам известных; она вытекает из расчетов Гриневецкого. Ср. его «Послевоенные перспективы русской промышленности». В кн. С. Зака «Опыт изучения товарности СССР», М. 1926 г., расходы крестьянства в 1918 г. в пределах СССР на покупку пром. товаров приведены в сумме 1.720 млн. р., что составляет более 15 руб. на душу. По «Балансу народного хозяйства СССР в 1923—24 г.», в этом году крестьянство купило промышленных товаров на 3.565 млн. руб, что дает, примерно, 31,5 червон. руб. на душу крестьянского населения.

[2]) В предупреждение возможных придирок, нужно указать на следующее: почти по каждой статье «баланса» можно привести параллельные цифры, более или менее отличающиеся от помещаемых в тексте. Поэтому приведенные цифры нужно рассматривать как очень условные и страдающие всеми недостатками, свойственными источникам, из которых они позаимствованы. Но сколь бы приблизительным ни был «баланс», он все же дает известное представление о денежности крестьянского хозяйства и, во всяком случае, не заключает в себе такой грубой ошибки, сославшись на которую можно было бы оправдать небеспристрастные расчеты т. Преображенского.

[1]) С. Зак (см. указанное сочинечие, стр. 61) определяет денежные «несельскохозяйственные» доходы деревни в довоенное время в 1.800 млн. руб., т. е. на 50% больше, чем указано в тексте. Но мы не могли пользоваться этой цифрой, так как совершенно не знаем методов, которыми автор пользовался, определяя «несельскохозяйственные» доходы деревни.

[2]) См. «Эконом. Жизнь», № 290 от 19/XII—25 г. «Проблемы внутренней торговли перед XIV с'ездом партии».

собный крестьянский спрос, по сравнению с довоенным временем, есть, таким образом, алгебраическая сумма, в которую входит множество слагаемых как с положительными, так и отрицательными знаками, и мы не рискуем браться за определение абсолютной величины ее. Такая работа требует специального статистического подсчета, который не может быть выполнен усилиями отдельного лица. Но во всяком случае здесь не может быть речи о сколько-нибудь крупных изменениях. Мы считаем поэтому категорическое заявление т. Преображенского о значительном увеличении платежеспособного спроса крестьянства совершенно необоснованным, покоящимся на одностороннем, неверном анализе.

Не будем, однако, торопиться с выводами. Величина платежеспособного крестьянского спроса, взятая сама по себе, еще ничего не говорит нам о взаимоотношениях между городом и деревней, т. к. последние определяются соотношением между крестьянским спросом и промышленным предложением. В какую сторону изменился коэффициент этого соотношения.

Промышленность, как известно, восстанавливается быстрее сельского хозяйства. Если верить исправленному изданию «Контрольных цифр», то в 1925—26 году промышленность достигает 95%, а сельское хозяйство — 91% от довоенного уровня, по довоенным и соответственно 100% и 87% по современным ценам, при чем товарная масса составляет:

Товарная масса (в миллионах рублей по ценам соответствующих лет).

	1913 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Вся внутренняя товарная масса . . .	11.614	13.552	16.744
Товарная масса с.-х.	4.603	4.990	6.143
Товарная масса промышленности . .	7.011	8.562	10.601
Отношение товарной массы промышленности к товарной массе сельского хозяйства, принятой за 100 .	152	173,5	172,6

Как видим, и эта группа цифр не дает оснований заключать о неблагоприятных изменениях во взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. Наоборот, товарная масса промышленности восстанавливается быстрее товарности сельского хозяйства, следствием чего является повышение удельного веса промышленных товаров в общей товарной массе. На единицу сельскохозяйственных товаров в 1924—26 гг. приходится промтоваров больше (по ценности, разумеется), чем это было до войны. Значит, если даже допустить некоторое возрастание платежеспособного крестьянского спроса, то оно компенсируется повышением удельного веса промышленности и в силу этого отношение между крестьянским спросом и промышленным предложением продолжает оставаться, примерно, таким же, как и до войны.

* * *

Здесь мы вплотную подошли к проблеме диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью.

Система хозяйственного равновесия предполагает, как известно, некоторые соотношения между основными хозяйственными величинами и, в первую голову, между сельск. хоз. и промышленностью. До войны стихийно сложились такие взаимоотношения, которые в общем обеспечивали известную устойчивость народного хозяйства в целом. Имеется ли, с этой точки зрения, что либо новое в современной экономике. Количественные отношения между сельским хозяйством и промышленностью и их товарными массами остались в общем такими же, как и до войны; удельный вес промышленности даже несколько повысился. Значит о диспропорции в этой плоскости не может быть речи. Поэтому, когда говорят о диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью, то обычно понимают под этим изменения в соотношениях между платежеспособным крестьянским спросом и промышленным предложением.

Так именно ставит вопрос тов. Преображенский, когда он хочет об'яснить, почему при известных соотношениях между сельским хозяйством и промышленностью в 1913 году хозяйственная жизнь протекала нормально, а в последние годы, при тех же, примерно, соотношениях, появился товарный голод.

В этом понимании «диспропорция» рассматривается, как следствие увеличения платежеспособного спроса крестьянства, обусловленного не увеличением общей производительности сельского хозяйства, а лишь иным, чем до войны, строением расходного бюджета крестьянства. Такому пониманию диспропорции соответствует и метод ее преодоления, который с грубоватой ясностью, без всяких «с одной стороны и с другой стороны» формулирован у Оссовского [1]):

«По какому же, однако, пути надо итти, чтобы хозяйственный кризис был устранен в корне. По пути установления целой системы финансово-экономических мероприятий, увеличивающих из'ятие неэквивалентной товарной части сельского хозяйства в размерах, не отстающих от сответствующих из'ятий до войны».

Нет решительно никаких оснований считать правильной такую постановку вопроса. Расходный бюджет крестьянина строится теперь иначе, чем до войны. Это правда, как правда и то, что цифры, которыми тов. Преображенский в этой связи пользуется, являются тенденциозно-преувеличенными. Однако, здесь еще не вся правда, так как дело не только в расходном, но и в доходном бюджете крестьянства, а последний, как мы видели, значительно сократился благодаря уменьшению промысловых заработков. Если теперь крестьянин отдает меньше, чем раньше, без эквивалента, то он меньше и зарабатывает на стороне, так что его современный платежеспособный спрос немногим отличается от довоенного.

Мы утверждаем поэтому, что диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью нельзя рассматривать как законное дитя Октябрьской революции. Это подкидыш, которого оставила история в нашем советском доме. Диспропорция существовала до войны, существует и теперь, она есть—«исторически-сложившееся» явление [2]). В чем она выражалась до войны. В том, что сельское хозяйство давало около $^2/_3$ всей продукции народного хозяйства, что значительную часть хлеба приходилось вывозить за границу и ввозить оттуда значительную часть про-

[1]) «Большевик», № 7—8 за 1926 г., стр. 95.
[2]) Сравн. резолюцию пленума ЦК ВКП от 6—9 апреля 1926 г.

мышленных товаров,—словом, в том, что царская Россия была аграрно-промышленным придатком промышленно-капиталистической Европы.

С этой точки зрения и проблема преодоления диспропорции отнюдь не сводится к тому, чтобы добиться известного хозяйственного равновесия между городом и деревней, которое в той или иной мере покоилось бы на довоенных нормах.

Наоборот, задача состоит в решительном разрыве с довоенными шаблонами, в насильственном преодолении прежних норм и установлении нового, неизвестного старой России динамического равновесия не на аграрно-промышленном, а на промышленно-аграрном базисе. Беда наша не в том, что мы не имеем довоенных отношений, а как раз в том, что мы их имеем; задача не в том, чтобы еще больше к ним приблизиться, а в том, чтобы уйти от них как можно дальше.

Понимаемая таким образом «диспропорция» не может служить инструментом, пользуясь которым можно было бы решить проблему товарного голода. Ведь не находилась же довоенная Россия в состоянии перманентного товарного голода в той форме, в какой мы его переживаем в 1925—1926 гг. Диспропорция между сельским хозяйством и промышленностью просто учитывалась рыночным механизмом, и «равновесие» достигалось путем такого соотношения цен, когда «в России был самый дорогой ситец и самый дешевый хлеб» (Рыков). Таким же путем в основном достигается равновесие и теперь, так как и наше товарное хозяйство в значительной мере подчинено своим общим законам. Во всяком случае соотношение цен промышленных и сельскохозяйственных товаров, которое мы имеем за последние 1½—2 года, не очень резко отличается от довоенного и не заключает в себе таких элементов, которые могли бы дезорганизовать нашу народно-хозяйственную систему.

Таким образом, вопрос о товарном голоде отнюдь не решается одним указанием на наличность диспропорции между сельским хозяйством и промышленностью. «Диспропорция» это лишь общий фон, сообщающий народно-хозяйственной системе своеобразный отпечаток.

Диспропорция—это хроническая болезнь, которой страдал народно-хозяйственный организм до войны и которая по наследству досталась нам. Болезнь запущенная и поэтому трудно излечимая. Но плох будет тот врач, который всякое недомогание организма будет об'яснять хронической болезнью: «От нее-де все качества». Ведь недомогание может быть следствием особых причин, а наличие хронической болезни, быть может, только усилит его остроту; в чем тут дело, можно узнать лишь после тщательного анализа.

* * *

Рассматривая вопрос о покупательной силе деревни, мы старались выяснить изменения, происшедшие в строении крестьянского бюджета по сравнению с довоенным временем. Однако, для решения узкого вопроса о природе товарного голода, этого можно было бы и не делать; если мы все же занимались 1913 годом, то исключительно для того, чтобы показать односторонность и тенденциозность обобщений тов. Преображенского.

Нет никаких сколько-нибудь серьезных оснований рассматривать довоенные количественные отношения экономических величин как какой-то категорический императив нашей хозяйственной деятельности и в нарушении этих отношений видеть угрозу системе хозяйственного равновесия в наших условиях, в частности, выводить отсюда переживаемый нами товарный голод.

Такая точка зрения была бы правильна лишь в том случае, если бы спрос и предложение нашего времени отличались от довоенных только количественно. Но в том-то и дело, что война и революция вызвали не только количественные сдвиги; они глубочайшим образом изменили самую структуру как спроса, так и предложения. И было бы никчемным, пустым занятием оперировать с известными числовыми величинами, игнорируя эти, так сказать, качественные изменения.

В чем выразились эти последние? Начнем со спроса.

Спрос, пред'являвшийся рынку раньше господствующими классами, теперь в большей своей части не имеет места, так как нет помещиков, крупной чиновной и военной аристократии и пр. привилегированных групп и слоев населения. Капиталистический слой довоенной России сменился сравнительно небольшим по своей покупательной способности нэпмановским слоем населения, словом, паразитическая верхушка довоенной России на ³/₄ свалена в мусорную яму истории, а вместе с нею исчез и тот специфический спрос, который был обусловлен специфическим образом жизни «высшего общества». За счет этих вымерших групп частично возросла покупательная способность трудовых слоев общества, но эти слои теперь, в большинстве случаев, покупают товары совсем другого свойства: «числом побольше, ценою подешевле». В силу этого одинаковая общая сумма спроса прежде и теперь означает далеко не одинаковую его структуру. Удельный вес спроса на предметы «широкого потребления» (дешевые сорта тканей, одежды, табака, обуви и пр. и пр.) в общей сумме спроса теперь должен быть значительно выше, чем раньше.

С другой стороны, изменилась структура потребительного бюджета трудовых слоев общества. Значительно развились одни потребности, сократились другие, появились, наконец, новые. В этом отношении революция проделала немалую работу; укажем для примера на расходы на культурно-просветительные цели, на электрификацию в деревне, радиолюбительство и пр. Появился, наконец, совершенно новый слой потребителей, спрос которых также имеет свои особенности: всевозможные общественные организации, профсоюзы, партия и пр. Словом, внутренняя структура спроса изменилась в такой же мере, как изменился классовый состав и культурно-психологический облик общества. Таким образом, современный и довоенный спрос суть величины с различной качественной характеристикой и, поскольку это так—величины несоизмеримые.

Также и с предложением. За время войны и революции сильно развились некоторые отрасли промышленности (химическая, электротехническая и др.). Вне границ Советского Союза остались некоторые крупнейшие промышленные районы (Польша и др.), обслуживавшие всю довоенную Россию. Наконец, в пределах СССР отдельные отрасли промышленности по разным причинам восстанавливались далеко не одинаковым

темпом [1]. Меняется поэтому облик производимой товарной массы, устанавливаются новые количественные отношения как между отдельными отраслями, так и группами отраслей промышленности, меняются ценностные величины и отношения. Все это приводит к значительным сдвигам в структуре совокупной продукции промышленности, к изменению *качественной* характеристики промышленного предложения, так что довоенное и современное предложение так же, как и спрос, мало похожи друг на друга и так же несоизмеримы.

Можно ли, при наличии столь больших сдвигов в экономике страны, *рассматривать довоенные пропорции*, как условие равновесия в советской экономике? Ни в какой мере. Напротив, довоенные пропорции в наших условиях совершенно неизбежно окажутся в диспропорции с действительностью, размеры которой будут в точности соответствовать всей сумме изменений, о которых мы говорили выше. Но если это так, то нет решительно никаких оснований, например, предполагать, что система экономического равновесия требует такого же расчетного баланса между сельским хозяйством и промышленностью, каким он был до войны, и видеть в нарушении этого баланса основную причину, «ключ» товарного голода.

Довоенные соотношения между сельским хозяйством и промышленностью точно так же, как и многие другие экономические нормы феодально-капиталистической России, для нашей экономики имеют не большую обязательную силу, чем «свод законов государства Российского»—для Наркомюста.

Советская экономика вырабатывает новую систему динамического равновесия, в которой будет учтено все новое, что принесла с собою революционная эпоха. Резкие ценностные сдвиги и др. колебания, которыми так пестрят последние годы, с этой точки зрения очень показательны. С окончанием восстановительного процесса, когда кривая развития станет более плавной, мы увидим, каковы будут коэффициенты этого нового равновесия.

Советская экономика строится не помимо нас, а нашими же руками; здесь мы выступаем как бы в роли экономического архитектора, и это обязывает нас тщательно изучать все особенности, которые принесла с собою революционная эпоха, учитывать их в нашей экономической работе, а не заменять всю эту трудную работу одним окриком городового: «осади назад!», «равняйся на 1913 год»!

Отцвела, не успевши расцвесть, «сезонная теория» товарного голода. Но уже самый факт появления такого рода теорий, есть симптом благоприятный. Если есть еще возможность строить такие теории, то наши дела не так плохи, как кажется некоторым особенно мрачно настроенным товарищам, склонным рассматривать товарный голод, как неотлучную зловещую тень нашего хозяйства. Действительно, для такого пессимизма нет достаточных оснований, так как в сущности напряжение на рынке промтоваров стало чувствоваться болезненно лишь с лета 1925 г., а до этого времени, в течение довольно продолжительного промежутка времени—от денежной реформы 1924 г. и до лета 1925 г.—рыночная кон'юнктура в общем и целом была благо-

[1] Следующий ряд цифр показывает валовую продукцию 12 важнейших отраслей промышленности в 1924/25 г. в % к 1913 году: 54,9. 71,7. 15,3. 71,5 55,2. 194,9. 65,1. 83,7. 76,5. 35,9. 75,0.

получной. Тот факт, что на протяжении почти полутора лет имелась возможность успешно вести политику снижения цен на промтовары, не вызывая больших осложнений, является лучшим доказательством того, что в этот период наше хозяйство находилось в состоянии относительного равновесия [1]. Факт этот имеет очень большое значение для понимания природы товарного голода. Ведь если хозяйственное равновесие, включающее в себя, разумеется, и равновесие между сельским хозяйством и промышленностью, было известно советской экономике, тогда не зачем делать очную ставку между 1913 и 1925 годами на предмет получения показаний, почему «пропорциональность» 1913 года сменилась диспропорциональностью 1925 года. Такая очная ставка мало помогает делу. Не в 1925 году только наша хозяйственная система стала отличаться от довоенной. *Коренные* изменения в ней произошли много раньше. Налоговое обложение крестьянства, на которое так часто указывают как на одно из наших главных зол, в 1924 году неизмеримо более отличалось от обложения 1913 года, чем обложение 1925 г. отличается от обложения 1924 года. Ряд денежных повинностей, лежавших на крестьянстве до войны (аренда и пр.), крестьянство не несло не только в 1925 году, а не несет их со времени Октябрьской революции. Точно так же обстоит дело почти со всеми важнейшими экономическими изменениями, происшедшими как в городе, так и в деревне.

И тем не менее 1924 год был в общем благополучным, а 1925 год со второй половины стал неблагополучным. При таких условиях кивками в сторону 1913 года делу не поможешь. Особенности, отличающие нашу экономику от довоенной, нужно, конечно, иметь в виду, но нельзя указанием на них и ограничиваться. Для понимания товарного голода этого мало. Его мы вовсе не поймем, если будем игнорировать процессы, происходящие внутри нашей революционно-перестроенной экономики.

* * *

Каковы же *ближайшие причины* того, что относительная устойчивость основных хозяйственных элементов в 1924 г. к середине 1925 года оказалась нарушенной. Мы легче в этом разберемся, если предварительно познакомимся с следующими показателями, характеризующими нарастание товарного голода (см. табл. на стр. 54) [2].

Как показывает табличка, хозяйственные затруднения обнаружились и стали быстро нарастать уже к началу последнего квартала 1924/25 года, т.-е. тогда, когда продажи старых запасов хлеба были незначительными, а давление *нового урожая еще не успело сказаться*, следовательно, тогда, когда платежеспособный крестьянский спрос не мог быть значительным.

[1] Если Я. Репше, в феврале 1926 г., пишет: «У нас хроническое бестоварье, длящееся вот уже $1^1/_2$ года», т.-е. пытается вести летосчисление товарного голода с осени 1924 года, то здесь скорее сказывается желание перепутать хронологию, чтобы затем удобнее было об'явить всю политику «неправильной» и «направленной к перманентному нарушению равновесия между спросом и предложением», чем искреннее стремления об'ективно констатировать всем известные факты (см. его статью в «Плановом Хозяйстве», 1926 г., № 2).

[2] Таблица составлена по данным, помещенным в сборнике Кон'юнкт. Института НКФ. «Кон'юнктура народного хозяйства СССР в 1924/25 г.» М. 1926 г.

	1925 год									
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X
Общесоюзный рознични. индекс промтоваров Кон'юнкт. института НКФ	235	232	22[illegible]	227	225	222	219	221	227	239
%₀ надбавки в рознични. торговле в Москве:										
а) По промтоварам .	—	—	—	32,7	33,6	36,2	35,3	38,2	45,2	56,3
б) По мануфактуре .	—	—	—	27	29	32	32	35	42	59
Рыночная цена мануфактуры в % к кооперативной цене . .		118,2		—	—	118,6	121,5	124,3	124,5	138,9

Это означает, что товарный голод возник под влиянием городского спроса. Вмешательство крестьянина сказалось к концу 1924/25 г., с появлением на рынке нового урожая, и это обстоятельство сразу же придало товарному голоду острую форму.

Что город повинен в происхождении товарного голода—не ново; говорилось и писалось об этом не раз. Характерно, однако, что большинство авторов, пользующихся концепцией «диспропорции», или совсем об этом не говорит, или же рассматривает этот фактор как побочный и несущественный. Между тем спрос города в общей сумме спроса имеет решающее значение, так как городом потребляется около ¾ всей промышленной продукции [1]). Одного этого достаточно, чтобы обратить сугубое внимание на динамику городского спроса.

Под городским спросом нужно понимать как спрос на средства потребления, так и на средства производства. Как известно, у нас неблагополучно и с первой и со второй группой. Индексы цен на некоторые элементы основного капитала (строительные материалы, цемент, металл и пр.) подымаются вверх так же, как и индекс текстильной группы, а иногда даже быстрее.

Ниже, однако, будет идти речь лишь о причинах, обусловивших увеличение потребительского спроса города, так как товарный голод интересует нас только в этом (потребительском) разрезе.

Среди причин, обусловивших повышение потребительского спроса города, первое место занимает быстрое увеличение числа рабочих и служащих, занятых как производительным, так и непроизводительным трудом, и интенсивный рост их заработной платы.

[1]) Если принимать в расчет как индивидуальное, так и производительное потребление.

Соответственные данные здесь таковы:

Движение числа работников в главных отраслях народного хозяйства, кроме сельского (включая сезонных, работающих в эту дату) [1]).

Отрасли хозяйства	Численность персонала (в тысячах)		Прирост за год	
	На 1/X 24 г.	На 1/X 25 г.	В тыс.	В %
Фаб.-зав. промышленность:				
а) рабочие	1.670	2.056	380	22,7
б) служащие	300	347	47	15,6
Транспорт (ж.-д., водный, местный)	1.130	1.282	152	13,4
Строит. дело	270	489	219	81,0
Госуд. учрежд	1.660	1.880	220	13,2
Кооперат. торг.	233	286	53	22,8
Итого . . .	5.269	6.340	1.071	20,3

Для характеристики роста заработной платы достаточны следующие данные:

	Октябрь 1924 г.	Апрель 1925 г.	Октябрь 1925 г.	Увелич. за год в %.
Зар. плата пром. рабочих (месячная в черв. руб.) .	42,25	41,53	53,02	25,5

В докладной записке Госплана Совету Труда и Обороны, откуда взяты приведенные цифры, говорится: «В настоящее время заработная плата достигла уровня контрольных цифр и в среднем на 2—3% выше довоенной».

Заработная плата работников ж.-д. транспорта за тот же промежуток времени возросла с 40,98 до 58,16 черв. рублей, т.-е. на 41,7%. («Планов. Хоз-во», № 3, за 1926 г., стр. 294—295).

Заработная плата служащих учреждений и торговых предприятий в РСФСР по данным «Статистики труда» возросла по различным группам учреждений на 10—30%.

Таким образом, за год мы имели увеличение числа рабочих и служащих на 20% и рост их заработной платы на 25—30% в среднем.

Факт повышения заработной платы, как известно, не заключает в себе ничего дезорганизующего. Но это в одном случае: если одновременно с этим происходит повышение производительности труда. Однако, в силу ряда причин, о которых нет нужды здесь говорить, как раз в летние месяцы 1925 года, когда заработная плата стала повышаться особенно быстро, производительность труда поползла вниз, и это сползание удалось приостановить лишь к началу 1926 года. При таких обстоятельствах повышение заработной платы означало форсирование потребитель-

[1]) «Экономическое Обозрение», № 3, 1926, стр. 100.

ского спроса без соответственно-быстрого увеличения предложения, т. е. действовало в направлении нарушения устойчивости на рынке.

Следующая причина повышения потребительского спроса города—рост доходов нетрудовых слоев городского населения. Здесь трудно дать более или менее достоверный цифровой материал, так как учесть работу частного предпринимательства—дело исключительной трудности. Тем не менее можно считать бесспорным, что «работа» частника отличается высокой рентабельностью. Так, со слов самих нэпманов [1]) дисконтная ставка в 15—30% месячных на частном денежном рынке не является редкостью. Такая высокая дисконтная ставка, свидетельствуя о большом риске помещения средств в учетные операции, говорит вместе с тем и о ненормально высоких барышах частника.

Имеющиеся данные о частной торговле говорят об интенсивном росте ее, начиная со второй половины 1924/25 г., т. е. в период начала хозяйственных затруднений.

Л. Б. Залкинд [2]), например, пишет: «Со II же квартала 1924—25 г. наступает период роста товарооборота частной торговли, который продолжается с возрастающим темпом и в дальнейших кварталах. Так что второе полугодие 1924—25 г. дает увеличение частных оборотов на целых 44,6 проц. против первого полугодия 1924—25 года». Конечно, интенсивный рост частной торговли сам является производной величиной от товарного голода, однако же, вместе с этим он является и фактором, обостряющим последний, поскольку капиталист не только «наслаждается накоплением», но и не отказывает себе в наслаждениях другого порядка. Усиление давления спроса на потребительский рынок со стороны нетрудовых слоев города, обусловленное интенсивным ростом их доходов, должно быть больше обычного еще и потому, что «наличие капиталов, не находящих себе применения» в частных руках [3]), неизбежно приводит к увеличению размеров личного потребления.

На ряду с ростом доходов городского населения, важной причиной товарного голода является динамика нашей промышленности. Начиная опять-таки со второй половины 1924—25 года, отрасли, производящие средства производства, растут быстрее производства предметов потребления.

Следующие показатели довольно отчетливо характеризуют этот процесс:

Индексы физического об'ема производства [4]).
(Относительные числа. Средне-месячная за 1924/25 г. = 100).

Отрасли промышленности	Янв. 25 г.	Апр. 25 г.	Июль 25 г.	Окт. 25 г.	Янв. 26 г.
I. Вся промышленность . . .	94	98	97	142	138
II. Тяжелая промышленность	85	99	107	151	151
III. Горная промышленность .	96	86	102	140	143
IV. Легкая промышленность .	101	106	90	135	127

[1]) Ср. «Анкету» в «Торгово-Промышленной Газете» за 25/II—1926 г.
[2]) «Экономическая Жизнь», № 90 за 20/IV—1926 г. Курсив наш.
[3]) Из доклада Госплана Совнаркому СССР. «Правда», № 124 за 1926 г.
[4]) По данным «Экономич. бюллетеня Кон'юнкт. Института», № 2 за 1926 г.

Как видим, показатели тяжелой и горной промышленности растут значительно быстрее, чем показатели легкой индустрии. Значение этих процессов в интересующем нас вопросе состоит в том, что отставание развертывания легкой промышленности от темпа развертывания промышленности в целом означает недопроизводство предметов потребления и, следовательно, является фактором, также ведущим к нарушению равновесия между спросом и предложением [1]).

Итак, за товарный голод город и деревня несут, так сказать, «коллективную» ответственность. К чему сводится их «персональная» ответственность, мы увидим из следующих цифр, вносящих некоторую ясность в эту туманную сферу экономики.

Доходы населения и расходы на покупку промтоваров [2])
(в милл. черв. руб.).

А. Земледельческое население.

Статьи дохода и расхода	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Весь доход (натуральный и денежн.)	6.910	8.750	10.500
Возрастание за год в % . . .	—	+26,6	+20,0
Денежный доход	4.258	5.722	6.977
Возрастание за год в % . . .	—	+34,4	+21,9
Расход на покупку промтоваров . .	1.978	2.660	3.325
Возрастание за год в % . . .	—	+34,5	+25,0

Б. Неземледельческое население.

Статьи дохода и расхода	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Доходы лиц наемн. труда	2.450	3.689	5.407
Доходы проч. неземл. насел.	1.890	2.080	2.600
Доходы всего неземл. насел.	4.340	5.769	8.007
Возрастание за год в % . . .	—	+32,9	+38,8
Расход на покупку промтоваров . .	1.792	2.245	3.101
Возрастание за год в % . . .	—	+30,8	+38,1

[1]) Констатируя этот факт, мы совершенно не вдаемся в анализ того, почему так произошло и в какой мере и почему это необходимо было делать. Изучение этой стороны дела неизбежно заставило бы нас поставить вопрос о планировании, о кредитной политике, о кон'юнктурном цикле и пр. Нам пришлось бы, в частности, полемизировать с проф. Кондратьевым, который, несмотря на все оговорки, не делать которых было бы неприлично, рассматривает последний период нашего развития, как фазу под'ема капиталистического промышленного цикла, и видит основное зло в инфляционистской кредитной политике (ср. его статью в № 6 «Социалист. Хозяйства»). Эту группу вопросов мы оставляем в стороне, так как изучение их требует большой специальной работы.
[2]) Таблица составлена по данным «Контрольных цифр на 1926/27 год» стр. 128—131.

Теперь, если оставить в покое пресловутый 1913 год, справки и аналогии с которым, как мы видели, имеют не очень большую познавательную ценность, и поставить вопрос проще: 1924/25 г. характеризовался относительной устойчивостью на рынке промтоваров; почему же 1925/26 г., несмотря на интенсивное развертывание промышленности, принес с собою острый недостаток товаров?—то приведенная таблица скажет, почему так случилось. В 1925/26 году сильно возросла покупательная сила деревни: денежный доход крестьянства увеличился с 5.722 м. до 6.977 м. р., т.-е. на 22%, а расходы на покупку промтоваров увеличились с 2.660 м. до 3.325 м. р. или на 25%. Но еще сильнее возросла покупательная сила городского населения [1]): денежные доходы—с 5.769 м. до 8.007 м. р. или на 39%, а расходы на покупку промтоваров—с 2.245 м. до 3.101 м. р. или на 38%. При этом городской спрос (потребительский) поглощает почти такую же массу товаров, как и деревенский.

Дело, таким образом, не только в диспропорции и увеличении покупательной силы крестьянства, но на ряду с этим и в другом—в росте покупательной силы городского потребителя. Это нужно подчеркнуть со всею решительностью. Игнорировать это означало бы попытку укрыться за широкой спиной мужика, от признания своих собственных ошибок, уклониться от ответственности тогда, когда нет никаких оснований и смысла так поступать: «Нельзя из кулака сделать единственную фигуру, которая отвечает решительно за все, в том числе и за наши ошибки. И мы с вами отвечаем!» (А. Рыков).

Теперь необходимо сделать некоторые практические выводы. Группа товарищей, видящих *основную причину* товарного голода в положительных изменениях в крестьянском бюджете, происшедших благодаря Октябрьской революции, предлагает добиваться хозяйственного равновесия путем повышения цен на промтовары и нажима на крестьянство. Свое теоретическое обоснование эта линия находит в пресловутом «законе» социалистического накопления, а возможность ее практического осуществления аргументируется наличием у крестьянства денежных излишков в силу уменьшения принудительных платежей.

Бесспорно, конечно, можно бороться с хозяйственными затруднениями и таким путем. Повышение цен на промтовары, с одной стороны, сжатие платежеспособного спроса на них, путем усиления давления на крестьянство—с другой, несомненно, привели бы нас к состоянию «равновесия». Но *«равновесие», достигнутое таким методом было бы злом не меньшим, чем сам товарный голод, так как оно сопровождалось бы увеличением раствора ножниц цен.* А ножницы цен плюс довоенный финансовый зажим деревни (ср. рассуждения Оссовского) суть вещи, из соединения которых получается динамит, достаточно сильный для того, чтобы экономический фундамент союза с крестьянством был взорван. Такой путь экономически никуда не годен, политически же нежела-

[1]) По данным, опубликованным в статье Г. Крумина («Эконом. Жизнь» № 140 за 20/VI 1926 г.), в первом полугодии 1925/26 г. по сравнению с первым полугодием 1924/25 г. платежеспособный спрос населения на промтовары возрос на 1.240 милл. руб., из которых 530 милл. падают на деревню, остальные—на город.

телен и опасен. Поступать так значит действительно прятаться от дождя да в воду.

Необходимо добиться хозяйственного равновесия без повышения цен на промтовары, *ибо только при этом условии равновесие будет покоиться на экономически здоровой основе.* В этом вся суть. В этом *принципиальное* отличие линии проводимой партией от только-что рассмотренной. Кроме того, система мероприятий для преодоления товарного голода должна распространяться *не только на деревню, но и на город.*

Подробно говорить о мерах для преодоления товарного голода мы не будем, так как система мероприятий, проводимая партией в данное время, уже оправдала себя: на рынке промтоваров мы имеем в последнее время некоторую устойчивость. Перечислим лишь основные мероприятия:

Борьба за здоровые хлебные цены; пересмотр системы с.-х. налога в сторону усиления обложения платежеспособных слоев деревни; привлечение крестьянских денежных излишков через кредитную систему в распоряжение промышленности.

Гибкая политика заработной платы, о чем подробнее ниже; максимальное сокращение всяческих скрытых видов заработной платы: борьба с раздутыми штатами и в промышленности и в учреждениях; ряд других мероприятий по борьбе за экономию и ограничение размеров городского непроизводительного потребления.

Увеличение акцизов на некоторые товары; мероприятия для пропорционального развертывания тяжелой и мелкой промышленности, в частности, создание благоприятных условий для развития текстильной и кожевенной промышленности; борьба за удешевление и оздоровление товаропроводящего аппарата; решительный нажим (в частности при помощи налогового аппарата) на частнокапиталистическую сферу деятельности.

В обострении товарного голода рост заработной платы играл, как мы видели, не последнюю роль. Тем не менее было бы большой ошибкой начинать борьбу с товарным голодом с этого конца. *Не только итти на понижение заработной платы, но и оставаться в течение более или менее продолжительного времени на достигнутом довоенном уровне мы не можем.* Довоенные капиталистические нормы в этой области для нас недостаточны более чем в какой бы то ни было другой области хозяйства. Индустриализация страны немыслима без под'ема культурного уровня, а последнее невозможно без улучшения материального положения трудящихся. Неуклонное повышение заработной платы диктуется, таким образом, коренными интересами нашей экономики. Но нет, как известно, правил без исключений. Когда, напр., масса предметов потребления не увеличивается или увеличивается недостаточно быстро, бессмысленно повышать денежную заработную плату: такое повышение будет быстро сведено на-нет ростом товарных цен. С другой стороны, политика заработной платы *обязательно должна быть увязана с проблемой производительности труда,* ибо, как совершенно правильно заметил Г. Крумин, «вне этой связи немыслим прочный под'ем материального положения рабочего класса, такого чуда никто еще не придумал».

Что касается ближайшего времени, то если перелом, наметившийся на рынке промтоваров, будет устойчивым и будет благополучно с производительностью труда, некоторое повышение заработной платы станет возможным. Пока же нужно выжидать и проявлять необходимую осторожность.

Другое дело—сокращение общего фонда заработной платы. Здесь можно сделать многое. Не редки, напр., случаи, когда крупнейшие учреждения безболезненно проводят сокращение штатов на 20 и более процентов. Не редки случаи, когда сокращение расходов на командировки и др. «подсобные заработки» дает экономию в миллионы рублей. Не сокращая размеров индивидуальной заработной платы, даже повышая ее в отдельных случаях, мы можем добиться значительного сокращения расходов на зарплату и тем самым ослабить напряжение на потребительском рынке.

Тов. Преображенский очень не любит «вульгарного советского экономиста, являющегося пока, за известными исключениями, героем дня в нашей экономической печати» («Новая экономика», предисловие). Тем более достойна внимания «глубина мысли», обнаруженная самим тов. Преображенским в его рассуждениях о заработной плате. Защищая необходимость повышения отпускных цен трестов на товары, «по отношению к которым чувствуется максимальный товарный голод», автор высказывает следующую мудрую гипотезу: «С другой стороны, только этим путем мы в состоянии будем получить необходимые ресурсы для возмещения рабочему классу того, что он потерял на повышении цен в частной торговле, и гарантировать ему на будущее время определенный реальный уровень заработной платы» [1]). Это означает, что тов. Преображенский предлагает бороться с понижением реальной заработной платы, вытекающим из повышения товарных цен, путем повышения денежной заработной платы и указывает источник, откуда могут быть взяты средства, для этой цели необходимые.

А теперь посмотрите, в какое болото хочет затащить нас тов. Преображенский. Увеличение денежных покупательных ресурсов, в условиях недостатка товаров, неизбежно погонит товарные цены вверх. Тогда, чтобы сохранить реальный уровень зарплаты, придется вновь повышать денежную заработную плату, а это, в свою очередь, опять вызовет новое повышение товарных цен и т. д., до бесконечности.

Ну, как тут не вспомнить об одном анекдотическом персонаже, который на вопрос пьяниц о том, как избавиться от красного носа, отвечал: «Пейте до тех пор, пока ваш нос не посинеет»?

* * *

Теоретическая установка группы товарищей, считающих диспропорцию между сельским хозяйством и промышленностью «ключем» товарного голода, такова, что они рассматривают всю проблему хозяйственного равновесия под углом зрения равновесия между сельским хозяйством и промышленностью. Других факторов, играющих в хозяйственном равновесии далеко не второстепенную роль, они или совсем не желают замечать, или,

1) «Большевик», № 6 за 1926 г., стр. 63. Курсив наш.

если и говорят о них, то не придают им сколько-нибудь серьезного значения. Отсюда и общее направление, которое они хотели бы придать всей экономической политике: необходимо взять наибольший темп развертывания промышленности и подчинить этой задаче все остальное (экспорто-импортную политику, политику цен, налоговую политику и проч.). И когда им указывают на то, что и в развертывании промышленности нужно соблюдать меру, что и здесь нужна сугубая осторожность, чтобы не попасть вновь в какой-нибудь сложный переплет, то сейчас же начинается истерика: «А, так вы отступаете от решения XIV с'езда», «вы сидите между двух стульев»! и проч. в том же духе.

С такой постановкой проблемы индустриализации необходима решительная борьба. Развертывание промышленности должно опираться на хозяйственные реальности, а не на суб'ективные желания. Политик должен исходить не только из необходимости достижения в кратчайший срок желательных пропорций между сельским хозяйством и промышленностью; на ряду с этим, он должен видеть опасности, заложенные в самом развертывании промышленности. В этом отношении проблема капитального строительства, темп накопления в целом, проблема заработной платы, экспортно-импортная политика и проч. имеют сугубо важное значение. Грош цена такому политику, который, подобно тов. Преображенскому, будет все время кричать: усиливай капитальное строительство, строй импортный план так, чтобы все потребности промышленности были «полностью удовлетворены», повышай заработную плату и т. д. В различные отрезки времени все эти вопросы вместе и каждый в отдельности могут и будут решаться по-разному. Вполне возможно, напр., что как раз интенсивное развертывание тяжелой промышленности поставит нас перед необходимостью ввозить не только средства производства, но и значительную часть предметов потребления, если мы при этом будем исходить из необходимости избежать повторения осложнений 1925 года.

Сохранение хозяйственного равновесия есть высший закон, которому при всяких условиях должна подчиняться вся наша экономическая политика, в том числе и проблема индустриализации. За эту науку мы достаточно заплатили в 1925 году. Нет нужды платить за нее и впредь.

А. Шляпников.

О демонстративной атаке и правой опасности в партии.

I.

В «Правде» от 10 июля с. г. в статье «Правая опасность в нашей партии» помещен разбор личного письма тов. Медведева бакинскому партийному пролетарию. Это письмо относится к периоду внутрипартийной дискуссии 1923—24 гг. и имело исключительно личный характер, но уже в том же 1924 году, со времени начала, по провокации, дела против рабочих членов партии в Баку, получило партийно-общественное значение, и стало известно членам политбюро ЦК партии. Однако, лишь спустя два года после получения его членами ЦК редакция нашего центрального органа внезапно увидала в нем выражение «правой опасности» в нашей партии и решила уделить внимание поставленным в нем вопросам. Еще недавно мы добивались опубликования письма т. Медведева и особенно настойчиво в связи с нашими протестами против приговора над бакинскими рабочими-партийцами, обвиненными в организации группы «Бакинской оппозиции». Но в публикации его нам было отказано.

Мы были бы весьма благодарны редакции «Правды» даже за запоздалое внимание к поставленным в нем вопросам, даже в форме отдельных цитат из него и частичное опубликование письма тов. Медведева, если бы они делались без сознательных извращений, чего мы вправе требовать от редакции «Правды». Сама редакция считает личное письмо т. Медведева, написанное на запрос партийного товарища из Баку еще в январе 1924 года, «важным политическим документом», и притом не только не утерявшим интерес за истекшие два с половиной года, но, по мнению самой редакции, это письмо «даже приобрело ударную политическую свежесть». Такое определение письма, казалось, обязывает редакцию отнестись к нему, действительно, как к важному политическому документу и опубликовать его полностью. Но редакция «Правды» этого не сделала. Редакция не сделала этого потому, что опубликование подлинного содержания письма не дало бы ей возможности нанести задуманный руководителями ЦК очередной политический удар по т. Медведеву и по пишущему эти строки, а через нас и по тем товарищам, которые не разделяют политики большинства ЦК. Таким образом, столь внезапное просветление редакции «Правды» и постановка вопроса о письме т. Медведева понадобились руководителям большинства ЦК отнюдь не в целях разбора и освещения поставленных в письме т. Медведева вопросов и информации партии о правой опасности в ее рядах и не для раз'яснения ошибочности изложенных в нем взглядов, а для политического шельмования нас и в целях запугивания тех, кто не разделяет политики ны-

нешнего большинства ЦК партии и, усматривая в ней наличие подлинно правой опасности, боится ее признать.

Политическая клевета на «рабочую оппозицию» и на оппозицию вообще давно уже стала орудием партийной борьбы и средством быстрых достижений для примазавшихся к партии карьеристов.

На ряду с ними невежественные историки и заинтересованные в групповой борьбе политиканы пытаются дискредитировать нас ссылкой на идейную борьбу с нами В. И. Ленина, не понимая ни подлинных мотивов ее, ни политического значения. Мы расскажем партии в свое время об этой борьбе. Однако, ведя с нами борьбу, В. И. Ленин чутко прислушивался к нашим тревогам за судьбы нашей революции. Нынешние же руководители ВКП(б) в своем отношении к оппозиции кричащим образом отличаются от Владимира Ильича тем, что давно потеряли подлинное чувство тревоги за судьбу нашей революции.

Очень часто в такой нечестной политической борьбе клеветники пытаются опереться на В. И. Ленина. Но их попытки должны быть решительно разоблачены: В. И. Ленин не прибегал к нечестным приемам, и ссылки на него являются грязной клеветой.

Наша внутрипартийная идейная борьба 1920—22 гг. отличается от нынешней глубиной содержания и поучительностью. Уроки того времени не пропали даром ни для партии, ни для нас. Но ныне не те времена, 1926 г. не 1921 и по разногласиям нашего времени, мы глубоко убеждены, что были бы вместе с В. И. Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК, как были с ним в самые первые дни февральской революции против вождей нынешнего большинства ЦК.

Очевидно, желание автора выслужиться перед руководителями большинства ЦК побудило его прибегнуть к подлогам, фальшивым цитатам и шуллерским приемам, а партийная редакция, видимо, по тем же мотивам, не устранила приемов намеренного извращения документа и собственные измышления автора о «платформе» т. Медведева и моей.

II.

Уже первые строки статьи о «Правой опасности в нашей партии» бьют фонтаном неправды. Статья начинается со ссылки на дело о «Бакинской оппозиции», и при этом редакция не остановилась перед извращением фактов и даже постановлений ЦКК и Политбюро по этому делу. Опубликованное по делу «Бакинской оппозиции» решение ЦКК ВКП(б) и статья т. Сольца, говорит прямо, что «никаких данных действительного оформления в группу не было, а посему оценка работы этих товарищей, как оформленной группы необоснована, а шельмование их контрреволюционерами и предупреждение беспартийных рабочих, что в случае повторения участия в подобных подпольных организациях дело на них будет передано в соответствующие советские органы, «свидетельствуют о недопустимой горячности в этом деле». Так писал т. Сольц, которого мы открыто считаем крайне пристрастным ко всякому делу, где имеются наши имена. Но иное сообщает партийная редакция.

Редакции «Правды» должно быть известно то решение ЦКК, в котором значится выговор секретарю ЦК и председателю ЦКК азербайджанской КП(б) за создание этого дела. Даже президиум ЦКК, рассматривавший по нашему протесту это дело, вынужден был отменить приговор, а не смягчить его как говорится в статье. Так говорят официальные документы, но редакция шагает через них и много раз в одном лишь столбце повторяет, что письмо тов. Медведева было «адресовано членам Бакинской группы» и т. д., явно извращая факты.

В первом разделе статьи «Правая опасность в нашей партии», говоря об отношениях т. Медведева к хозяйственной политике партии, автор пытается поднять спор с нами на принципиальную высоту, но быстро скатывается на излюбленный и выгодный путь извращений, цитируемого документа.

Высказанная в письме тревога за судьбу нашей государственной крупной промышленности, превращена редакцией «Правды» в нежелание т. Медведева «согласовать» развитие крупной промышленности с развитием крестьянского хозяйства. Указания т. Медведева на ограниченность непосредственного крестьянского рынка для продуктов тяжелой индустрии (металлургии, машиностроения, угольной и т. п.), выдается редакцией за стремление разрушить хозяйственную смычку города с деревней.

Только злостное намерение редакции позволило ей толковать тревогу т. Медведева за состояние крупной промышленности, как отрицание важности смычки. Нам достаточно указать редакции «Правды», хотя бы лишь на то, что в тот год, когда писалось письмо, положение крупной промышленности было крайне тяжелое, а «ведомственная» борьба против заказов для нее, угрожала самому ее существованию. Мы напомним только несколько моментов из этой борьбы, особенно ярко выявившейся в споре между Наркомпути и ВСНХ по вопросу о железнодорожных заказах. Кто не знает, что НКПС добивался полного «освобождения» себя от заказов на паровозы, вагоны, рельсы и т. п. материал и требовал, чтобы ВСНХ перевел металлургические и машиностроительные заводы на обслуживание непосредственных нужд деревенского хозяйства? А спор о нужности заводов Ленинграда, разве не угрожал он существованию крупнейших заводов? Истекшие со времени последней дискуссии годы только подтвердили тревогу т. Медведева. Дальнейшие события показали всей партии необходимость постановки вопроса об индустриализации всего хозяйства страны, и XIV с'езд открыто поставил в порядок дня задачу проведения индустриализации в жизнь. Промышленная отсталость нашей страны становится очевидной угрозой всем завоеваниям Октябрьской революции.

Рассуждение т. Медведева о неустойчивости мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства в условиях существующей капиталистической конкуренции, общее всем марксистам, ленинцам-большевикам, оспаривается редакцией нашего ЦО. На признании неустойчивости таких хозяйств зиждется вся наша программа практических мероприятий в деревне, в том числе и различные виды кооперации. Но редакция зачарована «смычкой с крестьянским хозяйством» вообще, а не с беднотой и вместе с ней с середняками и не видит, как смычка превращается у нее в смычку с кулаком.

Мы хорошо помним нашу старую борьбу с реакционными эсэровскими теориями о жизненности мелкого хозяйства, и, поскольку в сельском хозяйстве у нас существуют капиталистические отношения, мы не намерены обманывать бедноту обещаниями спасти ее карликовое «самостоятельное» собственническое хозяйство в условиях нэпа и жестокой рыночной борьбы. Редакция не опровергает т. Медведева фактами, доказывающими, что развитие нашего мелкособственнического сельского хозяйства идет по иному пути. Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства идут по иному пути? Почему не пишет она, что бедняцкие хозяйства в деревне укрепились на основе частной собственности? Нет, этого сделать она не может, ибо слишком хорошо известно ныне каждому, что за два года, истекшие со времени написания т. Медведевым письма, расслоение в деревне сделало огромный шаг вперед. О судьбе этого мелкого и мельчайшего хозяйства и писал т. Медведев, его судьбой интересовался он прежде всего, а не развитием «крестьянского хозяйства» вообще, как пишет редакция. Да, крупное (кулацкое и по современному «мощно-середняцкое») хозяйство в деревне имеет богатые перспективы, о смычке с ним хлопочет «Правда», когда упрекает нас в желании размычки. Ведь капиталистические отношения в деревне нами не изжиты, а поскольку они есть, законы капиталистической конкуренции продолжают действовать. Забывать об этом не следует.

Редакция указывает на кооперацию, как на путь развития для мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства, но явно не понимает, что этот путь развития означает отказ от перспективы развития собственнического самостоятельного мелкого хозяйства и лишь подтверждает высказанное т. Медведевым положение о неизбежности гибели самостоятельного мелкого крестьянского хозяйства. Только эпигоны кулацкой буржуазии могут говорить о радужных перспективах, о розовом будущем для бедняцких хозяйств. Но все эти уверения способны укрывать лишь капиталистическую действительность в угоду эксплоататорской части деревни, нуждающейся в сохранении таких иллюзий у бедноты.

Тов. Медведев поставил в своем личном письме лишь общую задачу партии в сельском хозяйстве и отметил ошибочность такой политики, которая стремится обеспечить самостоятельное развитие мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства и тем увековечить ныне сложившиеся в деревне отношения. Этот путь давно изведан и осужден историей. Можно и нужно все сделать для того, чтобы экономический процесс вытеснения маломощных хозяйств в деревне носил менее болезненные формы, чтобы им был облегчен выход на путь кооперативного, товарищеского об'единения, но обещать бедноте сохранить и еще поднять ее самостоятельное хозяйство на почве сохранения частной собственности будет обманом. Привлечь эти элементы крестьянства через товарищества, кооперацию и т. п. путями к переходу от индивидуальных и мелких форм хозяйства к крупному, задача важная, насущная, и мы нигде не отклоняем ее. В письме т. Медведева многого нет, но по вопросу о «смычке с деревней» сказано достаточно—и именно о смычке с той частью деревни, о которой большевики, наперекор всем эсеро-меньшевистским благожелателям «крестьянства», твердили всегда особенно упорно. Мы

имеем прежде всего смычку с деревенской беднотой. Смычка с середняком решается проще—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод. Для деревенской бедноты вопрос о смычке гораздо острее и сложнее. В отношении огромной массы бедноты даже кооперация существенно помочь бессильна. И на этот вопрос т. Медведев дает ответ: смычка такой деревенской бедноты с городом зависит от степени развития нашей промышленности, от об'ема госстроительства и прочих крупных работ.

III.

Тревога за положение и будущность рабочего класса и бедноты, связанная с медлительностью развития производительных сил нашей страны, которая сквозит во всех строках письма т. Медведева, истолковывается редакцией как приглашение на поклон к международному капиталу. Автор статьи «о правой опасности» не останавливается перед прямым измышлением и в доказательство нашей неправоты приводит свои собственные мысли в виде цитаты из письма, по которой выходит, будто «мы требуем, чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий с большими потерями, материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов».

Мы категорически заявляем, что такого места в письме т. Медведева нет. Всякий партийный товарищ может проверить наше утверждение на лживость редакции по подлиннику письма т. Медведева, находящемуся в ЦК и ЦКК. Откуда взяла редакция эту фразу? Около не существующей в письме цитаты построена добрая половина всего обвинения нас. Вот какими средствами борется редакция с нами. Зачем понадобился редакции такой подлог? Этот подлог и измышление понадобились редакции лишь для того, чтобы изобразить нас сторонниками «концессионной политики без всяких границ». Так правдиво передает документ редакция нашего Центрального Органа.

Отбросив в сторону нечестный прием борьбы, ложь и клевету, мы смеем спросить редакцию, пересмотрела ли она свое отношение к предложениям т. В. И. Ленина о концессиях? Мы разделяем их целиком и не боимся проведения в намеченных им пределах концессионной политики в жизнь. Нас не смущает крикливость автора и его отрицательное отношение к концессиям. Фразерам и болтунам мы можем напомнить слова В. И. Ленина, что, «насаждая государственный капитализм, в виде концессий, советская власть усиливает крупное производство против мелкого, передовое против отсталого, машинное против ручного, увеличивает количество продуктов крупной индустрии в своих руках (долевое отчисление), усиливает государственные экономические отношения в противовес мелкобуржуазно-анархическим. В меру и осторожно проведенная концессионная политика, несомненно, поможет нам улучшить быстро (до известной небольшой степени) состояние производства, положение рабочих и крестьян, конечно, ценой известных жертв, отдачи капиталисту десятков и десятков миллионов пудов ценнейших продуктов.

Определение той меры и тех условий, при которых концессии выгодны и не опасны нам, зависит от соотношения сил, решается борьбой, ибо концессия тоже есть вид борьбы, продолжение классовой борьбы в иной форме, а никоим образом не замена классовой борьбы классовым миром. Способы борьбы покажет практика». Мы разделяем полностью эти мысли В. И. Ленина и иного от партии не требуем.

В измышлении редакции, однако, есть доля правды: сторонники расширения концессионной политики за намеченные В. И. Лениным пределы есть, но они находятся в Политбюро. Еще весной прошлого года т. Рыков провел через него решение о расширении концессионной политики. Не разделяя ныне во многом взглядов и действий т. Рыкова, тем не менее мы не можем еще бросить ему обвинения, что он является сторонником «концессионной политики без всяких границ». Мы надеемся, что, проводя решение о расширении концессионной политики, он не забыл сказанного В. И. Лениным—«в меру и осторожно» [1]).

Редакция извратила весь смысл части письма, в которой говорится о промышленности и концессиях. Обвиняя т. Медведева в том, что он хочет «ликвидировать самостоятельную советскую госпромышленность», редакция просто клевещет, и дальше через два столбца после такого обвинения сама же опровергает его, упрекая т. Медведева уже в том, что он хочет слишком быстрого развития нашей госпромышленности. Разбирая вопрос о судьбе мелкого хозяйства и бедноты, редакция говорит, что т. Медведев «выходом для неизбежно разоряемых миллионных масс крестьянских хозяйств считает только одно: максимально быстрое развитие крупной госпромышленности». Так и сказано—крупной госпромышленности, а не какой-либо другой.

Развивая правильно взятую из письма т. Медведева мысль, далее редакция пишет, что по нему «развертывание госпромышленности должно итти таким темпом, чтобы могла быть в ней занята вся роковым образом разоряемая масса деревенщины». Можно ли толковать эти мысли как желание тов. Медведева сдать Урквартам нашу крупную промышленность? Нет, только злостное намерение опельмовать нас толкнуло редакцию на такое явно ложное использование письма. Не сдача нашей государственной промышленности является нашей «платформой», а максимальное ее развитие и привлечение к делу создания новых отраслей промышленности и усиления уже существующей внутренних средств и иностранных капиталов, но «в меру и осторожно».

Вторая часть той же статьи посвящена разбору, по выражению автора, «международного политического курса» т. Медведева. И здесь редакция пользуется излюбленным способом—подлогом, и об'являет тов. Медведева «принципиальным врагом политики Коминтерна». Для этой цели она приводит в качестве довода поддельную выписку, гласящую, что «та почва, на которой Коминтерн питается,—европейские рабочие массы—явно безнадежна», об'являет ее взятой из письма тов. Медведева и на протяжении ряда

[1]) Никаких решений о «расширении концессионной политики за намеченные В. И. Лениным пределы» ни т. Рыков, ни ЦК никогда не принимали. Наоборот, всякие такие попытки встречали отпор ЦК ВКП(б). Все решения, которые принимались партией, были лишь оформлением и практическим применением тех принципиальных предложений, какие были высказаны по вопросу о концессиях В. И. Лениным в статьях и речах. Они были направлены к тому, чтобы устранить неправильности и недочеты, которые обнаружились на практике при проведении концессионной политики. *Примечание редакции.*

столбцов размазывает это лживое измышление. Мы заявляем, что данная фраза целиком и полностью выдумана, подложна. В письме тов. Медведева такого места нет.

Характер измышления и направление фальшивой цитаты будут особенно ясны, когда мы обратимся к подлиннику. В письме тов. Медведева на этом же месте говорится, что «те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать западно-европейские рабочие массы—явно безнадежны. Они не только не сближают нас с массами организованного международного пролетариата, но, наоборот, разобщают». Стоит только сравнить это место с той выдержкой, которую преподносит «Правда», чтобы понять разницу.

Вся часть статьи о якобы «международном политическом курсе» тов. Медведева полна намеренными искажениями содержания письма: сказанное в письме о положении дела в Норвегии после раскола умышленно распространяется на все партии, входящие в Коминтерн. Под «правой мелкобуржуазной челяди», использующей средства Коминтерна, тов. Медведев имел в виду только «челядь», в роде Руднянских и К⁰, присасывающихся к коммунистическому движению. Совершенно не соответствует ни духу, ни содержанию письма характеристика его, как «бешеной атаки на Коминтерн». Если это письмо действительно являлось «бешеной атакой на Коминтерн», то почему ЦК хранил два года молчание о нем? Почему он молчал о нем на XIV партконференции и даже на XIV партс'езде? Нет, такое изображение письма редакцией «Правды» понадобилось только теперь и только для запугивания недовольных существующей политикой, осуществляемой руководящим большинством ЦК партии.

Тем же путем подделки достигается обвинение тов. Медведева в «неприкрытой защите Второго Интернационала». Редакция взяла несколько слов из письма тов. Медведева, разбавила их своими измышлениями и еще добавила к ним по тому же способу измышление о том, будто тов. Медведев протестовал против дискредитации «социал-демократического правительства вообще», например, макдональдовского «рабочего правительства в Англии». Мы заявляем, что подобного протеста, а равно упоминания с.-д. правительств и макдональдовского в частности в письме тов. Медведева нет и не могло быть. Когда писалось письмо т. Медведева, макдональдовского правительства еще не было на свете. Все, что говорит автор по этому случаю, чистейшая выдумка, основанная на подлоге и сознательном извращении текста письма [1]).

Идя по излюбленному способу передержек, редакция доказывает далее, что тов. Медведев «рекомендует ликвидировать самостоятельные коммунистические партии и закрыть Красный Интернационал Профсоюзов» и даже зовет «назад в ряды социал-демократии». Достигается это очень просто и легко. В ту часть письма, где говорится о том, что «мы стояли и стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации», автор подлогов вставил еще два слова «и социалистических партиях». Эти словечки набраны **жирным шрифтом** и служат основанием для обвинения тов. Медведева в «ликвидаторстве Коминтерна».

[1]) Первое газетное сообщение об образовании правительства Макдональда появилось в нашей прессе только 24/I—1924 г.

Крик о нашем намерении «ликвидировать Профинтерн» принадлежит все к тому же арсеналу средств, которыми хотят прикрыть действительную ликвидацию. Нет, не мы ликвидируем Профинтерн. Эта ликвидация происходит давно. Редакция должна знать, что политика «единого фронта», стремление достигнуть некоторой связи с профессиональными рабочими союзами и их об'единениями, вынудили ВЦСПС действовать помимо и через голову Профинтерна. Эти действия в обход Профинтерна уже давно подорвали и не могли не подорвать его авторитет и значение. Маневры с англо-русским комитетом и стремление превратить его в новый международный центр фактически свели на-нет как деятельность, так и международное значение Профинтерна. Этот «обход» Профинтерна зашел столь далеко, что из уставов наших всесоюзных профессиональных об'единений давно уже вытравлены и самые слова «Красный Профинтерн».

Наши разногласия по вопросу о Профинтерне лежат не в той плоскости, в которую пытается перенести спор автор статьи. Наши разногласия по вопросу о Профинтерне и Амстердаме вызываются тем беспринципным делячеством, которое руководители большинства ЦК положили в основу своих отношений к Амстердаму. Мы против такой политики.

Мы совершенно не разделяем и той идейной капитуляции, под знаменем которой подготовляется ликвидация Профинтерна и которая особенно ярко выражена тов. Сталиным еще на XIV партконференции, когда он от имени «среднего массового рабочего» упрекал европейских коммунистов: «Вы хотите разрушить то дело, которое я создавал десятилетиями, доказывая мне, что коммунизм лучше тред-юнионизма. Я не знаю, может быть, вы правы в своих теоретических выкладках насчет коммунизма,—где же мне простому рабочему, разобраться в ваших теориях,—но я знаю одно, что у меня есть свои профсоюзные крепости, они вели меня на борьбу, они отстаивали меня плохо ли, хорошо ли—от нападок капиталистов, и всякий, кто думает разрушить эти крепости, тот разрушает мое собственное рабочее дело, перестаньте атаковывать мои крепости, войдите в профсоюзы, поработайте там лет пять, а то и больше, помогите их улучшить и укрепить, а я погляжу на вас, какие вы есть ребята, и если окажетесь действительно подходящими ребятами, я, конечно, не откажусь поддержать вас» [1]).

Нет, совершенно иначе работали мы в наших профсоюзах и не такими путями завоевывали их. Мы не шли на выучку к меньшевистским рабочим политикам и не тащились у них на поводу. Мы не просто «улучшали и укрепляли» союзы, а вели в них борьбу не только за улучшение положения рабочих, но и вели в них политическую борьбу, не гнушаясь мелочами и связывали эти мелочи с основными задачами и конечными целями рабочего класса. В этой борьбе мы были не просто «подходящими ребятами», а деятелями нашей партии, проводившими ее политику, связывая ее с повседневной работой союза. Мы не входили в блок с с.-д. меньшевиками, а переизбирали их, смещали с руководящих мест профессионального движения.

IV.

Все попытки редакции доказать «ликвидаторство» тов. Медведева, как мы уже указали, покоятся на извращениях и лож-

[1]) И. Сталин. «К итогам XIV конференции РКП (б)», стр. 23—24.

ных цитатах. Все эти извращения положены в основание третьей части статьи, говорящей об «эволюции рабочей оппозиции». Но неудачны все потуги автора изобразить меня и т. Медведева меньшевиками, как фальшиво и само основание обвинений.

Меньшевистские суждения о нас очень хорошо известны руководителям большинства нашего ЦК. Если бы меньшевики оценивали нас так, как это делает за них «Правда», то эти оценки были бы уже давно использованы против нас. Ссылки редакции «Правды» на меньшевиков ошибочны. Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их «центральном органе» «Социалистическом Вестнике». «Соц. Вестник» давно считает нас «реакционно-коммунистическими утопистами», а подводя итоги нашему XIV партс'езду, он оценил руководящее его большинство, как реальных политиков. Мы знаем, что меньшевики всегда считали себя и себе подобных «реальными» политиками, а нас, большевиков—«утопистами».

Упрекая нас «в неверии» в социалистическое строительство в «одной стране», редакция высказывается по существу против государственной подконтрольной крупной промышленности, скрывая это свое отношение под заявлением, что «не всякое развитие у нас крупной промышленности следует расценивать, как успех социалистического строительства». Редакция забыла то, о чем часто напоминал В. И. Ленин всем фразерам и написал в известной брошюре «О продналоге», что в наших условиях «не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частнохозяйственный капитализм борется вместе, заодно и против государственного капитализма и против социализма».

В. И. Ленин предпочитал крупные предприятия «подконтрольных предпринимателей» предприятиям мелкой буржуазии. Он особенно подчеркивал угрозу мелкобуржуазной хозяйственной стихии и полагал, что «кто не видит этого, тот как раз своей слепотой и обнаруживает свою плененность мелкобуржуазными предрассудками» [1]).

Мы не боимся сказать, что всякое подконтрольное нашему государству крупное предприятие мы рассматриваем по существу как шаг, более приближающий нас к социализму, по сравнению с окружающей нас патриархальщиной и кустарничеством.

Эпигоны мелкобуржуазного порядка предпочитают миллионы мелких хозяйчиков крупному капиталу, так как считают последний политически более опасным. Мы же вместе с В. И. Лениным продолжаем видеть опасность там, где она действительно налицо, а именно в мелкобуржуазной стихии. Вместе с ним мы полагаем, что «либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если сорганизуем бедноту, т.-е. большинство населения, или полупролетариев вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие. Так стоит вопрос. Только как стоит вопрос», говорил и писал В. И. Ленин [2]), и это ценное указание мы не забываем и не забудем.

[1]) Н. Ленин. «О продовольственном налоге», стр. 5—6.
[2]) Там же.

На передержках из письма, ложных цитатах построены и последующие обвинения тов. Медведева и меня в ликвидации «рабоче-крестьянского союза». Мы продолжаем стоять за тесный союз с деревенской беднотой и вместе с ней и через нее со средним крестьянством.

На той же основе измышлений зиждется и обвинение в ликвидации «пролетарского интернационализма». Клевета, лживая цитата, извращенная мысль—вот что служит автору для построения своего обвинения.

Особенно много чернильного возмущения потратила редакция в защиту «мелкобуржуазной челяди», использовавшей деньги Коминтерна. Не тов. Медведев «танцует вокруг золота», а редакция клеветнически распространяет его выражение, относящееся к определенному типу использователей, подхалимов и карьеристов.

Не менее чудовищным измышлением является и все построение обвинения нас в «ликвидации большевистской партии и курсе на политическую демократию в стране»; создавая шум вокруг будто бы нами проповедуемого «курса на политическую демократию в стране», редакция на деле отвлекает внимание партии от действительных проводников и идейных защитников его.

Указания редакции о том, что «нельзя брататься с амстердамскими ренегатами» мы принимаем к сведению, но не можем не указать ей, что этот упрек надо направить не нам, а тем, кто действительно братается с амстердамскими ренегатами. Это обвинение заслано к нам явно по ошибке, и мы возвращаем его редакции.

Что же касается обвинения нас в держании «курса на политическую демократию», то и в этом случае редакция поступает неправильно и сваливает вину с больной головы на здоровую. В газете, редактируемой той же партийной группой, мы читали на днях [1]) справки о «некоторых итогах перевыборов советов», которые красноречиво иллюстрируют, что подлинная буржуазная демократия уже празднует свои победы ныне. Редакция напрасно сваливает на нас вину за чужой курс и нападками на нас прикрывает их лицо. Не тов. Медведев и не пишущий эти строки определяют политику в нашей стране. Господство буржуазной демократии подготовляется теми, кто особенно рьяно ведет борьбу с оппозицией.

В то время, когда редакция скосила глаза на «медведевско-шляпниковскую опасность», справа растет и двигается прямая буржуазная опасность. 10 июля редакция громит нас за курс на «политическую демократию», а 8 и 9 июля мы читаем в той же «Правде», что опасность воплощения этого курса уже налицо, существует в политической действительности, и этот курс воплощается за счет рабочих и деревенской бедноты.

Статья т. В. Карпинского в той же «Правде» от 8/VII, приводит к выводу, что «расширение круга избирателей в деревне за счет ее эксплоататорских элементов происходит при одновременном сужении участия в политической жизни полупролетарских и пролетарских элементов и уменьшении влияния партии в советах». Таковы итоги политики большинства ЦК в деревне.

[1]) См. «Правду» от 8/VII с. г.

Не лучше обстоит дело в городах. В статье того же автора в «Правде» 9/VII значится, что «расширение круга избирателей за счет городской мелкой буржуазии происходит одновременно с некоторым падением удельного веса пролетарской части избирателей в общей их массе и при гораздо меньшей политической активности их по сравнению с новыми кадрами избирателей из мелкой буржуазии».

А в то же самое время редакция громит нас за существующий, якобы, у нас «курс на политическую демократию», когда этот курс проводится в жизнь теми самыми кругами, поручения которых выполняет центральный орган. Призывая партию дать «решительный отпор» тов. Медведеву и мне, а также пособникам и укрывателям, редакция направляет ее на ложный след.

Автор фельетона совершает ныне ту же ошибку, как и большинство соглашателей и «тоже социалистов» национально-ограниченного типа в 1917 г., когда они видели опасность в левом секторе революции и не замечали ее в лагере буржуазной контрреволюции. Опровергая возводимые на нас обвинения, построенные на основании вымышленных данных, ложных цитат и извращений, мы считаем своей партийной обязанностью протестовать не только против подобных методов борьбы, но и против той политики, интересами которой диктуется борьба нынешнего большинства ЦК против нас.

За последний год партия становится ареной чудовищных явлений. Господствующая ныне в ЦК фракция разгромила ленинградскую организацию за выражение ею опасений по поводу растущей кулацкой опасности в стране. В бакинской организации, среди подлинно пролетарской части ее открыли «контрреволюцию», подвергли гонениям 14 рабочих и троих служащих, из них ряд старых партийцев с 1904 и 1905 гг. исключили из партии. Вся жизнь партии за время после XIV партс'езда приспособлена для «выявления» инакомыслящих, для борьбы со всеми партийцами, которые выражают недовольство современной политикой партии.

Как будто в прямое дополнение к этому в экономике идет буквально наступление на рабочий класс. На девятом году после Октябрьской революции рабочие наших основных отраслей промышленности еще не смеют и мечтать о довоенной заработной плате [1]). На деле и под различными предлогами (снижение расценок, повышение норм выработки и т. д.) происходит понижение уже достигнутого рабочими реального заработка. Режим экономии извращается и направляется по линии усиления эксплоатации рабочих. Во всем этом таится для партии огромная опасность, и обстрел нас имеет цель отвлечь внимание партии от действительных опасностей, стоящих перед ней.

ЦК нашей партии уже два года известно содержание письма тов. Медведева. На XIV с'езде партии о нем никто не обмолвился

[1]) Это—перепев обычных статей из меньшевистского «Социалистического Вестника», повторяющий ложь насчет того, что рабочие не смеют и мечтать о довоенной заработной плате. Уже сейчас заработная плата в некоторых отраслях перешагнула довоенную норму, а в других неуклонно растет. То же самое—о режиме экономии. Какова в этом вопросе точка зрения партии, все знают из недавно опубликованного обращения, подписанного тт. Сталиным, Куйбышевым и Рыковым. *Примечание редакции.*

ни одним словом. За последние полтора года тов. Медведев и пишущий эти строки неоднократно виделись и обменивались мнениями почти со всеми членами Политбюро нынешнего состава. Никто из них не рассматривал письмо «как бешеную атаку на Коминтерн». Наоборот, генеральный секретарь ЦК, тов. Сталин, своими суждениями подтверждал изложенную в письме критику методов работы Коминтерна [1]).

За последний год те же руководители ЦК, неоднократно предлагая нам работать, не требовали от нас признания их линии и борьбы с ленинградской оппозицией. Как дисциплинированные члены партии мы соглашались работать, но борьбу с оппозицией, которая указывает партии на кулацкую опасность, об'явили гибельной. Нас пытались вызвать на эту борьбу, бередя наши чувства обиды на тех, кто особенно яро боролся с нами на XI с'езде партии. Нам прямо и косвенно говорили о том, кто являлся вдохновителем и водителем избиения «рабочей оппозиции». Из тех же кругов нам стало известно, что В. И. Ленин не пошел на призывы части членов ЦК, требовавших от него выступления на XI с'езде за наше исключение из партии. Но, как бы иногда ни были горьки личные обиды и воспоминания, мы не сочли возможным подчиниться мотивам политической и личной мести. Всю свою жизнь мы руководились только интересами нашей пролетарской партии и ее конечной победой.

Нет, не наличие «правой опасности в нашей партии» заставило редакцию опубликовать статью о письме т. Медведева через два года. Эта опасность угрожает партии не с нашей стороны. Тон статьи, подбор цитат и, наконец, пользование подложными выписками, говорит об ином. Выбрав нас мишенью для атаки, руководители ЦК решили произвести расправу с растущими в партии оппозиционными настроениями. Все оппозиционные настроения партийно-пролетарской и родственной ей среды направлены ныне против душащего партию бюрократизма и формализма, против бюрократического принижения инициативы, внутрипартийной критики и против подавления независимой от чиновников партийной мысли [2]). Партийная бюрократия защищается и с этой целью не гнушается никакими средствами. Но такими методами побороть оппозиционных явлений нельзя. Шельмованием нас (или других отдельных товарищей) можно смутить и запугать только политических трусов, но всякий пролетарий, работавший с нами или слышавший нас, не верит и не поверит клевете на нас.

Над нами вновь повисла «июльская угроза». Но мы безбоязненно пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора. Мы уверены в конечной победе революционного пролетариата нашей страны над всеми мелкобуржуазными стихиями и сделаем все, чтобы «рабочая демократия» восторжествовала внутри нашей партии и чтобы в интересах подлинного единства исчезла разлагающая наши ряды система внутрипартийного сыска, доносов, шельмования и угроз.

[1]) Именно тов. Сталин в особом письме, разосланном членам Политбюро, отмечал откровенную меньшевистско-ликвидаторскую линию медведевского письма и требовал отпора таким «платформам». Тов. А. Шляпников и здесь говорит прямую неправду. *Примечание редакции.*

[2]) Точь в точь этими словами пишут «Последние Новости» в номере от 3/IX—26 г. в статье «Кто хуже и кто лучше». *Примечание редакции.*

В. Л.

Еще раз о правой опасности в нашей партии.

(*Ответ т. А. Шляпникову*).

..."Нельзя относиться к этой группе, как к здоровой группе".

"Не надо теперь оппозиции, товарищи. И я думаю, что партийному с'езду придется этот вывод сделать, придется сделать тот вывод, что для оппозиции теперь конец, крышка, теперь довольно нам оппозиций" (аплодисменты).

В. И. Ленин. Речь на X с'езде ВКП(б).

"Я утверждаю, что от демократизма нашей оппозиции до социал-демократизма — один шаг".

Речь т. Смилги на X с'езде ВКП(б).

..."Всякий рабочий поймет, что „рабочая оппозиция" открывает двери для врага".

Речь т. Радека на X с'езде ВКП(б).

..."По существу вы находились на позиции, которая грозит вас поставить вне Интернационала, тем самым вне партии".

Речь т. Троцкого на X с'езде ВКП(б).

Статья в «Правде» (№ 156 от 10/VII—26 г.) «Правая опасность в нашей партии» нашла живейший отклик, встретила самый глубокий интерес в нашей партии. Правда, для многих, привыкших судить о представителях «рабочей оппозиции» по их былым «левым» выступлениям, страшно-левым анархо-синдикалистским платформам и речам перед X с'ездом партии и на самом с'езде, по их знаменитому заявлению 22-х в ИККИ, по их брошюре-манифесту т. А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», охотно и сочувственно изданной IV Интернационалом,—показалось новым и даже неожиданным это замечательное произведение ума и пера т. С. Медведева, с которым вполне солидарен и тов. А. Шляпников.

Что же так поразило читателя «Правды»? Что вызвало такое ликование в зарубежной—белогвардейской и меньшевистско-эсэровской—прессе? Поразили и вызвали возмущение членов партии именно эти правые выводы «рабочей оппозиции», пахнущие ренегатством, ликвидаторством,—выводы, которые заставляют лико-

вать злорадно наших классовых врагов. Тут не отвертишься от ответа ни гнилыми ссылками на то, что это письмо написано в начале 1924 г., ни жалкими попытками уверить читателя, что письмо это имеет «исключительно личный характер». Всякому ясно, что оценки нашей хозяйственной политики, данные «рабочей оппозицией» в этом документе в январе 1924 г., имеют значение и для сегодняшнего дня,—это особенно ясно после «ответа» т. Шляпникова, защищающего их правильность. Всякому ясно, что если в таком «личном письме» т. С. Медведев в начале 1924 г. дает оценку всей нашей международной политики Коминтерна, Профинтерна, социал-демократии и намечает особую линию международной политики «рабочей оппозиции», то эту оценку можно было бы только в том случае не принимать всерьез, если бы сегодня, осенью 1926 г., «рабочая оппозиция» от этой оценки отказывалась. Но так как эту оценку тов. А. Шляпников **сегодня** берет под защиту, то незачем ссылаться на то, что это письмо т. С. Медведева относится к прошлому.

Да к тому же в **начале 1926 года** г. Шляпников требовал опубликования этого документа, ни словом не говоря о том, что он не согласен с меньшевистской платформой т. Медведева, которую он и теперь защищает.

Члены Центрального Комитета еще в прошлом году, **вскоре после получения этого документа из Баку**, поручили одному из членов Политбюро (т. Зиновьеву) ответить на этот меньшевистский документ. К сожалению, это поручение, которое он принял на себя тогда, не было этим товарищем выполнено, хотя он **тогда**, вместе с другими, возмущался реакционными, ликвидаторскими мыслями автора или авторов этого письма. Но когда, после XIV с'езда партии, стало ясно, что новая оппозиция в своем «центростремительном» движении готова включить в свой круг и жалкие обломки «рабочей оппозиции», руководствуясь правилом—«в добром хозяйстве всякая дрянная веревочка пригодится»,—тогда «Правда» показала партии лицо одного из союзников «новой оппозиции». «Лицо» это, конечно, не в состоянии привлечь на сторону «рабочей оппозиции» ни одного честного, революционно настроенного и коммунистически-сознательного пролетария.

Страничка прошлого «рабочей оппозиции».

Напрасно т. А. Шляпников, однако, прибегает к приемам, которые он без всякой славы для себя и своей фракции испробовал в полной мере в 1920—21 гг., раз'ясняя попытку «Правды» вскрыть правую опасность существующей будто бы необходимостью во что бы то ни стало политически «ошельмовать» обломки «рабочей оппозиции» «**в целях запугивания** тех, кто **не разделяет** политики нынешнего большинства Центрального Комитета партии».

Нетрудно убедиться, что **в эти же самые** 1920—21 гг. **Шляпников и Медведев упрекали В. И. Ленина**.

«Некоторые товарищи,—говорил Ленин на X с'езде партии,—с которыми мне приходилось встречаться и спорить на дискуссии, когда я несколько месяцев тому назад говорил: «Смотрите, тут

есть угроза господству рабочего класса и диктатуре рабочего класса», говорили: «Это способ запугивания, вы нас терроризируете». Я несколько раз должен был выслушивать эту приклейку к своим замечаниям,—что я кого-то терроризирую»... (Протоколы X с'езда ВКП(б).

Именно В. И. Ленина и руководимый В. И. Лениным ЦК обвиняла «рабочая оппозиция» во всех тех смертных грехах и уклонах, в каких она обвиняет теперь ЦК и ЦКК ВКП(б): и в политической клевете, и в расправах, как средствах борьбы с «рабочей оппозицией», и в антирабочей, крестьянской политике, и в невнимании к промышленности и т. д., и т. п. Новое в «рабочей оппозиции» заключается в том, что в 1920—21 гг. «рабочая оппозиция» не смела говорить в таком неприлично-меньшевистском тоне о Коминтерне, в каком она говорит в 1924—1926 гг. Новое сегодня заключается в ее откровенных правых выводах, тогда как в 1920—21 гг., как это видно из неопубликованной части стенограммы речи В. И. Ленина на X с'езде, т. Ленин предупреждал партию, что «если же они будут продолжать играть в оппозицию, тогда партия должна будет их исключить»; никто другой, как В. И. Ленин, характеризовал это течение, как отражение мелкобуржуазной стихии; никто другой, как В. И. Ленин, предлагал в 1921 г. меру по отношению к т. Шляпникову, которую июльский пленум ЦК и ЦКК применил, на основании предложения, внесенного тогда на X с'езде Лениным, к т. Лашевичу—исключение из состава ЦК.

А теперь, в 1926 г., т. Шляпников с ясным лбом говорит о «невежественных историках и заинтересованных в групповой борьбе политиканах», которые-де пытаются дискредитировать «рабочую оппозицию» ссылкой на идейную борьбу Ленина с этой некогда анархо-синдикалистской, ныне меньшевистско-ликвидаторской группировкой. Теперь, копируя другого неудачного лидера новой оппозиции, т. Шляпников умничает насчет того, что «1926 г. не 1921 год», и уверяет, что «по разногласиям нашего времени» они, представители бывшей «рабочей оппозиции», были бы «вместе с В. И. Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК». Тов. Шляпников даже грозится: «И мы расскажем партии в свое время об этой борьбе». Мало ли что вы расскажете,—кто вам поверит? У партии есть источник более надежный, чем «рассказы» т. Шляпникова—протоколы наших с'ездов, такие великолепные документы «классово-спаянных» представителей «рабочей оппозиции», как, например, брошюра тов. А. Коллонтай 1920 года. А если мы обратимся к этим бесспорным документам, то увидим: 1) что по всем тем вопросам, по каким В. И. Ленин был против «рабочей оппозицией», тт. Шляпников и Медведев расходятся и с нынешним ЦК и с партией; 2) что с тех пор «рабочая оппозиция» так далеко шагнула вправо, что растеряла почти всех своих сторонников; 3) что нынешнее большинство ЦК—это и есть, в основном, то большинство, которое поддерживало В. И. Ленина в его борьбе с «рабочей оппозицией». То обстоятельство, что против этого большинства, рука об руку с т. Медведевым и Шляпниковым, подвизается кое-кто из тогдашних соратников Ленина говорит только против этих товарищей, но не говорит ничего в пользу «рабочей оппозиции»: вот уж где—употребляя любимое

слово этих товарищей—подлинное политиканство—это поймет всякий!

Но обратимся к документам. В чем обвиняла тогда в 1920—1921 гг. рабочая оппозиция Ленина и руководимый им ЦК? То обстоятельство, что Ленин обвинил «рабочую оппозицию» в анархо-синдикализме, т. Милонов, один из тогдашних соратников т. Шляпникова, об'яснял «психологически» тем, что «Ленин—председатель Совнаркома, он руководит советской политикой. Очевидно, что всякое движение, откуда бы оно ни исходило, мешающее управлению, и воспринимается как движение мелкобуржуазное и как движение чрезвычайно вредное». Значит, Ленин-де просто поддался настроениям советского «аппарата», просто был враждебен «всякому движению». Тов. Коллонтай обвиняла в «закулисных интригах, в закулисной расправе посредством оргвыводов: «Мы знаем,—говорила она, что закулисно ведется определенная оценка товарищей, расценка их, кого оставить, а кого убрать подальше от тех масс, на которые они оказывают влияние» [1]). Тов. С. Медведев уверял, что ЦК не проводил мер по оздоровлению партии, «не охранял и не проводил в рядах партии на деле принципов рабочей демократии», не боролся с бюрократизмом, не орабочивал советские руководящие органы. Он обвинял ленинский ЦК в том, что «политика ЦК в важнейших областях и по важнейшим вопросам коммунистического строительства имела ряд уклонов в сторону недоверия к творческим силам рабочего класса и уступок мелкой буржуазии и буржуазно-чиновничьим кастам». Внесенную В. И. Лениным резолюцию на X с'езде т. Медведев об'являл «недостойной», «явно демагогической», «недопустимой», он заявил: «Ничего более демагогического и извращающего факты, чем эта резолюция, я не видел и не слышал в своей жизни за 20 лет пребывания в партии». Не ясно ли, что «демагогом», «извращающим факты», об'являлся здесь В. И. Ленин,—он обвинялся рабочей оппозицией в том, что «вводит в среду нашей партии раскол и натравливает мелкобуржуазные чиновные элементы партии на рабочую часть». Так было на X с'езде партии. Между X и XI с'ездами В. И. Ленин предложил исключить тов. Шляпникова из рядов ЦК ВКП(б) [2]). Перед XI с'ездом значительно поредевшая «рабочая оппозиция», от которой отсеялось, с одной стороны, все наиболее здоровое, а с другой—начало отпочковываться уже тогда более «левое» крыло (впоследствии «рабочая группа»),—обратилась в Коминтерн с «заявлением 22-х», под которым подписался в числе прочих—также в качестве партийца—исключенный уже из партии Г. Мясников. Раз уж т. Шляпников собирается «рассказывать» нам сказки о том, что было, не лишне воспроизвести хотя бы частью этот документ. В чем тогда, в конце 1921 года, обвиняла «рабочая оппозиция» тов. Ленина и руководимый им ЦК и всю нашу партию? Как раз в том же самом, в чем обвиняет вся об'единенная новая оппозиция нынешний состав

[1]) Вот из какого арсенала—если еще не «древнее»—и сегодняшние упреки новой оппозиции в „расправах" и „ссылках". Как все это старо и потрепано!

[2]) Смотри об этом документы в докладе тов. Рыкова. А. И. Рыков и Н. И. Бухарин, «Партия и оппозиционный блок». ГИЗ 1926 г. Стр. 4—6.

ЦК и, конечно,—как это тогда сказал и теперь говорит Коминтерн,—с такой же необоснованностью, как и сегодня.

...«Наши руководящие центры,—писали они,—ведут непримиримую, разлагающую борьбу против всех, особенно пролетариев, позволяющих себе иметь свое суждение, и за это высказывание его в партийной среде применяют всяческие репрессивные меры».

Впоследствии из этого арсенала берут свое оружие все оппозиционные группировки, начиная от чистых троцкистов и кончая той помесью, которая выступает сегодня под именем НОП'а: стоит только вспомнить рассказы и писания о «разгроме ленинградской организации», которая, между тем, живет и развивается самым здоровым темпом.

«Стремление приблизить пролетарские массы к государству (вот еще когда и кто начал заниматься этим „приближением". *В. Л.*) об'является „анархо-синдикализмом", а сторонники его подвергаются преследованиям и дискредитированию.

В области профессионального движения та же картина подавления рабочей самодеятельности, инициативы, борьба с инакомыслием всеми средствами. Об'единенные силы партийной и профессиональной бюрократии, пользуясь своим положением и властью, игнорируют решения наших с'ездов о проведении в жизнь начал рабочей демократии. Наши фракции союзов, даже фракции целых с'ездов лишаются права выявить свою волю в деле избрания своих центров. Опека и давление бюрократии доходят до того, что членам партии предписывается под угрозой исключения и других репрессивных мер избирать не тех, кого хотят сами коммунисты, а кого хотят интригующие верхушки»...

«Положение дела в нашей партии настолько тяжелое, что побуждает нас обратиться за помощью к вам и этим путем устранить нависшую угрозу раскола нашей партии».

В таком виде изображает «рабочая оппозиция» нашу партию перед лицом Коминтерна. Комиссия Коминтерна осудила выступление 22-х, и XI с'езд избрал специальную комиссию из 19 товарищей, резолюция которой была принята на этом с'езде, при чем с'езд констатировал, что «рабочая оппозиция» сообщила Коминтерну сведения, «ложность которых установлена специальной комиссией, выделенной Коминтерном». С'езд самым решительным образом клеймит поведение отдельных членов этой группы, сообщивших в своих об'яснениях комиссии Коминтерна ложные сведения о партии, извращающие действительную картину взаимоотношений между РКП и всем рабочим классом в целом».

Все знают, что одним из товарищей, сообщивших эти ложные сведения Коминтерну о партии, был тов. Шляпников.

Говоря о «нависшей угрозе раскола нашей партии», «рабочая оппозиция» считает при известных условиях возможным расколоть нашу партию, «находя лишь недостаточно созревшим момент для этого раскола».

XI с'езд постановил: «В случае проявления со стороны этих товарищей (речь шла о тт. Шляпникове и Медведеве в первую очередь) в дальнейшем подобного антипартийного отношения исключить упомянутых товарищей из партии» (резолюция XI с'езда «о некоторых членах бывшей «рабочей оппозиции»).

Что же может нам еще «рассказать» т. Шляпников после этого об отношении В. И. Ленина к этой группе товарищей?

Теперь он заявляет, что В. И. Ленин не прибегал к нечестным приемам, а тогда он его обвинял именно в нечестных приемах борьбы, обвинял перед лицом Коминтерна, бросался этими обвинениями по адресу В. И. Ленина и руководимого им Центрального Комитета. Именно это на ряду с явно неленинской, явно непартийной платформой «рабочей оппозиции» и неоднократными нарушениями партдисциплины со стороны т. Шляпникова заставило Ленина так резко осудить тов. Шляпникова. Попытка тов. Шляпникова уверить партию, что он «был бы вместе с Лениным против руководителей нынешнего большинства ЦК», является явно негодной попыткой доказать, что Ленин стал бы шляпниковцем в 1926 году, отказавшись от своих позиций. Другое дело, если бы г. Шляпников заявил, что он отказывается от тех позиций, которые он защищал за все эти годы,—позиций, осужденных партией при Ленине. Тогда, может быть, ему не пришлось бы выступать против партии так, как он выступает против нее сегодня.

* * *

Антипартийная позиция Шляпникова и его друзей была в то время понятна и т. Троцкому, и т. Зиновьеву, и т. Каменеву, и т. Смилге, и многим другим товарищам, с которыми пытается сегодня нападать вместе на руководящее большинство ЦК т. А. Шляпников. Так, т. Смилга на X с'езде приводил в пример самарскую организацию и указывал, как в очень краткий период самарская организация от лозунга «рабочей оппозиции» перешла к лозунгу учредительного собрания. Он указывал, что

«лозунг большего демократизма, смягчения режима и партийного и советского в новом самарском губкоме (состоявшем тогда из оппозиции. *В. Л.*), конечно, не мог не отразиться на общем размягчении всеобщей обстановки, и это смягчение партийного режима сказалось по заводам и фабрикам; в результате наши товарищи отступили только на одну позицию, и сейчас же в этот окоп ворвались наши враги и использовали эту позицию в своей борьбе против власти».

Тов. Троцкий нашел настоящие слова для того, чтобы заклеймить эту негодную антипартийную линию «рабочей оппозиции». Он указал, что «в этой позиции—«мы» и «они» есть основной грех и основное преступление политической позиции Шляпникова».

Он говорил т. Шляпникову: «Вы ставите себя по отношению к партии в положение «мы» и «они», как если бы у вас была какая-нибудь другая партия в запасе» (не так ли держит сейчас себя новая оппозиция, как если бы у нее была уже теперь какая-либо другая партия в запасе? *В. Л.*). «Это есть политика, которая в своем логическом развитии угрожает, говоря словами резолюции Коминтерна, поставить вас вне партии, вне Коминтерна» (совершенно правильно, дорогие товарищи из новой оппозиции! *В. Л.*)... «Всякие заявления в таком роде,—так говорил т. Троцкий,—«мы» и «они»,—где заявляющий выступает перед лицом широких партийных и беспартийных рабочих масс, придает критике характер и тон такого свойства,—что она неизбежно и немедленно становится материалом в руках наших прямых классовых врагов»... «Поставить себя в положение «мы» и «они»,—говорил т. Троцкий,—с одной стороны—Центральный Комитет, а с другой стороны—вот

такие факты поставить,—это уже будет значить—бедственное положение страны эксплоатировать для знамени, которое может стать знаменем Кронштадта, только Кронштадта (аплодисменты) (речь т. Троцкого на XI с'езде ВКП (б).

Надо ли доказывать, что эта речь т. Троцкого целиком оборачивается сегодня против тех, кто ведет политику противопоставления по отношению ЦК и по отношению к нашей партии так, как будто бы у них в действительности «была в запасе другая партия» и как если бы они говорили от имени этой другой партии, кто так же ставит себя в положение «мы» и «они».

1926 г. не 1924 г.: Медведев «исправляет» свое письмо.

Значительная доля в статье т. Шляпникова уделяется разговорам о «фонтанах неправды», о «лжи» и «клевете», об «извращении фактов» и т. п. грехах, которые приписываются автору статьи «Правая опасность в нашей партии» и самой редакции «Правды», поместившей эту статью. Главное, чего добивается тов. Шляпников,—чтобы этот антипартийный документ был опубликован целиком в печати. Такого правила у нас нет в партии и не может быть такого правила, чтобы всякий антипартийный документ обязательно публиковался. На этом же основании партия не публиковала манифеста «Рабочей группы» Мясникова, хотя он является ничуть не более антипартийным документом, чем произведения тт. Шляпникова—Медведева. Но, чтобы членам партии было ясно, посредством каких «орудий» действует сейчас т. Шляпников, мы вынуждены рассказать, каким образом т. Шляпников располагает иным текстом письма к бакинским рабочим, чем цитируемый на страницах «Правды».

В начале 1924 г. т. Медведев составил свое «частное письмо», которое он переслал бакинскому товарищу с такого рода припиской:

> «Я выражаю свое горячее пожелание (совершенно очевидно, что это было пожелание не одного т. Медведева), чтобы вы попрочнее связались с теми низовыми рабочими кадрами, которые, несомненно, в вашем районе отзываются на всероссийское явление—на вступление рабочих в партию. Если бы не все было выяснено и после этого письма, не упускайте удобного случая, снеситесь,—тогда можно будет сообщить что-либо и дополнительно.
>
> Еще последняя просьба, настоятельная и горячая: если это письмо Вам будет нужно хотя бы в течение некоторого времени сохранить, сделайте, пожалуйста, все возможное, чтобы перепечатать для себя на машинке, а подлинник этот верните мне во что бы то ни стало».

Ну, не ясно ли, что это—«частный» документ и что он посылался в порядке частной переписки, а вовсе не имел характера фракционных директив?! Что же сделал т. Колосов, друг т. Медведева, с этим письмом? Он перепечатал его в нескольких экземплярах и роздал его тем товарищам, с которыми он надеялся сколотить группу «рабочей оппозиции». «Расследование выяснило, что со стороны т. Колосова и Разина была попытка организовать и оформить группу, но она не увенчалась успехом вследствие об'ективных причин, идеологической и политической беспомощности выдвигавшейся платформы и равнодушия к ней со стороны привлекавшихся рабочих» (Постановление ЦКК ВКП (б) о так называемой бакинской рабочей оппозиции). Значит, попытка организовать группу на основании медведевско-шляпниковской платформы была, но она не увенчалась успехом. Один из экземпляров документа—переписанная бакинскими рабочими платформа, попавшая в руки Бакинского Комитета ВКП (б),—был переслан в ЦК и ЦКК. Допустим, что при переписке друзья т. Медведева пропустили что-нибудь,—пропуски при переписке бывают,—но чтобы при переписке вставить целые новые абзацы,—этого не бывает никогда. Когда дело дошло до разбирательства в ЦКК, в начале 1926 г., тов. Медведев прислал в ЦК «исправленный» им текст. Эти «исправления» были очень значительными,—в некоторых местах они обозначали просто-напросто частичный пересмотр того, что писал т. Медведев в 1924 г. Однако, и после этого пересмотра и «исправления» сущность документа осталась той же самой. Однако, кое-что настолько было изменено, что обойти это молчанием никак нельзя. Вот несколько примеров:

Бакинский экземпляр.

1) При внесении таких предложений обыкновенно пугают, а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас на это средств в достаточной мере нет, то все же у нас есть такие средства даже в современном госбюджете, которые идут на развитие указанной нами политики, а в части своей и на поддержку тех утопических иллюзий мелкого крестьянского хозяйства, которые наша партия в лице ее подавляющего большинства поддерживает в этом слое крестьянства.

Мы знаем, что, однако, этих средств недостаточно. И мы требуем, чтобы правительство сделало более энергичные поиски этих средств путем иностранных и внутренних госзаймов и допущения концессий и с большими материальными жертвами, чем те, что готово было предоставить наше государство за предоставление ему таких кредитов.

Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами (о которых я говорил выше), которые ожидают нас, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших нарушенных промышленных районов, есть меньшее зло, чем то состояние, в котором мы можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства, и которое может оказаться для нас гибельным.

Экземпляр Медведева.

1) При внесении таких предложений обыкновенно пугают вопросами: а где взять на это средства? У нас их нет. Мы отвечаем на это так: если у нас нет на это средств в достаточной мере, то все же у нас есть такие средства даже в современном госбюджете, которые идут не на развитие крупного государственного хозяйства, а на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства и на поддержку указанных утопических иллюзий мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства.

Мы считаем, что при современном хозяйственном состоянии нашей страны с теми перспективами для него, о которых я говорил выше, большие материальные жертвы международному капиталу, готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов,—есть меньшее из зол, чем то состояние, в котором мы находимся и можем оказаться в ближайшие годы в области нашего промышленного и сельского хозяйства,—состояние, которое может оказаться для нас гибельным.

2) Та почва, на которой Коминтерн питается,—зап.-евр. рабочие массы,— явно безнадежна.	2) Те методы, которыми Коминтерн пытается завоевать зап.-евр. рабочие массы, явно безнадежны.
3) ...еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Им же об'ясняется и такая же дискредитация всякого с.-д. правительства вообще, как и современного рабочего правительства в Англии. Это последнее сплошь и рядом изображается, как правительство буржуазии. Мы не можем ни на одну иоту согласиться с такой политикой и тактикой. Она губительна...	3) ...еще не идущего за коммунистическими лозунгами. Она губительна...

По поводу последнего примера т. Шляпников уверяет нас, что об этом они и писать не могли, потому что в то время, когда писалось это письмо, не было еще рабочего правительства в Англии. Однако, все мы знаем, что рабочее правительство в Англии было именно в начале 1924 г., что оно окончательно сконструировалось 12/II—1924 г. и что в январе было уже совершенно ясно, что мы стоим перед лицом образования рабочего правительства. Наша печать оживленно обсуждала эту возможность.

Видите, какие «исправления» получились у т. Медведева и Шляпникова. А после этой грубейшей операции тт. Шляпников—Медведев позволяют себе упрекать центральный орган партии в подлоге и извращении фактов. Мы не обязаны верить больше «исправленному» таким образом тексту, чем тому, который был прислан нам из рук бакинских рабочих. Однако, мы покажем, что и на основании «исправленного» т. Медведевым текста документ этот заслуживает вполне оценки, данной ему «Правдой», и что точка зрения Шляпникова—Медведева ничего общего не имеет с линией ВКП(б).

Рабочая оппозиция и нэп.

Статья в «Правде» обвиняет тов. Медведева в том, что в его письме к бакинским рабочим содержится ликвидаторская платформа, которая в области хозяйственной сводится к тому, что обломки рабочей оппозиции совершенно отрицательно относятся: 1) к политике ВКП(б) по отношению к различным слоям крестьянства; другими словами, что рабочая оппозиция отрицает ту политику взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, которую проводит по указаниям В. И. Ленина наша партия,—стремится ликвидировать эту политику. 2) Рабочая оппозиция совершенно не согласна с нашей политикой по отношению к международному капиталу, требуя, чтобы рабочий класс СССР пошел на гораздо большие жертвы международному капиталу.

Далее «Правда» констатирует, что в письме Медведева бакинским рабочим заключается предложение 1) ликвидации компартий, как «оравы мелкобуржуазной челяди», 2) обратного вхождения в социал-демократические партии, 3) ликвидации Профинтерна, 4) вхождения в Амстердам.

Тов. Шляпников довольно безуспешно и совершенно негодными средствами пытается доказать, что эти обвинения неправильны.

Начнем по порядку с вопроса о взаимоотношении между пролетариатом и крестьянством так, как ставил его Ленин, и так, как ставят его Шляпников и Медведев. Мы все помним, каким бешеным нападкам подвергался Ленин со стороны «рабочей оппозиции» за его «крестьянскую» политику.

Так как тов. Шляпников делает теперь вид, что он «был бы с Лениным», и в то же самое время защищает антиленинские взгляды, то не лишне кое-что напомнить из недавнего прошлого. Вот манифест «рабочей оппозиции», брошюра А. Коллонтай «Рабочая оппозиция», где тов. Коллонтай об'являла «рабочую оппозицию» «классово-спаянной, классово-сознательной и классово-выдержанной частью нашего промышленного пролетариата». Конечно, партия прежде всего обвинялась этими «классово-спаянными» личностями в том, что она ведет компромиссную политику, а, по мнению этих личностей, «пролетариат требует наибольшей чистоты и бескомпромиссности политики, успешного, форсированного марша на коммунизм». И говорили эти «классово-спаянные» личности языком... Оссовского. Вот, например, мы читаем в этой брошюре тов. Коллонтай:

> «Отчетливая классовая политика нашей партии в процессе отождествления себя с советским государственным аппаратом превращается все более и более в ту надклассовую политику, которая есть не что иное, как «приспособление» руководящих органов к разнородным и противоречивым интересам социально разнородного, мешанного состава населения. Это приспособление ведет к неизбежным шатаниям, к неустойчивости, к уклонам и ошибкам. Достаточно припомнить зигзагообразный путь нашей политики по отношению к крестьянству, приведший нас от «курса на бедняка» к курсу на «хозяйственного трудолюбивого мужика-собственника».

«Ваша политика,—поучала А. М. Коллонтай тов. Ленина,— выбирающая равнодействующую между тремя группами населения, весьма мудрая политика, но она пахнет старо-знакомым приспособленчеством, оппортунизмом».

Итак, Ленин—оппортунист, скатывающийся к защите мелких собственников от классово-выдержанной линии, которую защищал всегда, с первых дней рождения, такой выдержанный пролетарий, как тов. Шляпников.

Тов. Шляпников нападал на Ленина на XI с'езде партии за то, что наша партия требовала создания наиболее дешевого правительства. Он доказывал, что «дешевое правительство очень дорого стоит пролетариату».

Тов. Медведев упрекал нашу партию за наказ по вопросам хозяйственной работы, в котором говорится, «что главной и неотложной задачей хозяйственной деятельности всех хозяйственных органов с'езд приказывает считать достижение в кратчайший срок, во что бы то ни стало, прочного успеха в деле снабжения крестьянства большим количеством товаров, необходимых для под'ема земледелия и улучшения жизни трудящегося крестьянства». «Эту цель, как главнейшую, не должны упускать из виду все органы по управлению промышленностью». «Этой же цели должно быть подчинено улучшение положения рабочих в том смысле, что на все рабочие организации, в первую голову на профсоюзы, возлагается обязанность заботиться о таком восстановлении промышленности, которое бы быстро и полно удовлетворяло потребности крестьянства, при чем от степени достигнутых в этом отношении успехов должно непосред-

ственно зависеть увеличение заработка и улучшение жизни промышленных рабочих». «Этой же цели должна быть подчинена деятельность Наркомфина».

Надо ли доказывать, что взгляды и настроения «рабочей оппозиции» того времени ничего общего не имели со взглядами нашей партии на крестьянство! [1]). Это понимал даже т. Троцкий на XI с'езде, когда указывал «рабочей оппозиции»: «Вспомним,—читаем мы в его речи,—что говорили здесь тт. Шляпников и Медведев: равняются по крестьянству, ЦК ищет опоры в крестьянстве. На самом деле ЦК говорит рабочим: «Для того, чтобы не сорвалась твоя диктатура, ты должен равнять себя по крестьянству». Ленин и пределы развития капитализма при нэпе определял потребностями крестьянства. Он говорил: «Капитализм мы допускаем, но в тех пределах, какие необходимы крестьянству» (речь Ленина на XI с'езде).

А что же говорит бакинская платформа тов. Медведева? Во-первых, тов. Медведев нападает на партию за то, что она устанавливает возможность социалистического наступления на рельсах нэпа. Мы все знаем, что на XI с'езде Ленин определял этот момент, как конец отступления. Расходятся ли в этом вопросе Медведев и Шляпников с нынешним большинством ЦК или с Лениным? Ясное дело, что расходятся с Лениным и ленинской партией; а если кое-кто не только из «рабочей оппозиции», но и из прежних соратников Ленина, попавших ныне в оппозицию, по сути дела защищает шляпниковско-медведевскую точку зрения на нэп, как на политику отступления и по сегодняшний день, то об этом можно только искренно сожалеть, что они «дошли до жизни такой». Шляпников и Медведев заявляет, что новая экономическая политика «на деле является прямым непосредственным выражением интересов мелкобуржуазных крестьянских и городских масс» (цитирую по «исправленному» т. Медведевым экземпляру).

Для тт. Медведева и Шляпникова даром прозвучала речь Владимира Ильича, когда он говорил в 1922 году: «Мы сейчас отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильней прыгнуть вперед. Только под этим условием мы отступаем назад в проведении нашей новой экономической политики» (речь на пленуме Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, т. XVIII, ч. 2, стр. 103). А сумели ли мы после этого двинуться вперед,—это может отрицать только злейший враг рабочего класса нашей страны, так как всем известно, что рабочий класс достиг за это время огромных успехов в деле социалистического строительства, в деле наступления при нэпе.

Для тов. Медведева не существует решений Коминтерна по этому вопросу. У него своя точка зрения, и он считает, что он в праве эту точку зрения проповедывать в нашей партии, хотя она была отвергнута всеми решениями наших с'ездов, хотя она в корне противоречит ленинизму.

[1]) „Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка, которого мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем" (Ленин, т. XVIII, ч. 1, стр. 146).

Среднее крестьянство и беднота.

А вот образчик отношения т. Медведева и т. Шляпникова к среднему крестьянству. Между прочим, во всей бакинской платформе середняк, кажется, встречается только один раз и вот в какой связи:

«Дальнейшее ускоренное развитие сельского хозяйства, в первую очередь кулацкого, или более или менее состоятельных, так называемых середняцких масс крестьянства, являясь глубоко прогрессивным явлением для нашей упавшей экономики, неизбежно, однако, поведет к вытеснению наименее хозяйственно обеспеченных масс крестьянства и прежде всего бывших рабочих и заполнит ими все города».

Здесь, как вы видите, кулацкие элементы крестьянства берутся за одну скобку с середняками. А после этого тов. Шляпников пытается нас уверить, будто бы они стоят в этом вопросе на ленинской точке зрения.

В резолюции VIII с'езда ВКП(б) об отношении к среднему крестьянству Ленин писал—и это было принято партией:

«Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата с средним крестьянством в период решительной борьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению всякой эксплоатации» (Рос. Ком. Партия (большевиков) в резолюциях ее с'ездов и конф. ГИЗ 1923 г., стр. 256—258).

Тов. Шляпников раз'ясняет нам, что в отношении крестьянства они решительно отрицают такие меры помощи, которые обещают бедноте сохранить и еще поднять ее самостоятельное хозяйство. О кооперации, о которой тов. Шляпников расписывает теперь в своем «ответе», в письме Медведева к бакинским рабочим, нет ни слова. Странное совпадение! Мы уже видели в вопросе о нэпе наличие огромного сходства между постановкой т. Шляпникова и т. Медведева, с одной стороны, и постановкой вопроса у новой оппозиции перед XIV с'ездом и на XIV с'езде. Тт. Шляпников и Медведев об'единили в своей платформе середняка с кулаком, а кооперация у них исчезла совершенно. Что сей сон означает? Не значит ли это, что эта платформа означает некоторую идейную близость рабочей оппозиции с новой оппозицией? Вот что написано у тов. Медведева в его платформе:

«Таким образом, мы не разделяем хозяйственной политики ЦК, которая в основном в ближайший период будет направлена по своему содержанию к сохранению, укреплению и даже будто бы развитию мелкого крестьянского хозяйства, которая всю промышленную политику базирует на его лишь современных потребностях (конечно, такой политики никогда у партии не было, это выдумка тов. Медведева. *В. Л.*). Мы считаем, что мелкое и мельчайшее крестьянское хозяйство в обстановке нэпа внутри страны и в зависимости от международного рынка обречено на прозябание в варварских условиях и неминуемую погибель. Все попытки спасти его, помочь ему удержаться и даже развиваться в его современном виде есть реакционно-утопические попытки. Выходом из такого положения этих

разоряемых крестьянских масс может быть только развивающаяся, растущая госпромышленность, на арене которой эти массы могли бы найти приложение своих рук и сил» (цитирую по «исправленному» тов. Медведевым экземпляру, в бакинском экземпляре слов «развиваться в его современном виде» не было).

Что же говорит тов. Медведев о той массе крестьянства, которая стоит вне бедноты?

«Та же часть деревенщины, которая остается, за исключением указанной массы, есть деревенская мужицко-кулацкая буржуазия, враждебная нам не меньше буржуазии старой формации. С ней у нас ничего, кроме жестокой политической борьбы, быть не может. Вот основная суть наших разногласий в вопросах хозполитики партии».

Неужели кто-нибудь может в этих взглядах видеть что-нибудь ленинское? Если принять эти взгляды, тогда надо совершенно отбросить все то, что мы делаем для помощи бедноте. Так, например, мы знаем, что в 1925 году был образован особый фонд в 77 миллионов рублей для коренной реорганизации крестьянского хозяйства в трех засушливых районах: Нижнего Поволжья, Среднего Поволжья и Северного Кавказа, для создания там засухо-устойчивого хозяйства. Куда же тратятся эти деньги? Прежде всего на землеустройство 132 тысяч крестьянских хозяйств, на их реорганизацию, на закупку рабочего скота, на сельскохозяйственные машины и орудия, на сортовые семена, на развитие садоводства и т. д. Конечно, мы стремимся, чтобы вся эта помощь шла, главным образом, через кооперацию (о которой ни слова нет у тов. Медведева в его платформе), но не обязательно через кооперацию и не только через кооперацию. По схеме тов. Медведева выходит так, что незачем помогать бедноте,—она все равно осуждена на разорение; поэтому нужно только позаботиться о том, чтобы разоряемая масса быстро нашла приложение своих рабочих рук на фабриках и заводах. А мы вовсе не думаем, что вся беднота должна разориться. Мы уверены, что мы можем поднять значительную часть бедноты, чтобы она не была беднотой. Мы стремимся это сделать через кооперативы, через кооперативные об'единения—всякого рода машинные, семенные товарищества, сельскохозяйственные артели и коммуны, через поддержку кустарной промышленности, кустарно-промысловой кооперации, посредством лучшей организации сбыта с.-х. продуктов. А у тт. Шляпникова и Медведева выходит так, что все это—ни к чему, что все это—одна реакционная утопия. И рассуждают они так, как если бы у нас не было советской власти. Если бы у нас не было советской власти или не была бы национализирована земля, то все было бы, конечно, иначе, тогда другое значение имела бы и кооперация. А тов. Медведев предлагает

«найти такие средства в современном госбюджете, которые идут не на развитие крупного государственного хозяйства, а на поддержку мелкобуржуазного хозяйства состоятельной части крестьянства и на поддержку указанных утопических иллюзий у мелкого крестьянства, которые наша партия сама упрочивает у этого слоя крестьянства».

Другими словами, тов. Медведев предлагает нам в корне пересмотреть нашу политику по отношению к основной массе

крестьянства, в том числе к крестьянской бедноте, отобрать все те ассигнования, которые направлены на материальную поддержку этой основной массы крестьянства, потому что из этого все равно ничего не выйдет. Поэтому центр тяжести шляпниковско-медведевской линии направлен острием не против кулака, так как против кулака у них одни только слова, громкие фразы и кичливость своим пролетарским происхождением,—а по отношению к основной массе крестьянства и в том числе к бедняку они предлагают ряд экономических мер, которые означают ухудшение, ослабление той материальной помощи, которую оказывает ему советская власть. Эта линия и есть правая опасность в нашей партии. Это и есть фактически ликвидация союза пролетариата и беднейшего и среднего крестьянства. И прав автор статьи в «Правде», что «ликвидация рабоче-крестьянского союза» является одной из самых важных составных частей политической платформы Шляпникова и Медведева.

Такая политика, если бы на ее путь стала наша партия, повела бы неизбежно к тому, что огромная масса крестьянства попала бы в об'ятия кулака. Рабочий класс поставлен был бы в условия величайших трудностей, в условия войны с значительной частью крестьянства. Мы знаем, откуда эти схемы насчет неизбежности войны рабочего класса с крестьянством. Их в свое время проповедывал и тов. Троцкий. Они ничего общего не имеют с ленинизмом.

Именно постановка вопроса о крестьянстве в шляпниковско-медведевской платформе бьет в глаза своими чисто меньшевистскими чертами и полным отрицанием ленинской линии. Мы уже видели, что путь кооперации в платформе т. Медведева совершенно исчез. Теперь, задним числом, т. Шляпников пытается «поправиться». Но всякий видит, что рассуждения Шляпникова о том, что «в письме т. Медведева многого нет», а потому нет ни слова о кооперации, что надо говорить только о смычке с бедняком, что «смычка с середняком решается проще—возможностью и способностью нашей госпромышленности удовлетворить товарный голод»—что все это, как небо от земли, далеко от ленинизма. Для Ленина кооперация при диктатуре пролетариата, при власти государства на все крупные средства производства, при наличии союза пролетариата «с многими миллионами мелких и мельчайших крестьян», при «обеспечении руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.,—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации...—разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества?» Как же это вы такого слона не приметили, дорогие товарищи, претендующие на то, чтобы на особой платформе сколачивать единомышленников? Верно ли Ленин писал весной 1923 г., что «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения»? Согласны ли вы с тем, что «если выделить особо концессии, которые, кстати сказать, не получили у нас сколько-нибудь значительного развития, то кооперация в наших условиях сплошь да рядом совершенно совпадает

с социализмом»? (Ленин. «О кооперации». Собр. соч., том XVIII, ч. 2).

Конечно, взгляды шляпниковско-медведевской платформы ничего общего с этой линией не имеют. У т. Медведева дело обстоит так, что миллионы мелких и мельчайших хозяйств так же, как и середняцких, должны погибнуть, крестьяне должны пролетаризироваться, и эти десятки миллионов пролетариев должна поглотить промышленность. А так как у нас такой промышленности нет, то надо итти в кабалу к международному капиталу, «готовому пойти на оживление наших потушенных промышленных районов».

Таким образом, под покровом крайне «левых» фраз и рассуждений т. Шляпникова по поводу того, что «редакция («Правды») зачарована «смычкой с крестьянским хозяйством», скрывается замазывание того факта, что шляпниковско-медведевская платформа проповедует:

1) Ликвидацию союза пролетариата с основной массой крестьянства—бедняков и середняков, союза политического, а не только основанного на товарообмене.

2) Такую политику, которая толкает середняка на союз с кулаком.

3) Лишение основной массы крестьянства той помощи, которая экономически освобождает эту массу из-под влияния кулачества.

4) Об'явление этой помощи мелкобуржуазной и реакционной утопией.

5) Отрицание взгляда Ленина на кооперацию, как на путь к социализму для основной массы крестьянства, в том числе и деревенской бедноты: по т. Шляпникову «в отношении огромной массы бедноты даже кооперация существенно помочь бессильна».

Медведев и Шляпников о социалистическом строительстве.

Вопрос о крестьянстве решается Медведевым и Шляпниковым в связи с нашей концессионной политикой. Мы уже видели, что этот вопрос ставится и решается «рабочей оппозицией» совершенно противоположно тому, как ставил его В. И. Ленин, которого больше всего Медведев и Шляпников упрекали в «крестьянском» уклоне.

Теперь тов. А. Шляпников говорит о «нечестном приеме борьбы, лжи и клевете» на том основании, что автор статьи в «Правде» позволил себе цитировать бакинский экземпляр письма, из которого тов. Медведев не успел еще тогда вычеркнуть чрезвычайно скандальное приглашение итти «на большие материальные жертвы» иностранному капиталу, который будто бы готов пойти на восстановление разрушенных и потушенных промышленных районов СССР. «Рабочая оппозиция» явно не верит в то, что мы можем своими силами строить и построить социалистическое хозяйство, — и в этом ее основное сходство с новой оппозицией. В то время, однако, как новая оппозиция еще путается в вопросе о том, какую линию занять по отношению к среднему крестьянству (одни за то, как тов. Преображенский, чтобы дополнительно отобрать у крестьян 200—300 миллионов пудов хлеба на индустриализацию; другие за то, чтобы отобрать на индустриализацию специальный фонд бедноты; третьи за то, чтобы обложить дополнительными налогами зажиточное крестьянство (не отделяя середняка от кулака), за повышение отпускных цен на промтовары),—Медведев, как мы видели, берет середняка за одну скобку с кулацким слоем. Это может показаться кой-кому, кто сейчас не умеет различать «правая—левая где сторона»—и очень радикальным взглядом. Однако, нетрудно видеть, что он приводит к самым правым выводам, упирается вплотную в капитуляцию перед международным капиталом. Чтобы убедить рабочих в необходимости такой капитуляции, тов. Медведев прибег в своем письме даже к прямой неправде,—в начале 1925 г. запугивал бакинских рабочих перспективой неизбежного свертывания нефтяной промышленности в ближайшее время и связанного с этим неизбежного усиления безработицы для бакинских рабочих.

Ленин писал в марте 1923 г.:

«Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность путем величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для постройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом наша надежда. Только тогда мы будем в состоянии пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно, с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.».

А тт. Шляпников и Медведев?

Налогами, экономией, большей рационализацией промышленности и всего нашего хозяйства, сокращением управленческого аппарата, социалистическим накоплением мы ничего, по мнению т. Медведева, не сделаем. «Из пятаков» сложить средства на индустриализацию нельзя, налоги ничего не дадут,—все расчеты на это—иллюзия, самообман и обман рабочих. Ничего не остается, кроме капитуляции перед международным капиталом.

В 1921 г. В. И. Ленин предупреждал партию против таких паникеров, как Медведев и Шляпников. Теперь они пытаются сеять панику в рабочем классе, распространяя неверие в социалистические пути развития нашей промышленности и нашего сельского хозяйства, чудовищно замалчивая такой фактор, как кооперативное строительство,—в письме-платформе Медведева, как мы видели, ни одной строчки, ни одного слова нет о кооперации, которой В. И. Ленин и вся наша партия придают исключительное значение.

Разве же это не паникерство, не бегство от пролетарских, социалистических путей развития,—это провозглашение напрасной иллюзией нашу попытку без помощи иностранного капитала строить социализм?

«Думать, что мы можем—при том удельном весе рабочего класса, который он имеет в государственной политике,—собрать необходимые массы капитала для разворачивания потушенной

промышленности путем подоходно-имущественной системы налогов,—значит тешить себя напрасной иллюзией».

«Думать же, что эти массы капитала мы сложим, только более длительно «из копейки к копейке, из патрона к патрону» от самой промышленности, это значит дополнить иллюзию мелкого крестьянства иллюзией мелкобуржуазных эпигонов городов».

Медведев уверяет, что нельзя еще и примерно назвать срок, когда мы «выберемся из дефицитности нашего бюджета; говорить же при наличии этого обстоятельства о накоплении могут только пустые болтуны».

Ленин видел в режиме экономии спасение. «В этом и только в этом наша надежда»,—писал он. Медведев уверяет, что об этом накоплении могут говорить «только пустые болтуны».

Медведев не видит просвета. Он уверяет, что и сейчас «как гири» давит на рабочие массы экономика нашей страны, а в дальнейшем будет еще хуже. Эти речи, впрочем, не новы: они являются лишь желчным перепевом прежних речей и статей «рабочей оппозиции», когда «рабочая оппозиция» уверяла, что «один только основной класс советской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть ответственности периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование» (А. Коллонтай. «Рабочая оппозиция»).

Когда В. И. Ленин на X с'езде сказал, что паникеров на войне расстреливают из пулеметов, тов. Шляпников сделал вид, будто Ленин грозит буквально расстрелом Шляпникову.

Однако, тогда паника «рабочей оппозиции» не доходила до таких пределов, до каких она дошла теперь.

> «Или гибель», или концессионная политика без всяких границ. Такова безотрадная дилемма, которую ставит группа Шляпникова—Медведева перед рабочим классом СССР».

Такой вывод делала статья в «Правде» из знакомства с платформой Медведева по хозяйственным вопросам. Все попытки тов. А. Шляпникова доказать, что в ней содержится что-либо другое, не выдерживают ни малейшей критики. Никакого другого вывода нельзя сделать из добросовестного изучения этого документа. Это и есть капитуляция перед капиталистами; это и есть меньшевизм; это и есть безверие в социалистические пути развития СССР.

На примере других оппозиционных групп мы видели, что их критика линии ЦК, их попытки ревизии, пересмотра нашей ленинской линии в вопросах о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, в вопросах нашей хозяйственной политики,—приводила их неизменно на путь того же пессимизма, неверия в социалистическое строительство, на путь панических настроений: пророчили стране «гибель», пророчили путь Термидора, метались и мечутся от лозунгов «лицом к деревне» к крикам о «затоплении нижних этажей» советского аппарата крестьянством и т. д.

Напрасно тов. Медведев уверяет нас, что нужна концессионная политика. Мы никогда не отказывались и не отказываемся от концессионной политики. Вопрос о сдаче концессии Уркварту поднят был еще при В. И. Ленине. То обстоятельство, что он так тщательно взвешивается, свидетельствует только об одном: наша партия, ее ЦК и ЦКК чрезвычайно вдумчиво, осторожно подходят ко всякому шагу, когда речь идет о международном капитале.

В 1920 г. тов. А. Коллонтай в брошюре «Рабочая оппозиция» уверяла, что

> «в отчаяние могут приходить капиталистические правительства, действительно стоящие с иссякнувшим творчеством в тупике, но не мы, трудовая Россия, перед которой с Октябрьской революции открываются небывалые широкие возможности хозяйственного творчества, образование невиданных еще форм производства с неслыханно высокой продуктивностью труда. Но надо научиться брать не из прошлого, а давать простор творчеству будущего».

А теперь? Теперь разговоры о тупиках для социалистического строительства, упадочный пессимизм, крики о гибели, паникерство. Теперь заявления, что мы погибнем, если не пойдем на большие материальные жертвы международному капиталу. Жалкое зрелище! От капиталистического мира ждут избавления Медведев и Шляпников. К нему простирают руки:

> „Стонет и тяжко вздыхает
> Бедный наш русский народ,
> Руки он к вам простирает,
> Вас он на помощь зовет".

Вот вам и архилевая «рабочая оппозиция»!

Международный курс Медведева—Шляпникова.

«Правда» писала:

> «Итак, «рабочая оппозиция» требует: 1) ликвидации компартий, как «орав мелкобуржуазной челяди»; 2) обратного вхождения в социал-демократические партии; 3) ликвидации Профинтерна; 4) вхождения в Амстердам; таков символ веры «группы Шляпникова и Медведева».

Несмотря на то, что тов. Медведев «исправил» и в этой части бакинское послание, никакие «исправления» не помогли вытравить меньшевистский его дух. И эти «исправления», сделанные т. Медведевым, меньше всего дают права т. Шляпникову говорить в сотый раз о подлоге. Всякому ясно, что само «исправление» т. Медведевым бакинского послания может быть истолковано, как подлог. Мы уже привели образчики этих «исправлений». Возвращаться к этому не будем.

Что же говорит «исправленный» источник?

> «Международная политика нашей партии, как такая же политика и всякой другой партии, есть продолжение нашей внутренней политики на международной арене».

Истина совершенно бесспорная. Например: так как группа Медведева—Шляпникова капитулирует в области внутренней политики перед трудностями самостоятельного социалистического строительства в СССР, то эта же группа, как мы сейчас увидим, капитулирует целиком и полностью и перед самостоятельной коммунистической международной политикой и проповедует ликвидаторство и в этой области.

В самом деле: в чем, по мнению Медведева—Шляпникова, основной порок нашей международной политики?

> «Ее основной порок,—заявляет Медведев,—состоит в том, что она все хочет видеть в цвете нашей страны».
> «Так называемое рабоче-крестьянское правительство, пришедшее на смену «рабочему правительству», есть выражение безнадежной попытки разрешить основные вопросы западно-европейского рабочего движения средствами и методами нашей страны».

А разве злейшие наши враги из 2 и 2½ Интернационала говорили когда-либо что-нибудь другое? Разве это не есть полная солидаризация с самыми подлыми меньшевиками, которые кричат, что революция делается по указке из Москвы, что русские большевики навязывают всем 21 условие, что они переносят всюду свои методы борьбы, не пригодные в других странах? Нет ли здесь той музыки, которая звучит в утверждениях некоторых «100%-ных ленинцев», будто ленинизм есть учение о том, как строить диктатуру пролетариата только в таких условиях, как наши.

Нетрудно убедиться, что в этом вопросе шляпниковско-медведевская оппозиция решительнейшим образом расходится с отношением Ленина к вопросу о рабоче-крестьянском правительстве и к роли крестьянства в Западной Европе. Нетрудно также видеть, что в этом вопросе шляпниковско-медведевская оппозиция расходится со всеми решениями конгрессов Коминтерна по крестьянскому вопросу. Весной 1925 г. расширенный пленум Коминтерна принял тезисы по крестьянскому вопросу, в которых говорится (пункт 58):

> «Во всей работе своей среди крестьянства коммунисты должны всячески избегать социал-демократического уклона (пассивность в крестьянском вопросе, с одной стороны, беспринципная ловля крестьянских интересов, со сдачей всех марксистских позиций, с другой), а равно и народнического уклона (стирание граней между пролетариатом и крестьянством, смазывание вопроса о расслоении крестьянства, отсутствие идеи пролетарской гегемонии). Коммунисты всюду и везде должны раз'яснять крестьянству, что, как показал опыт всех резолюций, крестьянство неизбежно бывало разбито, обмануто, если оно пыталось выступить, как самостоятельная третья сила, вне союза и руководства со стороны пролетариата. Опыт так называемых крестьянских правительств (стамболийское) точно так же показал, что крестьянство не может удержать власти. Поэтому лишь диктатура пролетариата, поддерживаемая крестьянством, способна на деле обеспечить победоносную борьбу обоих классов против эксплоататоров. Коммунисты только тогда выполнят свою задачу, если будут руководствоваться тем учением о соотношении между рабочим классом и крестьянством, которое было разработано тов. Лениным».

Не ясно ли, что шляпниковско-медведевская оппозиция борется против этих решений Коминтерна?

Медведев уверяет, что такого крестьянства, которое могло бы помогать рабочему классу в борьбе, в Западной Европе нет, что оно существует только на Ближнем и Дальнем Востоке. Он уверяет, будто бы мы сделали в Болгарии попытку опереться на крестьянство и что эта попытка, навязанная Коминтерном, привела к крушению болгарской компартии. Можно ли так извращать факты, когда всем известно и ясно, что болгарская компартия потерпела поражение именно потому, что она недостаточно связалась с крестьянством, что она недостаточно в свое время усвоила необходимость союза рабочих и крестьян в этой стране.

Тов. Шляпников возмущается тем, будто бы «Правда» извращает позицию Медведева, когда характеризует его линию, как бешеную атаку на Коминтерн, и уверяет, что это понадобилось «для запугивания недовольных существующей политикой, осуществляемой руководящим большинством ЦК партии». Ничего более бессовестно-демагогического нельзя себе представить, как это утверждение тов. Шляпникова. В самом деле (цитирую по «исправленному» документу):

> «Во всех этих средне-европейских странах (в Германии, Италии и Франции), имеющих решающее значение для международной революции, эта тактика привела к тому, что из общей массы организованных сил пролетариата были вырваны силы коммунистической части его и противопоставлены всей остальной массе пролетариата, как наиболее революционные части, против неспособной будто бы на сознательное участие в революционных выступлениях рабочей массы, чем дезорганизовали и общее движение рабочего класса и эту коммунистическую часть, изолировав ее от общей массы организованного пролетариата, и тем лишили возможности постоянного воздействия на эти массы изнутри его рядов. Мы злейшие противники этой политики».

Итак, организация Коммунистического Интернационала, в создании которого Ленин принимал наиболее активное участие, в деятельности которого не было ни одного сколько-нибудь серьезного шага сделано без одобрения Ленина,—создание этой организации было сплошной ошибкой. Не надо было, стало быть, «из общей массы организованных сил пролетариата» вырывать «силы коммунистической частицы его», т.-е. не нужно было организовывать коммунистических партий в Германии, Италии и во Франции. Шляпников и Медведев являются «злейшими врагами» той политики, которая вела к созданию коммунистических партий в Германии, Италии и Франции. Этого не надо было делать. Только такой вывод можно сделать из писаний Шляпникова и Медведева.

За что же стоят Шляпников и Медведев? (Опять-таки цитирую «исправленный» Медведевым документ).

> «Мы стоим за то, чтобы коммунистические рабочие массы оставались составной частью рабочих масс, организованных в профсоюзах, кооперации, советах, фабзавкомах и т. д.; чтобы всякие попытки захватить власть в этих организациях, помимо воли подавляющей массы их членов, или организовать свою обособленную от этих масс организацию того же порядка, были решительно отброшены, как авантюры, дезорганизующие рабочее движение».

Всем известно, что мы являемся злейшими врагами выхода из профсоюзов. Мы даже, считаясь с особыми условиями борьбы рабочего класса в Англии, рекомендуем коммунистам оставаться в составе рабочей партии. Кое-кто из новой оппозиции, правда, настаивает на том, чтобы мы проводили отзовистскую политику, разрушили кое-какие организации, созданные для международного об'единения рабочего профессионального движения в различных странах. Но ленинцы никогда не стояли за то, чтобы коммунисты выходили из профсоюзов, из кооперации, из фабрично-заводских комитетов и советов. За это, как известно, стояли «левые» друзья Шляпниковых и Медведевых из коммунистической рабочей партии в Германии.

организации IV Интернационала, да еще люди типа Рут Фишер—Маслова. Но ведь само собой разумеется, что если дело обстояло так, что ошибкой было создавать самостоятельные коммунистические партии и что это привело нас «к полной изоляции рабочих масс нашей страны от пролетариата западно-европейских стран и к такой же изоляции коммунистической части последнего от его основных масс в Западной Европе», то отсюда только один вывод может быть: Долой Коминтерн! Долой Профинтерн! Да здравствует II Интернационал и Амстердамское об'единение профсоюзов! Никакого другого вывода здесь нельзя сделать, как бы ни пытался тов. Медведев исправить сейчас свою платформу, как бы ни старался тов. Шляпников уверять всех, что они за Профинтерн.

Теперь об «оравах мелкобуржуазной челяди», которые питаются русским золотом. Как изворачивается здесь т. Шляпников, лучше будет видно, если мы приведем целиком выписку из «исправленного» Медведевым документа:

> «Попытки механически насадить наши методы работы во всех западно-европейских странах приводят только к тому, что мы видим, например, в Норвегии. На этом примере особенно наглядно видно, как эти попытки приводят буквально к дезорганизации рабочего движения этой страны; к насаждению материально немощных коммунистических секций; их содержание за счет того состояния российских рабочих масс, за которое они заплатили своею кровью и жертвами, и которое для себя они использовать не могут при современных условиях; что на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом, изображающие себя самих пролетариатом и представительствующие в Коминтерне, как более «революционные рабочие».

Нужны ли, как говорится, комментарии к этому месту из медведевского письма? Мы утверждаем, что никогда ничего более гнусного по адресу Коминтерна не писалось злейшими нашими врагами, и никакая уважающая себя коммунистическая партия не может терпеть, чтобы члены ее так отзывались хотя бы об одной норвежской компартии, если бы даже принять толкование тов. А. Шляпникова. Какое право имеют тт. Шляпников и Медведев так третировать норвежскую коммунистическую партию, члены которой заслуживают такого же уважения, как члены всех остальных братских партий, входящих в Коминтерн?

Но дело не только в моральном возмущении. Такую оценку Коминтерна может дать только реакционер, который относится к Коминтерну с нескрываемой ненавистью, и только в этом смысле можно принять об'яснение тов. Шляпникова, что это есть «частное письмо», что тов. Медведев не рассчитывал на то, что оно станет широко известным, когда писал его. Оно рассчитано еще на то, что в такой стране, как наша, найдутся, конечно, отсталые слои рабочих и в особенности крестьян, которые этот мотив насчет русского золота воспримут очень сочувственно, как воспринимают его меньшевистские белогвардейские организации.

Мы имеем ряд успехов коммунистической партии на Западе. Только слепой не видит, какие успехи сделала, например, за последнее время германская компартия. Только слепой не видит, что лучшие элементы рабочего движения в Италии втянуты теперь в итальянскую компартию. Только злейший враг Коминтерна может утверждать, что в Англии нет сейчас сочувствия британской компартии. А Шляпников и Медведев уверяют рабочих, что мы не только не сближаемся «с массами организованного международного пролетариата», но что Коминтерн наоборот разобщает эти массы.

Грубейшим извращением, клеветой является сообщение тов. Медведева бакинским рабочим, будто бы «руководители Коминтерна в лице наших партруководителей ищут поддержки своей политики вне этих (рабочих) масс и проповедуют, например, что американские фермеры-арендаторы более революционны, чем американские организованные рабочие массы».

Конечно, все это чистейший вздор, и решения конгрессов Коминтерна по вопросу об американских фермерах имеют совершенно иное значение, чем то, о котором пишут Медведев и Шляпников. Кто следил за меньшевистской печатью, тот должен признать, что заявление Медведева и Шляпникова, будто бы «политика Коминтерна под руководством наших партруководителей вследствие неудачи в пролетарских массах пропитана устремлением в сторону мелкобуржуазных частнособственнических классов», есть утверждение меньшевистское.

Отсюда и прямая защита Шляпниковым и Медведевым социал-демократических партий Западной Европы. Они выступают, поэтому, защитниками социал-демократических партий. Они «против той систематической травли и дескредитации классовых об'единений западно-европейского пролетариата, еще не идущих за коммунистическими лозунгами».

> «Наши оценки, т.-е. социал-демократических партий,—заявляют тт. Медведев и Шляпников,—глубоко расходятся с теми оценками, которые даются нашими руководителями».

Какие оценки давал Владимир Ильич организации II Интернационала, мы все прекрасно знаем, и мы никогда не расходились с этими оценками. А тов. Медведев возмущается, что «руководящие кадры этих партий они («они»—это большевики-коммунисты, члены ВКП, а «мы»—это «рабочая оппозиция», Шляпников и Медведев, да еще несколько «классово-спаянных» личностей) рассматривают, как предателей, изменников, прислужников буржуазии и т. д. и т. п.». Но само собой разумеется, что Шляпников и Медведев глубоко расходятся с этими оценками. Наоборот, оказывается, что

> «вся крепость их (социал-демократических вождей), связь с рабочими массами, все глубокое доверие последних к ним об'ясняется тем, что эти вожди с.-д. партий никогда не противопоставляют повседневных нужд рабочих масс вообще и частных требований отдельных категорий их интересам революции» (сногсшибательное открытие!). «Наоборот (??), она эти интересы и видит главным образом в удовлетворении повседневных нужд рабочих масс».

Для примера можно было бы привести еще незаконченную стачку английских горняков; но, само собою разумеется, что Носке и Шейдеманы, Томасы и Гендерсоны никогда не противопоставляли частных требований горняков интересам революции». Можно ли так извращать действительность? Можно ли так обманывать рабочих, так издеваться над фактами, как это делают Шляпников и Медведев? Они уверяют, что

«нет ничего противоестественного в том, что он (западно-европейский рабочий) доверяет все руководство своей борьбой именно тем, кто преподносит ему не красные вымыслы в виде перспектив, а умело защищают его от повседневных невзгод».

Так вот видите, что получается: тт. Томский и Догадов, Лепсе и Мельничанский и другие члены нашей партии, которые выступали за все время английской стачки с указаниями на то, что необходимо иметь в виду перспективы движения—они «преподносили красные вымыслы», а Томасы и Гендерсоны «умело защищали английский пролетариат от повседневных невзгод». Вот ведь что получается от такого извращения действительности, которое проделывают тт. Шляпников и Медведев!

Тов. Шляпников обижен был тем, что редакция «Правды» взяла несколько слов из письма т. Медведева, «разбавила их своими измышлениями». Мы вынуждены были взять не несколько слов, а выписать дословно почти все, что тт. Медведев и Шляпников рассказывают бакинским рабочим о тактике по отношению к социал-демократии. Полюбуйтесь, какие красавчики!

А теперь обратимся к Профинтерну. Что об этом говорит тов. Медведев?

«Мы считаем в соответствии с фактическим положением дел, что такие об'единения наши, как Профинтерн, фактически являются, вольно или невольно, орудием разобщения и российских рабочих масс и западно-европейских коммунистических масс от рабочих масс всего пролетариата. Он является прямым препятствием, ничем фактически не оправдываемым, на пути к образованию действительного единого фронта рабочего класса каждой страны и в международном масштабе. Вот то основное, что нас разделяет с партруководством настоящего момента в вопросах международной политики».

Как же после этого смеет тов. А. Шляпников писать:

«Крик о нашем намерении ликвидировать Профинтерн принадлежит к тому же арсеналу средств, которыми хотят прикрыть действительную ликвидацию. Нет, не мы ликвидируем Профинтерн».

Если Профинтерн есть «орудие разобщения», если он является «прямым препятствием», да еще «ничем фактически не оправдываемым», так, ведь, выход может быть только в одном: отбросить это «орудие разобщения», ликвидировать это «прямое препятствие», устранить его; и если на пути к образованию «действительно единого фронта рабочего класса» стоит ничем фактически не оправдываемое «препятствие» в лице Профинтерна», то всякий дурак поймет, что Профинтерн надо ликвидировать. Поэтому медвежьи попытки, которые сейчас делает т. Шляпников,—свалить с больной головы на здоровую, сказать, что «не мы ликвидируем Профинтерн»,—это есть попытка подладиться, примазаться к новой оппозиции, пойти на службу к хозяину, который обещает в этом смысле поддержку.

Все песенки тов. Шляпникова насчет «беспринципного делячества», которым, будто бы, руководится большинство ЦК по отношению к Амстердаму, это не из репертуара шляпниковско-медведевской оппозиции; это—из другой оперы, сочиненной троцкистами и новой оппозицией. Тов. Шляпников и Медведев подпевают и очень неудачно, так как они сами заявили в письме в ЦК и ЦКК, что солидарны с ЦК в вопросе об Амстердаме. Настолько неудачно подпевают, что каждый слышит фальшь. Не надо иметь очень тонкий слух, чтобы слышать это, потому что именно с точки зрения сохранения связи с массами нельзя так относиться к англо-русскому комитету, как относятся сейчас и тт. Шляпников и Медведев и вся новая оппозиция.

Совершенно ясно теперь, что своей политикой по отношению к стачке горняков и по отношению к международному движению вообще, мы создали довольно прочные связи с пролетариатом всего мира. Поэтому просто-напросто бахвальством звучат заявления тов. Шляпникова о том, «как мы работали» в профсоюзах. Об этом—«как мы работали», можно прочитать в резолюции XI с'езда партии «о некоторых членах бывшей рабочей оппозиции», о тех методах, какими работала шляпниковско-медведевская оппозиция в профсоюзах. Или в письме Митина, которое было предметом суждения комиссии XI с'езда по делу «рабочей оппозиции». Не даром от шляпниковско-медведевской оппозиции сейчас остались одни только рожки да ножки, и все, что было жизненного в этой группе когда-то, давно от нее ушло.

О Ленинском наборе.

«Теперь относительно смерти тов. Ленина»,—так начинает четвертую часть своего письма тов. Медведев. Немножко философии насчет того, что «на свете все относительно». Главное внимание тов. Медведева привлекает факт вступления рабочих в партию. Этот факт он приравнивает—к чему бы вы думали?—«к массовым стачкам в августе и сентябре 1923 года за улучшение своего отчаянного положения». В этих стачках он видит такие же признаки оживления в рабочем классе, как и в факте массового вступления рабочих в партию: точь в точь так же истолковывали это меньшевики. Главное, что радует тов. Медведева (хоть это хорошо), что партия становится по классовому своему составу все более пролетарской. По этому вопросу тов. Медведев наговорил столько неправды в своем письме—по поводу непролетарского состава партии. Так, он уверяет, что будто бы в 1924 году в нашей партии была одна седьмая часть пролетарского состава, тогда как в заявлении «22-х» в 1921 году сам же тов. Медведев сообщил Коминтерну, что в нашей партии 40% рабочих, тогда как по данным XIV партийной конференции, которые были известны т. Медведеву, в нашей партии к тому времени, когда т. Медведев писал свое письмо было не менее 45% рабочих. Что же он советует по этому поводу своим бакинским друзьям?

«Нужно только, конечно, не дать сбить себя на ту пошлость, которую в связи с этим явлением выдвигают вперед, что вся эта масса рабочих ринулась в партию, чтобы учиться ленинизму, и что для нее нужно немедленно поставить как можно больше партлекций, курсов, школ и т. д., и т. п. В этой встрече нужно видеть прямую опасность, могущую потянуть немедленно из партии не только вступающих ныне, но чего доброго и тех, кто был в партии и раньше».

Что тут марксистского, что тут ленинского, в этом презрении к учебе, к ленинизму, к партлекциям, к курсам, школам

и т. д.? Мы не удивились, что еще в 1924 году тов. Медведев уверяет бакинских рабочих, что «единственная фракция, которая имела будущность в рабочем классе, это была фракция рабочей оппозиции». Ведь еще тов. Коллонтай в 1920 году говорила о 30 тысячах курьеров, которые повсюду приглашают рабочую оппозицию. Она говорила:

> «Оппозиция эта, не имея ни одного крупного теоретика-лидера, встречая самый резкий отпор со стороны наипопулярнейших вождей партии, растет и крепнет, а главное стелется и стелется по трудовой России».

«Пролетарское происхождение» играло не последнюю роль во всех выступлениях «рабочей оппозиции». Это отмечал и тов. Ленин на X с'езде. Как всегда, Ленин смеялся: «Тов. Шляпников говорит о своем истинно-пролетарском характере». Отсюда заявления товарищей из «рабочей оппозиции» и на X и на XI с'ездах, что наша политика определяется мелкобуржуазным составом нашей партии, по поводу чего особенно скачут и играют такие «левые революционеры», как Леви, как Корш, как Кац и все предатели Коминтерна. Отсюда заявление, что «подавляющий мелкобуржуазный состав самой партии, которая может быть активным сторонником буржуазной демократии, но не рабочей демократии».

Уже одно сопоставление факта вступления нескольких сот тысяч новых членов партии из пролетарской среды с фактом стачки осенью 1923 года показывает, какой «уклон» имеют тт. Шляпников и Медведев и для чего намерены они были бы использовать связи с этим новым ленинским призывом. Но ежели вы так думаете «оживлять», то это действительно опасность необычайно серьезная, и на эту опасность закрывать глаза никак нельзя. Как тут не вспомнить предупредительных слов тов. Троцкого по вашему адресу, что такие противопоставления ведут к Кронштадту! Как тут не вспомнить тех предупреждений, которые делал неоднократно Владимир Ильич по вашему адресу и на X и XI с'ездах! Как не бить тревогу по поводу правой опасности в нашей партии, когда имеешь такие откровенные попытки ликвидировать союз рабочего класса и крестьянства,—пойти на гораздо большие жертвы международному капиталу, ликвидировать линию Коминтерна и Профинтерна и сами эти организации! Как не тревожиться по поводу того, что могла бы сделать «рабочая оппозиция», если бы она пользовалась хотя бы малейшим успехом в рабочем классе! К счастью, она им не пользуется. К счастью, даже шляпниковско-медведевское письмо к бакинским рабочим, как это установила специальная комиссия, (в которой участвовали тт. Сольц и М. И. Ульянова), не встретило ни малейшего сочувствия среди бакинских рабочих, несмотря на попытку других товарищей Медведева—тт. Колосова и Разина—сколотить группу «рабочей оппозиции».

В чем особенная опасность таких выступлений, помимо беззастенчивой, безответственной демагогии, которая сквозит в каждой строке ответа тов. Шляпникова и письма тов. Медведева? В том, что огромные трудности нашего строительства используются для борьбы с партией.

Партия эта насчитывает более миллиона членов и кандидатов. Она руководит первым в мире опытом социалистического строительства. Она испытывает на каждом шагу величайшие трудности. И эти трудности заостряются против партии. Так могут действовать и так действуют враги. Хотят они этого или не хотят,—партия в праве от них требовать прекращения такой разлагающей работы.

Последнее (по счету, но не по важности) условие пребывания в Коминтерне заключается в том, что «члены партии, принципиально отвергающие обязательства и тезисы, выставленные Коминтерном, должны исключаться из партии».

Не ясно ли, что тт. Шляпников и Медведев принципиально отвергают обязательства и тезисы, выставленные Коминтерном по целому ряду важнейших вопросов? Партия должна бесповоротно осудить такого рода платформы, как шляпниковско-медведевское письмо к бакинским рабочим, так как ликвидаторско-меньшевистские взгляды, высказываемые в этом письме, ничего общего не имеют с ленинизмом, с ВКП, с Коминтерном.

Оценка врага.

Как оценивают меньшевики, эсэры и белогвардейцы нынешнюю позицию Шляпникова и Медведева? Послушаем сначала т. А. Шляпникова:

> «Меньшевистские суждения о нас хорошо известны руководителям большинства нашего ЦК. Если бы меньшевики оценивали нас так, как это делает за них «Правда», то эти оценки давно были бы использованы против нас. Ссылки редакции «Правды» на меньшевиков ошибочны. Как и что думают о нас меньшевики, редакция может узнать в их «центральном органе»,—«Социалистическом Вестнике».

Обратимся к этому «нелицемерному судье», к которому апеллирует тов. Шляпников. Перед нами № 14 «С. В.» от 26 июля 1926 года с передовой статьей «Враг внутренний». «Социалистический Вестник» решительно берет в этой статье под защиту тов. С. Медведева против редакции «Правды». «О Коминтерне Медведев нашел мужественные и решительные слова (дальше идет насчет «орав мелкобуржуазной челяди», работающих из-за «русского золота»).

«Социалистический Вестник» хвалит группу Медведева за то, что она протестует против «систематической травли и дискредитации пролетарско-классовых об'единений западно-европейского пролетариата», т.-е. II Интернационала. «С. В.» хвалит Медведева за его взгляд на Профинтерн. Правда, по мнению меньшевиков, «по части внутриполитических вопросов у медведевской группы царит немалая путаница». Но зато взгляды т. Медведева на средства индустриализации встречают решительное одобрение меньшевиков. Здесь «сущность медведевской программы проявляется отчетливо и положительно». Напрасно тов. Шляпников старается доказать, что он в этом вопросе солидарен с Лениным. Меньшевики никогда не говорили о Ленине в таком тоне.

> «Повидимому,—пишет «Соц. Вест.»,—и у Медведева много неясности и путаницы в вопросе о власти о диктатуре большевизма. Не может он расстаться с этим ветхим наследием. Но при всем том, его программа — программа «укрывателей, союзников и покровителей» представляет громадный шаг вперед, по срав-

нению с программой прежних фракционных образований и по сравнению с зиновьевской оппозицией этого года. У всех их общей была тяга назад, от нэпа к военному коммунизму. Дельцам нэпо-коммунизма они умели противопоставить лишь чистый утопизм. Медведевская платформа ценна тем, что она указывает на возможности другого развития, на синтез принципиальной, решительной оппозиционности с экономическим реализмом. Не вполне продуманная, не всегда решительная, она все же знаменует громадный идейный прогресс в среде пролетарских элементов коммунизма».

С чем вас и поздравляем, «классово-спаянные» вожди рабочей оппозиции. Но только не морочьте головы членам коммунистической партии вашей принципиальной «чистотой», которая вызывает такие похвалы «Социалистического Вестника» и не вынуждайте нас давать такие справки, которые каждому слепому дают возможность ощупать вашу сущность.

Не плохие похвалы можно встретить и в эсэровских «Днях». Две передовые статьи посвятили «Дни» тов. Медведеву (№№ 1055 и 1064) с очень сочувственными цитатами, которые, между прочим, целиком совпадают с «исправленным» текстом тов. Медведева. В особенности приводит в восхищение всех белогвардейцев то, что тов. Медведев изображает деятельность Коминтерна, как ряд авантюр, где роль революционных рабочих изображают из себя «оравы мелкобуржуазной челяди», пожирающей русское золото. «Дни» хвалят Медведева и Шляпникова за последовательность и особенно радуются тому, что «обе оппозиции—обе левые, а если хотите, то и обе правые,—фактически ведут к ликвидации большевистской диктатуры в России».

«Последние Новости» очень сочувственно относятся к тому, что «противник «деревенщины» Медведев противопоставляет красному протекционизму план самого широкого международного финансирования в советской промышленности» (№ 1954, 29/VII—1926 г.). И, конечно, ничего, кроме злорадства, кроме свистопляски не вызывают возмутительнейшие строки в письме Медведева к бакинским рабочим, направленные против политики Коминтерна и Профинтерна.

Приблизительно эту же оценку находим мы в «Руле», и в «Возрождении», и в других белогвардейских органах. После этого какими жалкими являются попытки оппозиции указывать на то, что профессор Устрялов с похвалой отзывается о решениях XIV с'езда!

* * *

Наконец, об июльской угрозе. Как далеко зашли тт. Шляпников и Медведев в своей враждебности к ВКП(б), лучше всего свидетельствует это место «ответа» т. Шляпникова. Кто еще мог так противопоставить себя советскому государству и компартии, как это делает т. Шляпников. Он пишет:

«Над нами вновь нависла «июльская угроза», но мы безбоязненно (кто сомневается в вашей «храбрости»!) пережили июльскую угрозу в 1917 году, и нас не устрашат июльские угрозы автора».

Мы не забыли значения, социального и политического смысла июльской угрозы. Тогда в газете «Живое Слово» явно черносотенного характера напечатана была низкая клевета на Ленина. «Правда» в ночь на 5 июля была разгромлена юнкерами. Правительство Керенского, в котором меньшевики и эсэры творили волю буржуазии, обрушились с преследованиями на партию большевиков. Отдельные товарищи, особенно руководители нашей партии, подверглись аресту. Буржуазия об'явила войну рабочему классу, его передовому авангарду. Как всем известно, ни т. Шляпников, ни т. Медведев в то время никаким особым преследованиям и испытаниям не подвергались, так что нет у них ровно никаких оснований сейчас вспоминать о своей «безбоязненности». Сейчас же после октябрьского переворота, однако, т. А. Шляпников, назначенный Нар. Ком. Труда, вместе с несколькими другими большевиками-наркомами, подал заявление в ЦИК СР и СД и СНК, в котором писал:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий. Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто большевистского правительства посредством политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК звание Народных Комиссаров» (Л. Троцкий. Соч. т. III, 1917 г., стр. 2, приложение 13, смотри также примечание 233 на стр. 437).

Какое же право имеет тов. А. Шляпников в таком тоне вспоминать об июльской угрозе? Не думает ли он, что он имеет какое-нибудь право отождествлять свою жалкую ликвидаторскую группку с партией рабочего класса, противопоставлять себя компартии, сравнивать компартию и советское государство с правительством Керенского, а «Правду»—с «Живым Словом». До такой наглости еще не доходила ни одна антипартийная группа, даже из тех, что подпольно организовывались внутри ВКП(б), как «Рабочая Правда» и «Рабочая Группа».

А между тем только такой смысл и могут иметь эти его слова о «нависшей над нами» (Шляпниковым и Медведевым) июльской угрозе. «Июльская угроза» означала об'явление гражданской войны. Вот до чего договаривается сейчас рабочая оппозиция. Она становится на путь, от которого их предостерегала партия за все эти годы. Можно только пожалеть, что у людей такая короткая память. Но партия не может терпеть, допускать такие сравнения по отношению к ВКП(б), по отношению к центральному органу партии, заставит отвечать, «невзирая на лица», тех, кто позволяет себе подобное отношение к партии.

* * *

Мы вынуждены были в «Большевике» вновь подвергнуть разбору шляпниковско-медведевскую платформу по «исправленному» самим автором экземпляру. Мы привели из этого замечательного документа гораздо более обширные, чем приведанные в статье «Правды», выписки. Мы постарались осветить все существенные вопросы, затронутые в этой платформе. Выводы наши—те же, что и у автора статьи в Ц. О., даже еще более

печальные, так как т. Шляпников выступил не только с негодными и жалкими попытками дискредитировать «Правду», но и с защитой явно ликвидаторской, меньшевистской платформы тов. Медведева. Эта платформа бьет в глаза своей правизной, отказом от ленинизма, от большевизма, пропитана паническим настроением от начала до конца; от начала до конца она является попыткой дать по всем вопросам политики ВКП(б) платформу для новой партии. Она является поучительным примером, как «архи-левые» лидеры «рабочей оппозиции» 1920—21 годов на деле пришли к защите правых меньшевистских взглядов.

Ибо меньшевизм—безверие в социалистические пути развития нашего хозяйства.

Меньшевизм—паника перед трудностями этого строительства и призыв к рабочему классу искать спасения только на пути больших жертв международному капиталу.

Меньшевизм—постановка вопроса о союзе пролетариата и основной массы крестьянства в этой платформе, ведущая к ликвидации этого союза.

Меньшевизм—и самый худший—та характеристика, какая дана в платформе международной политики ВКП(б) и Коминтерна.

Меньшевизм—та защита партий II Интернационала и их вождей, какую мы находим в письме т. Медведева.

Меньшевизм—требование ликвидации Профинтерна и линии Коминтерна в этой платформе.

Партия в праве и должна потребовать от тт., называющих себя членами ВКП(б), чтобы они отказались от защиты такой меньшевистской, ликвидаторской платформы.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

ФОРТУНАТОВА, Е.—Крестьянство, как союзник рабочего класса. «Прибой». Ленинград. Стр. 152. Цена 1 р. 10 к.

Только в союзе с крестьянством в целом рабочий класс мог свергнуть самодержавие, только в союзе с бедняцко-батрацкой частью деревни—пролетариат сумел победить буржуазию города и деревни, и только в союзе с бедняцко-середняцкими ее слоями он смог успешно вести социалистическое строительство, вести страну в целом к социализму.

Таким образом, проблема крестьянства, как союзника рабочего класса в революции, никогда не теряла своего актуального значения; наоборот, при всех условиях и при всякой обстановке она требовала к себе исключительного внимания. Но каждый раз она ставилась поиному и каждый раз она требовала нового решения. Проследить этапы развития отношения рабочего класса с крестьянством, проследить, как разрешалась большевизмом проблема крестьянства в различных исторических условиях—задача исключительно сложная и трудная, но, вместе с тем, и интересная.

Этой-то задаче—проследить, какова социально-революционная роль крестьянства; какую позицию может и должно оно занять в классовой революционной борьбе пролетариата за власть, а позже—в организационной его работе по социалистическому строительству,—и посвящена рецензируемая работа т. Фортунатовой.

Надо, однако, сказать, что в целом работа т. Фортунатовой не удалась, а в отдельных своих положениях она просто неверна и явно вульгаризирует взгляды большевизма на крестьянство.

Особенно неудачным надо признать «Очерк первый»,—«Об исторических корнях рабоче-крестьянского союза». Этот очерк начинается с анализа дореволюционных (начало XX века) условий крестьянского землепользования. Здесь, указав, что еще в дореформенной России неоднородность крестьянского землепользования была чрезвычайно высока, что за отменой крепостного права последовала еще «целая серия дифференцирующих обстоятельств», автор пишет, что «все это, параллельно с ростом населения и обострением общего малоземелья, довело неоднородность крестьянской массы между отдельными обществами, а также от двора к двору, до последних пределов» (?)

Все это более или менее справедливо. Неоднородное уже в условиях крепостнического хозяйства, крестьянство дифференцировалось в условиях развивающегося капитализма, выделяя на одном полюсе ничтожное количество кулацких хозяйств, а на другом—многомиллионную массу с.-х. пролетариев и полупролетариев. Вот это-то обстоятельство—наличие в российской деревне многомиллионных кадров сел.-хоз. пролетариата—имело громадное значение в определении тактики большевизма в отношении крестьянского населения страны. Однако, как это ни странно, наличие этого условия, сыгравшего большую роль в определении тактики большевизма, отрицается автором рецензируемой работы.

«По преуменьшенным таким образом данным,—пишет т. Фортунатова,—по всей бывшей империи наемных рабочих в сельском хозяйстве зарегистрировано 2,5 милл. Как видим, даже с известной поправкой, капля в море крестьянской стомиллионной стихии». «В целых районах сельскохозяйственные наемные рабочие составляют совершенно не ощутимый % сельского населения» (курсив наш. *К. Р.*).

Итак, если верить т. Фортунатовой, сельскохозяйственный пролетариат составлял ничтожную, совершенно не ощутимую часть всего сел.-хоз. населения. Это, конечно, явно неверно. Прежде всего, в этом определении «ощутимости» с.-х. пролетариата бросается в глаза сравнение количества зарегистрированных с.-х. рабочих со всей «стомиллионной стихией», как будто последняя в целом представляет собой полных, взрослых работников. Автор, очевидно, позабыл, что эта «стомиллионная стихия» включает в себя и детей и стариков и различного рода инвалидов и известный процент незанятых непосредственно в с.-х. производстве женщин и т. п. Если бы автор отбросил эту часть с.-х. населения, то процент с.-х. рабочих ко всему рабочему населению в деревне принял бы весьма ощутимые размеры.

Здесь, несмотря на чрезмерное обилие вообще приводимых автором цитат и ссылок, нельзя не отметить, однако, недостаточное использование автором работ Ленина. Степень «ощутимости» с.-х. пролетариата у Ленина значительно разнится от того, что утверждает тов. Фортунатова. Вопреки исследованиям тов. Фортунатовой, Ленин говорил о «гигантском процессе превращения мелких земледельцев в сельских пролетариев» [1]). Анализируя работу Руднева «Промыслы крестьян Европейской России», Ленин писал: «Эта, чрезвычайно ценная, работа дает сводку данных земской статистики по 148 уездам в 19 губ. Европейской России. Все число «промышленников» определилось в 2.798.122 чел. из 5.129.863 работников м. п. (18—60 лет), т.-е. в 55% всего числа крестьянских работников» [2]) (курсив наш. *К. Р.*). Принимая цифру Руднева—3½ милл. человек с.-х. рабочих (а не 2½ милл., как это делает т. Фортунатова), что «составляет около 20% всего числа мужчин рабочего возраста», Ленин, однако, считает эту цифру минимальной, так как, во-первых, данные Руднева относились к 80, иногда даже к 70 годам, а с тех пор расслоение шагнуло далеко вперед, во-вторых, не были приняты «во внимание районы высокоразвитого земледельческого капитализма», и, в-третьих, потому, что в группу с.-х. рабочих были отнесены только те лица, для которых поденщина и сдельные земледельческие работы составляли главнейшее занятие, т.-е. устранялся значительный % с.-х. пролетариев.

Таким образом, по Ленину для Европейской России, одна пятая (это самая минимальная цифра) сел.-хоз. населения представляла собой с.-х. рабочих (по 19 губ. этот процент поднимался до 55!), а по тов. Фортунатовой с.-х. пролетарии составляли каплю в море крестьянской стихии! Здесь, в вопросе социальной дифференциации деревни тов. Фортунатова не только оказывается в явном противоречии с тем, что говорил Ленин, но и совершенно неизбежно скатывается к народническому воззрению о незатронутости деревни капиталистическим влиянием, об устойчивости крестьянского хозяйства перед этим разлагающим влиянием.

---

[1]) Ленин, т. III, стр. 185.
[2]) Там же.

Чрезвычайно «странное» впечатление производят рассуждения автора о середняке. «Середняк,—пишет она,—это трудовик по преимуществу. Для него собственное хозяйство и собственный труд—два нераздельных момента, которыми, главным образом, и определяются его интересы и идеалы». «Но,—продолжает она,—положенный нами в основу нивелирующий признак—собственное самодовлеющее хозяйство с гармоническим сочетанием в нем трудовых и потребительских ресурсов и запросов без продажи труда и без его найма есть только отвлеченная (!)—логическая (!) материя».

Нельзя сказать, чтобы «отвлеченная логическая материя» блистала здесь особой точностью и марксистской точностью. И не больше ли здесь пахнет народничеством, чем марксизмом?

Частью, как мы видели, прямо неверный, частью недостаточно точный анализ социальной дифференциации деревни привел автора и к неверному разрешению крестьянской проблемы в условиях дореволюционной, царской России. «Таким образом,—пишет т. Фортунатова,—союз с беднотой против крестьянской буржуазии в интересах подавляющей массы крестьянства, таковы были перспективы, вытекавшие из классового расслоения дореволюционной России». И отсюда автор делает такие выводы: «Хозяйственные интересы и социально-политическая идеология широких слоев деревни в общих чертах развертывалась в том же направлении, как и революционное рабочее движение». «Яркий пример растущего идейного родства и экономической солидарности городских рабочих с крестьянской массой дали события «кровавого воскресенья» 9-го января 1905 года. Выстрел по рабочим загремел через головы петербургского пролетариата по всей крестьянской России. Отвечая террором на мирную петицию рабочих, царское правительство давало наглядный урок трудовому крестьянству, которое ответило на него взрывом аграрного движения».

Такое изображение взаимоотношений пролетариата с крестьянством в корне неверно. Ведь по словам т. Фортунатовой получается, что развитие революционного движения рабочего класса и крестьянства было тождественным, как в смысле экономическом, так и социально политическом! Воистину надо было потерять всякую способность не только к самостоятельному анализу, но и простому осмысливанию имеющейся по этим вопросам большевистской литературы! Оказывается, что аграрное движение 1905—06 гг. было только актом экономической солидарности крестьянства с рабочим классом! Оказывается, что не будь «кровавого воскресенья» не было бы и «взрыва аграрного движения». Надо рассчитывать на, мягко выражаясь, большую наивность читателя, чтобы причины аграрного движения свести к «идейному родству и экономической солидарности городских рабочих с крестьянской массой».

Нельзя попутно не остановиться,—тем более, что это идет все в том же первом очерке,—на отрицании автором империалистического характера для России войны 1914 г. Война,—пишет т. Фортунатова, не выросла «из самых глубоких недр наших российских аграрно-экономических порядков, а привнесена до известной степени «извне», из сферы мировой экономики и международной политики».

Немногим лучше обстоит дело и со следующими очерками работы т. Фортунатовой. Остановимся на наиболее важном и существенном. И прежде всего на характеристике новых, созданных нэпом отношений рабочего класса и крестьянства.

«Каковы же особенности смычки с деревней за первые три года новой экономической политики?—задает вопрос т. Фортунатова и дальше отвечает:

«Смычка—в этот период истории—есть длительный экономический, по преимуществу, союз между пролетариатом и крестьянством». Но через несколько страниц дальше автор раз'ясняет сущность этого союза несколько иначе. «В области хозяйственно-экономической—это смычка между национализированной промышленностью и крестьянским хозяйством, а по линии социально-политической—рабоче-крестьянское правительство».

Если мы вспомним указание т. Фортунатовой об идейном родстве и экономической солидарности рабочего класса и крестьянства, указание, что «хозяйственные интересы и социально-политическая идеология» их развертывались в одном направлении, то идея «рабоче-крестьянского правительства» приобретает специфический смысл и значение.

Нельзя согласиться и с итогами первых трех лет экономической политики, которые дает тов. Фортунатова. «Итак,—пишет она,—экономический сдвиг крестьянского хозяйства на основе его товаризации, классовое расслоение деревни и рост политической активности крестьянства, идущие, с одной стороны, в направлении антисоветском, кулацком, политическом, а с другой—по руслу советскому, трудовому, социалистическому—таковы итоги первых трех лет новой экономической политики».

Это, конечно, не итоги, а какая-то пародия на итоги нэпа. Итог должен заключаться не в том, чтобы указать на наличие двух течений, двух направлений развития крестьянского хозяйства, а в том, чтобы проанализировать характер и темп каждого из трех течений. Наконец, сущей бессмыслицей является подведение итогов нэпа для сельского хозяйства вне всякой связи с промышленностью. Пусть автор попробует подвести действительные итоги нэпа только для сельского хозяйства, совершенно изолировавшись от промышленности, и он неизбежно придет к самым нелепым, искажающим действительные итоги нэпа, выводам.

Если нэп в результате трех лет своего существования усилил капиталистические элементы за счет и в ущерб социалистическим элементам страны, если с нэпом строительство социализма не только не подвинулось вперед, но и пошло на убыль, вывод должен быть один; если же, наоборот, введение нэпа открыло возможность широкого социалистического строительства, если результаты нэпа оказались положительными именно для социалистического сектора—выводы должны быть диаметрально противоположные. Метод же подведения итогов, который применяет т. Фортунатова, совершенно недопустим.

Мы не собираемся продолжать перечисление нелепостей, которые в достаточном изобилии рассыпаны по книге т. Фортунатовой. Приведенного нами вполне достаточно для того, чтобы сделать вполне определенный вывод. В настоящем своем виде, работа т. Фортунатовой не только не дает, вопреки обещанию автора, истории взаимоотношений рабочего класса с крестьянством и эволюции крестьянства, как союзника рабочего класса,—но дала так много неверного, неточного и противоречивого, что книга может сыграть только отрицательную роль.

К. Розенталь.

РОЗЕНФЕЛЬД, Я. С.—Промышленная политика СССР. Предисловие А. М. Гинзбурга. Изд. «Плановое Хозяйство». М. 1926 г., стр. 548.

По вопросам экономической политики существует обширная и весьма разнородная литература. Но в большинстве она не идет дальше узковедомственного интереса текущего дня, а подчас ее значение и того меньше. Отдельные курсы экономической политики, их научная ценность, немногим выше этой литературы, из которой они составлены посредством ножниц или простого пересказа. Работа т. Розенфельда отличается прежде всего добросовестной и тщательной систематизацией материала и дает в общем прекрасный исторический очерк промышленной политики за годы революции. Однако, и эта работа представляет лишь первый этап по пути научной разработки проблем экономической политики. Книга т. Розенфельда носит более хрестоматийный характер, нежели оригинальной работы.

Тов. Розенфельд правильно наметил задачу—дать в своей «Промышленной политике» не «те или иные особые мнения», которые могут иметь место в связи с отдельными мероприятиями, «...а выкристаллизовавшуюся точку зрения советской власти». Рассмотрим, насколько автор «в своем об'ективно-историческом очерке» выполнил это условие.

Прежде всего несколько замечаний по поводу «науки» промышленной политики. «Подобно тому,—пишет т. Розенфельд,—как теория политической экономии подразделилась и выделила от себя экономию отдельных отраслей народного хозяйства, так и экономическая политика имеет свои разделы: промышленная, сельскохозяйственная, торговая, кредитная политика. Каждая отрасль народного хозяйства является сферой применения экономических мер, которые при всей связи с общей экономической политикой имеют свои специфические особенности, требующие особого углубленного изучения» (стр. 15—16). Необходимость создания «науки» промышленной политики автор подкрепляет еще ссылкой на общую тенденцию дифференциации научного знания.

В обосновании своей «науки» т. Розенфельд исходит из того вульгарного представления (заимствованного у автора предисловия) о теоретической экономии, будто она—сумма самостоятельных кусочков. Если экономии отдельных отраслей—части политической экономии, то нечего говорить о них как о самостоятельных научных дисциплинах. Нелепо отдельный вопрос или часть единой науки рассматривать в качестве самостоятельной научной дисциплины. И, наоборот, если существуют экономии отдельных отраслей, то, при таком взгляде, теоретическая экономия не должна существовать: ей нечего делать. В действительности же политическая экономия и экономии отдельных отраслей—качественно различные науки, как по об'екту, так и методу изучения. Таким образом, там, где необходима дифференциация научного знания и где она реально существует, т. Розенфельд ее уничтожает, а где ее нет и не требуется—как в отношении экономической политики,—он стремится ее произвести.

Экономическая политика—конкретная дисциплина, основной задачей которой является изучение мероприятий государственной власти в различных отраслях народного хозяйства. Конкретно существует промышленная, сельскохозяйственная, и т. д. политика; в совокупности они составляют экономическую политику. Промышленная политика лишь отдельная глава экономической политики. Попытка создания «науки» промышленной политики логически должна привести к обособлению экономической политики вообще, состоящей из общих принципов, от конкретной политики государства. А это неизбежно приведет к разрыву связи между политикой в различных отраслях хозяйства, к противопоставлению одной

другой, к ведомственному, бюрократическому ее извращению. На практике, в изложении промышленной политики у т. Розенфельда не получилось разрыва и противопоставлений, однако, не следовало возводить их и в теорию.

Экономическая политика имеет двоякое значение в хозяйственной жизни в зависимости от того, является ли она элементом социально-политической надстройки или экономической структуры. В первом случае она оказывает по преимуществу регулирующее воздействие на народно-хозяйственные процессы. «Регулирование совершается путем законодательства, изданием обязательных постановлений, выполнением функций государственного надзора,... разработки конкретных вопросов экономической политики, в том числе вопросов таможенных, налогового обложения, правовых вопросов и т. д.» (стр. 283). Для буржуазного государства характерна преимущественно эта роль экономической политики.

В советском хозяйстве регулирующее значение экономической политики сохраняется в отношении товарных и товарно-капиталистических элементов. Но по степени влияния и охвату хозяйственной жизни и здесь советская экономическая политика в значительной мере отличается от политики буржуазного государства, не говоря уже о различии в ее классовом содержании и целях.

Совершенно иное значение экономической политики в отношении государственного хозяйства, в частности промышленности. В промышленной политике сочетается принцип руководства (измененная форма регулирования) и управления. Руководство (путем промышленного законодательства, разработкой промплана и т. д.) намечает общие рамки управления, оперативной деятельности промышленности. Управлением же (назначением личного состава, ревизией, отчетностью и т. д.) обеспечивается выполнение общих директив, данных в порядке руководства. Конкретно руководство и управление перекрещиваются между собой, переходят одно в другое.

В капиталистическом хозяйстве функции регулирования выполняет государственная власть, а управлением занимается хозяйствующий суб'ект. В веспромышленности руководство и управление—это две стороны планирования, хозяйствующий суб'ект (ВСНХ, соответственно Госплан и СТО) является носителем правовых и экономических функций. На промышленной периферии руководство и управление слагается в систему отношений товарно-социалистического характера. Промышленная политика стоит на верхней ступени этой системы отношений, представляет исходный момент товарно-социалистических отношений. Последние имеют такое же значение для государственного хозяйства, какое капитал, прибавочная стоимость и т. д. для буржуазного способа производства. Поэтому неправильно говорить о плановом начале только как об одном из признаков советской промышленности.

У тов. Розенфельда различие советской промышленной политики от политики буржуазных государств состоит только в классовом содержании, методах и целях. Правда, он указывает, что «экономическая политика советского союза в гораздо большей мере, чем экономическая политика буржуазных государств, охватывает все отрасли народного хозяйства страны, пропитывая все ткани его своим планово-регулирующим воздействием» (стр. 14). Но этот больший охват хозяйственной жизни он понимает чисто количественно. Автор не понял, что у нас хозяйствующий суб'ект является носителем функций руководства и управления, правовых и экономических функций. В его работе это отразилось в том, что основные проблемы промышленной политики он трактует больше

с юридической стороны, а там, где касается социально-экономической природы советской промышленности, делает существенные ошибки. Так, например, в абзаце «Крупная промышленность—единственная база социалистического общества» он пишет: «Задача экономической политики сводится теперь не к тому, чтобы запретить, стеснить развитие товарных отношений, а к тому, чтобы эти товарные отношения использовать для развития производительных сил страны и подчинить эти отношения государству, т.-е. направить их в сторону «государственного капитализма» (стр. 191).

В других местах тов. Розенфельд еще более решительно утверждает, что система нашего государственного хозяйства является «госкапиталистической» (стр. 236, 469—70). Правда, термин «госкапитализм» ставится им в кавычки, но по существу это мало меняет дело. «В буржуазном обществе,—по мнению автора,—государственный капитализм, т.-е. вмешательство государства в экономическую жизнь, заключается не только в регулировании, но отчасти даже в непосредственном управлении капиталистическим хозяйством, представляет собой высшую форму могущества буржуазии и ее государства; в государстве рабочего класса государственный капитализм представляет собою одну из вех диктатуры пролетариата» (стр. 192—3). Различие, таким образом, лишь в классовом содержании государственной власти, между тем, как экономическая структура у нас госкапиталистическая. Тов. Розенфельд оговаривается, что категории капитализма в отношении государственного хозяйства могут иметь лишь условное значение (стр. 354), но это «отступление» у него чисто формального свойства.

В конечном счете вопрос о социальном существе гос. хозяйства сводится к вопросу о национализации основных средств производства. Последнее обстоятельство отрицает существование классового антагонизма в этом хозяйстве. Госкапитализм же и при пролетарской диктатуре не означает уничтожения отношений эксплоатации, а только их ограничение. Впрочем, эта сторона вопроса достаточно ясна, чтобы на ней подробнее останавливаться; только человек, ослепленный фракционной борьбой, может усумниться «в последовательно-социалистическом типе» наших госпредприятий. Отметим в этой связи еще пару извращений. В советской экономике т. Розенфельд различает иногда только государственное хозяйство и частное (стр. 199), об'единяя последним совершенно различные общественно-экономические уклады. Неправильно также делает т. Розенфельд, ставя знак равенства между государственной и кооперативной промышленностью (стр. 531).

В анализе отдельных этапов развития промышленной и вообще экономической политики мы у т. Розенфельда встречаем по существу те же предыдущие ошибки—непонимание основных особенностей советского хозяйства. Появление нэпа в 1921 г. для т. Розенфельда довольно-таки неожиданное событие. Первый период после Октябрьской революции—прообраз нынешнего нэпа, у него совершенно пропал. Между тем для понимания основных периодов революции—«военного коммунизма» и нэпа—этот первый этап экономической политики имеет весьма существенное значение. Именно этот кратковременный период еще ярче подчеркивает, что экономическая политика «военного коммунизма» была вынужденной политикой хозяйственного строительства, поправкой правильной политики пролетариата в переходный период. Для об'яснения закономерности «военного коммунизма» и нэпа, их взаимоотношений и места в переходном хозяйстве вообще, этот первый этап экономической политики дает очень много.

Об этом первом этапе тов. Розенфельд упоминает только мельком. Он указывает, что в этот период была «тенденция к более осторожной политике», что существовало стремление «возможно скорее восстановить производительность заводов» (стр. 98), что трестовая форма об'единения предприятий «намечена еще в 1918 г.» (стр. 134), что этот период характеризуется «попыткою демобилизации промышленности» (стр. 141). Эти замечания, конечно, не могут дать представления об экономической политике за этот период.

Общая оценка «военного коммунизма» страдает туманностью и скрывает грубые ошибки. Он указывает, что промышленность могла кое-как справиться с военными нуждами, но «все же жить полной жизнью, работать полным темпом русская промышленность не могла, в виду крайнего обострения сырьевого, топливного» и т. д. кризиса (стр. 105). Это утверждение заставляет думать, что будто темп промышленной жизни был достаточно высок и мог иметь место. В этом скрывается неправильность, извращающая отношения «военного коммунизма» и нэпа и самый переход к последнему.

Период между VIII с'ездом советов и X с'ездом партии характеризуется противоречивыми тенденциями в экономической политике, борьбой военно-коммунистических тенденций с первыми проблесками осознания необходимости перехода к нэпу. Этот переход тов. Розенфельд изображает весьма упрощенно: «Когда победа,—пишет он,—на военных фронтах определилась, и Советская Россия получила возможность перейти к мирному строительству, перед ней встал вопрос о пересмотре некоторых сторон экономической политики» (стр. 146). «Советская Россия,—говорит он несколько ниже,—констатировав медленный темп развития революции в Западной Европе и необходимость опираться пока только на свои силы, приступает к ломке всего сложившегося в период военного коммунизма хозяйственного уклада, открывая новую эру экономической политики пролетариата, рассчитанную на переходный период» (стр. 170).

Помимо того, что процесс перехода или, вернее, осознание необходимости нэпа изображено неправильно, неправильна здесь оценка самого нэпа и причин, вызвавших его появление. Конечно, нельзя преуменьшать значение изменившейся международной обстановки, замедление темпа революционного движения на Западе, но нельзя только этим обстоятельством об'яснять появление нэпа. Причины нэпа в основном скрываются в российской экономике, в частности в русской промышленности, в невозможности недиалектического скачка к натурально-хозяйственной системе отношений. Благодаря изменившейся революционной ситуации, мы, по мнению т. Розенфельда, лишились поддержки развитой западно-европейской промышленности, а так как развитие собственной промышленности было слабо и находилось в упадочном состоянии, то необходим был переход к нэпу. Все дело, таким образом, в наличии развитой крупной промышленности. «Поскольку цветущая крупная промышленность есть налицо,—пишет т. Розенфельд,—постольку бесспорно возможен непосредственный переход к социализму» (стр. 186). Но так как у нас ее не было, необходима была легализация рыночных отношений для развития крестьянского хозяйства и установление смычки между рабочим классом и крестьянством. Но «было бы, однако,—продолжает автор,—неправильно отсюда заключать, что мелкокрестьянское хозяйство вообще не может развиваться иначе, как в условиях рыночного оборота» (стр. 189). «Дело, следовательно,—заключает он,—не в неизбежности для мелкого сельско-хозяйственного производства рыночных отношений, основанных на денежном обращении, а в том, получает ли крестьянин за отчуждаемые у него продукты соответствующий эквивалент в промышленных продуктах, т.-е. удовлетворяющий его обычным потребностям и стимулирующий его к развитию хозяйства... Для этого требуется соответствующее развитие промышленности, которого у нас не было, и в наших условиях крайнего разорения другого пути, кроме рынка, пока нет» (стр. 190).

Ошибки тов. Розенфельда в этом пункте вкратце сводятся к следующему.

На данной ступени экономического развития крестьянское хозяйство может развиваться только в условиях рыночного оборота. Только рыночные отношения дают этому хозяйству стимул для дальнейшего развития. При натуральном обмене это хозяйство будет находиться в состоянии упадка и деградации.

Развитая промышленность, даже самой развитой капиталистической страны, не может в переходном хозяйстве, при натуральной системе отношений, дать достаточное количество продуктов. Натуральный тип хозяйственных отношений после капитализма может возникнуть на основе гигантского роста производительных сил, невиданного при капитализме.

Развитие хозяйства может происходить при строгом учете элементов производства. Этот учет и элементов самой промышленности, которому Ленин придавал такое громадное значение, в переходном периоде может происходить не иначе, как в ценностной форме.

Эти обстоятельства делают нэп, товарные отношения неизбежными при переходе от капитализма к социализму. Нэп в изображении т. Розенфельда вообще не является необходимым этапом переходного периода, а только в наших условиях и то при известных обстоятельствах. Автор превращает нэп из закономерного явления переходного периода в случайное, не вытекающее из самой природы этого этапа исторического развития.

Общественной формой переходного хозяйства, формой, через которую возможно движение к социализму, являются товарные отношения в сочетании с плановыми отношениями производства. Рост плановых отношений означает обобществление хозяйства мелкого товаропроизводителя, постепенную трансформацию товарных отношений, после которой возможна их окончательная ликвидация. Рассуждения тов. Розенфельда о нэпе показывают, что он мало уяснил себе сущность этого явления.

В заключение укажем на ряд менее существенных недостатков работы тов. Розенфельда: встречаются и такие ляпсусы, как смешение производительности труда с валовой продукцией (стр. 22), утверждение, будто только войной создана диспропорциональность частей народного хозяйства, что будто «до войны промышленность давала сельскому хозяйству больше, чем сельское хозяйство промышленности» (стр. 168), что будто бы при нэпе возникает необходимость профессиональных союзов бороться за повышение материального и культурного уровня «партийных и беспартийных рабочих» (стр. 222—3) и т. д.

Изложение промышленной политики автор, собственно, заканчивает 1923—24 хоз. годом. Проблемы промышленной политики за последние два года освещены весьма бегло. Так, проблема индустриализации, проблема основного капитала промышленности, проблема реконструкции промышленности, автором не затронуты или затронуты весьма поверхностно.

«Промышленная политика» предназначена «для широких читательских кругов, нуждающихся в сводном систематическом изложении промышленной политики Советской России за все годы революции» (стр. 7).

Напрасно только автор избрал цитатную форму изложения. Последнее обстоятельство делает книгу несколько громоздкой для широкого круга читателей. Все же, однако, книга т. Розенфельда, принадлежит к числу лучших работ по экономической политике.

Н. С.

«БОЛЬШЕВИК УКРАИНЫ». Политико-экономический журнал ЦК КП(б) У. № 1, за 1926 г. Изд. «Пролетарий», стр. 123. Цена 50 к.

Потребность для такой союзной республики, как Украина, в теоретико-практическом органе, который освещал бы основные вопросы политики и экономики вообще, теории и практики партии в частности, затрагивал бы волнующие вопросы текущего дня, суммировал бы опыт работы партии—не подлежит никакому сомнению. Удовлетворяет ли такой потребности вышедший № 1 «Большевика Украины»?

Журнал построен по типу центрального теоретического органа партии—«Большевика» и ставит себе, примерно, те же задачи, что и этот последний.

Первое, что нужно отметить в первом номере—это его выдержанность. Второе—то, что журнал сразу же, с момента своего появления, сумел откликнуться на самые животрепещущие вопросы, стоящие в центре внимания коммунистических партий всего Советского Союза. И, наконец, третье—то, что журнал откликнулся сразу на некоторые вопросы чисто украинского порядка дня. Все три указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что журнал с первых дней своего существования стал на верный и правильный путь.

Номер открывается передовицей, посвященной очередным задачам партии. В статье нашли свое отражение многие из тех вопросов, по которым партия в настоящее время дает отпор ревизионистским уклонам современой оппозиции. Сюда, в частности, относится вопрос об оценке мирового положения капитализма и связанный с ним вопрос о тактике Коминтерна. Констатировав наличие временной относительной стабилизации капитализма, статья подчеркивает важность тактики единого фронта. Поскольку мировое положение таково, что Коминтерн в данный отрезок времени не стоит перед задачей прямого штурма твердынь капитализма и мобилизации для этой цели рабочих масс,—а признание этой задачи задачей текущего дня неизбежно вытекает из отрицания оппозицией капиталистической стабилизации,—проблема завоевания масс на свою сторону продолжает сохранять для Коминтерна первостепенное значение.

Переходя к вопросам внутреннего строительства, статья выясняет сущность взятого партией курса на индустриализацию страны, подвергая попутно критике позицию сверх-индустриалистов.

Большое внимание статья уделила письму Медведева. На примере считающей себя «левой» платформы Шляпникова—Медведева статья показывает куда растет антибольшевистский уклон вообще. Правое существо указанной платформы вряд ли будет оспариваться теперь всяким, кто пытается честно и по-партийному решать спорные вопросы в партии. Все указанные вопросы передовицей освещены, однако, не с той резкостью очертаний и логической законченностью, какую они приобрели на июльском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) и после него. Причина ясна: журнал написан до пленума, партия еще не стояла перед фактом существования многоцветного оппозиционного блока.

Со времени XIV партс'езда большую и решающую важность приобрел вопрос об единстве партии. Выяснению вопроса об единстве посвящена статья тов. Корнющина. Поставив правильно проблему единства партии, автор показывает, что расщепление партии на фракции и группировки неминуемо влечет к почкованию различных политических партий, толкая нас, в конечном счете, на рельсы буржуазного демократизма.

Но трактуя в общем правильно вопрос о единстве, автор поставил его несколько абстрактно, формально, вне связи с текущей борьбой, которую ведет современная оппозиция против единства партии. В частности, т. Корнющин недостаточно подчеркнул тот момент, что единство партии достигается не только формальной необходимостью подчинения меньшинства большинству, но и, как добавлял Ленин, правильностью политической линии. Например, теперешняя борьба партии против раскольнической линии оппозиционного блока основана не только на требовании подчинения меньшинства решениям большинства, но и на том, что защищаемая и проводимая партией политическая линия есть единственно правильная линия, подтвержденная всем опытом нашей революции. С этой точки зрения применяемые оппозицией сравнения положения в нашей партии теперь с положением РСДРП на Стокгольмском с'езде и после него теряют под собою всякую почву и всякий смысл и свидетельствуют лишь о бедности аргументов, к которым вынуждена прибегать оппозиция.

Вопрос о партии в настоящее время тесно связан с вопросом об общем политическом положении в стране. Показателем этого положения является минувшая кампания по перевыборам советов. Чрезвычайный интерес приобретают итоги перевыборов на Украине, как районе, с наиболее выпукло проявляющимся расслоением крестьянства. Выяснению итогов перевыборов сельсоветов на Украине и посвящена статья тов. Н. К.

Перевыборы обнаружили ряд недочетов, отрицательных результатов. Сюда относятся организационная слабость многих сельских парторганизаций, неумение их «руководить беспартийными массами в условиях возрастающей общественно-политической активности крестьянства» (стр. 109); слабая организация бедноты, частично вызванная совпадением с перевыборами реорганизации комнезамов, внесшей расстройство в ряды бедноты; снижение % лишенных избирательных прав, об'ясняемое отчасти расширением избирательных прав нетрудовым элементам, нашедшим себе место в избирательных инструкциях (это извращение партлинии своевременно партией замечено и исправлено), отчасти приспособляемостью кулака к новым условиям. Статья вполне правильно ставит вопрос об использовании богатых уроков минувшей кампании с целью предотвращения ошибок и недочетов в будущем.

Тем не менее, эти теневые стороны не могут и не должны заслонить громадных положительных ее результатов. Каковы эти результаты, каковы политические итоги перевыборов сельсоветов на Украине?

1) Партийные организации подошли к перевыборам значительно организованнее и с кампанией в общем и целом справились.

2) Активность деревенской массы, в особенности середняка, повысилась (% участия—48—81 по отношению к общему числу избирателей деревни), при чем попыткам кулака подчинить своему влиянию советы был дан решительный отпор бедняцко-середняцкого фронта: «в большинстве случаев напряженная, организационная работа кулаков проводилась зря: выставленные ими списки дружными усилиями бедноты и середняков проваливались» (стр. 104). Следует отметить, что руководящую роль в бедняцко-середняцком блоке. играет середняк. Автор правильно ставит задачу усиления руководящей роли бедноты.

3) Мы имеем не просто повышение активности деревни, но «возрастающая активность основных масс крестьянства сосредоточилась вокруг оживления советов» (стр. 105).

4) Что касается вопроса о политической линии партии, то «перевыборы сельсоветов этого года сделались генеральной проверкой линии партии в отношении села». «Эта проверка подтвердила линию партии не резолюциями, не теоретическими рассуждениями, а живыми, жизненными фактами, оценка которых не может иметь двух мнений» (109).

Таковы итоги, подтверждаемые автором рядом фактов и цифр.

Из статей, посвященных экономическим вопросам, в номере имеются: статья т. Демченко «Экспорт, импорт и организация хлебозаготовок», статья т. Гринько, посвященная вопросам текущей экономической политики, и статья т. Коломойцева «Об одной ревизии ленинизма». На последней следует несколько остановиться.

Тов. Коломойцев, очевидно, поставил себе задачей разобрать теоретические основы экономической политики троцкизма (Преображенский), а также ряд предложений в области практической политики, исходящих из лагеря троцкистов (политика цен, налоговая политика и др.). Критика, развиваемая автором, в общем правильна, но поставленная им перед собой задача оказалась в рамках небольшой журнальной статьи, выполненной слабо.

Нужно было разобрать, но уже полнее и обоснованнее или «закон первоначального социалистического накопления» или практические предложения Преображенского и Оссовского. Автор этого не сделал и потому в своей критике расплылся. Ряд методологических и теоретических ошибок Преображенского от внимания автора ускользнул, а критика практических предложений оказалась несколько легковесной. Говоря о политике цен, о налоговой политике оппозиции, т. Коломойцев мог бы подкрепить свои аргументы цифрами.

Некоторые вопросы международной жизни также нашли освещение на страницах первого номера. Помимо характеристики мирового положения, данной в упоминавшейся выше передовице, в журнале помещены статья т. Броуна, анализирующая кризис английского капитализма, лежащий в основе происходящих в Англии социальных конфликтов, и статья т. В. Юринец о пилсудчине.

Специальному украинскому дню посвящена статья т. Скрыпника «Итоги литературной дискуссии». Эти итоги отражают любопытные и интересные процессы в строительстве Украины как самостоятельного государства, связанного братскими узами с остальными государствами СССР. Тов. Скрыпник подводит итоги дискуссии об украинизации, происходившей недавно в КП(б)У. Итоги обсуждались на пленуме ЦК КП(б)У и зафиксированы в специальном постановлении пленума. В чем суть этой дискуссии?

«Когда КП(б)У признала задачу строительства Украины как отдельного советского государства, признала наличие украинской культуры, существование украинского языка (а не «наречия»), тогда-то на сцену появилась неправильная, немарксистская и неленинская теория борьбы двух культур—украинской и русской—при нейтралитете партии и советской власти (или же при содействии признаваемому ею неизбежному процессу «руссификации») (стр. 20). Отметив буржуазно-шовинистическое происхождение этой теории, признав, что она льет воду на мельницу шовинистов обоих лагерей и при своем осуществлении неминуемо привела бы к обострению национальных противоречий, пленум говорит: «Не путь противопоставления украинской культуры культурам других народов, а путь братского сотрудничества рабочих и трудящихся масс всех национальностей в деле строительства международной пролетарской культуры, куда и украинский рабочий класс сумеет вложить свою долю» (стр. 20). Далее постановление намечает конкретные пути, по которым должно пойти развитие украинской культуры.

Обосновывая постановление пленума, подвергая критике обнаружившиеся в дискуссии неправильные уклоны (Хвыльовый, Романовский), т. Скрыпник попутно выясняет сущность национальной политики советской власти, непонимание которой и лежит в основе неправильных позиций некоторых товарищей.

Следует в заключение отметить хорошо поставленный отдел критики и библиографии как по количеству рецензий, так и по их качеству. Хорошее содержание, партийная выдержанность, живой и бойкий язык делают отдел интересным.

Как положительный факт, надо отметить то обстоятельство, что некоторые статьи помещены на украинском языке. Журналу необходимо пойти по пути большей украинизации в отношении языка.

Достоинства журнала ясны. О недостатках журнала мы не хотели бы говорить, имея перед собою всего лишь один первый номер. Поэтому ограничиваемся приведенными замечаниями по существу отдельных статей.

Посмотрим, что покажет недалекое будущее журнала. Важно, что с самого начала он стал на верный путь.

Г. Стрельцов.

ОПЕЧАТКИ.

В № 13 „Большевика“.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
5	9 сверху	„XI с'езд принял“	„X с'езд принял“
13	3 снизу	„Остальных способов производства“	„Отсталых способов производства“.
18	28 сверху	„под'историю капитала“	„пред'историю капитала“
20	18 „	„равнозначна роли частного капитала“	„не равнозначна роли частного капитала“

В № 14 „Большевика“.

Стр.	Строка	Напечатано:	Следует читать:
5	10 снизу	(около 70%)	(около 60%)
7	15 „	„симптом их передвижения“	„симптом их перерождения“
7	1 и 2 снизу	„Как оно „присоединяется“ к режиму буржуазии, и, поддерживая его ленинизм, в корне отрицает эту трактовку“.	„Как оно „присоединяется“ к режиму буржуазии и поддерживает его. Ленинизм в корне отрицает эту трактовку“.
9	7 сверху	„Четвертая область партийных организаций“.	„Четвертая область партийных разногласий“.
10	16 снизу	„как и троцкистской, так и у „новой“ оппозиции“.	„как и у троцкистской, как у „новой“ оппозиции“.

№ 18 № 18

30 СЕНТЯБРЯ

1 9 2 6

МОСКВА